

*Протоиерей
Георгий Панов*

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
И СОЦИАЛЬНОЕ ПРИЗРЕНИЕ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ»

Серия
«ИЗ НАСЛЕДИЯ»

Г. И. Панов

**ИЗБРАННЫЕ
ТРУДЫ**

* * *

МОСКВА
2008

Г. И. Панов

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
И СОЦИАЛЬНОЕ
ПРИЗРЕНИЕ**

(конец XVIII – 60-е годы XIX века)

* * *

*Составление, сопр. статьи и комментарий
доктора исторических наук И. Н. Юркина*

МОСКВА
2008

**По благословению
высокопреосвященнейшего Алексия,
архиепископа Тульского и Белевского**

Рецензенты:

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник Центра «История России в XIX в.»
Института российской истории Российской академии наук
Г. Н. Ульянова,

доктор филологических наук,
профессор кафедры истории русской литературы и журналистики
факультета журналистики Московского государственного университета
Т. Ф. Пирожкова

Панов Г.И. **Избранные труды: Благотворительность и социальное призвание (конец XVIII – 60-е годы XIX века)** / Сост., статьи и коммент. И.Н. Юркина. М.: «Древлехранилище», 2008. 284 с. + илл.

ISBN 978-5-93646-135-4

Первое посмертное издание избранных трудов тульского историка второй половины XIX века — работ, посвященных истории, состоянию и актуальным проблемам благотворительности и социального призвания в Тульской губернии и за ее пределами. Исторические очерки об учреждениях, состоявших в ведении Тульского приказа общественного призрения, написаны по архивным материалам. Издание сопровождается статьями, комментариями и указателями.

© Юркин И. Н., (составление, сопр. статьи, комментарий, илл.), 2008

ISBN 978-5-93646-135-4

© Изд-во «Древлехранилище», 2008

«ДУХ ЗРЕЛЫЙ И ЗДОРОВЫЙ»

(*Георгий Иванович Панов:
жизнь, творчество, научное наследие*)

Автор этой книги при жизни был известен в своем городе весьма широко, пользовался здесь и уважением, и авторитетом. Образ его и дела какое-то время сохранялись в памяти и душах младших его современников, но с их уходом погасли — ход событий на время отодвинул духовное наследие таких, как он, на обочину исторического процесса. За столетие после смерти выскоблен из памяти он был основательно: сегодня ссылки на его работы редки даже у специалистов. Этот сборник — первое посмертное избранное переиздание принадлежащих ему сочинений, и едва ли ошибемся, предположив, что большинство читателей знакомится с ними впервые. Тем более сомнительно знакомство с биографией их автора.

С нее и начнем.

Будущий священник, миссионер, педагог и историк-краевед Георгий Иванович Панов родился 24 ноября 1824 г. в селе Здоровец Ливенского у. Орловской губ.¹ Он учился в Орловской семинарии, а после ее окончания — в Духовной академии в Киеве. Обучение закончил в первом разряде. В 1851 г. получил степень магистра.

¹ Биографические сведения о Г.И. Панове почерпнуты из документов, хранящихся в Государственном архиве Тульской области. В качестве основного источника использована клировая ведомость Староникитской церкви г. Тулы за 1898 г. (ГАТО. Ф. 3. Оп. 4/18. Л. 217-220). Учтены также более ранние, за 1873 и 1865 гг., формулярные списки о службе Г.И. Панова (Там же. Ф. 6. Оп. 2. Д. 340; Оп. 3. Д. 77).

Трудовая биография Г.И. Панова началась в Туле 4 ноября² 1849 г. — в этот день в 3-м классе среднего отделения семинарии он приступил к преподаванию логики, психологии и латинского языка. Занятия по логике Панов вел позднее и во 2-м классе того же отделения, причем первоначально без оплаты. В 1861 г. «за усердное и полезное прохождение должности» ему было преподавано благословение Святейшего Синода. Начиная с 1863 г. Панов работал с семинаристами высшего отделения, уча их гомилетике и богословию: основному, догматическому, обличительному (и соединенным с ним предметам), нравственному и пастырскому. По истечении 25-летнего срока службы в семинарии, аттестованный Комитетом при Святейшем Синоде преподавателем «опытным и полезным», был оставлен в ней еще на пять лет. По прошествии пятилетия, в 1879 г., указом Синода «во внимание к полезной и усердной педагогической деятельности», засвидетельствованной местным начальством и ревизовавшим ее членом Учебного комитета, «впредь до усмотрения» снова был оставлен в штате семинарии. Георгий Иванович преподавал здесь богословие догматическое, нравственное и обличительное еще нескольких лет и покинул преподавательскую кафедру уже по собственной инициативе, когда стали слабеть силы.

Авторитет Панова в семинарии с годами неуклонно зрел, о чем свидетельствуют ответственные поручения, которые в дополнение к преподавательской работе доводилось ему исполнять. Впрочем, укрепляя авторитет, пришлось немало потрудиться: только в 1860 г., через 11 лет после прихода в семинарию, он вошел в ее (и Тульского духовного училища) ревизионный комитет. Судя по всему, примерно в это время отношение к нему как опытному, ответственному и энергичному работнику определялось окончательно, и в дальнейшем его имя начинает все чаще встречаться в списках членов разного рода комиссий и комитетов при епархиальных учреждениях. Восемнадцать лет (с 1863 по 1881 г.) он состоял членом ревизионного комитета по проверке отчетности сумм попечительства семинарии и Духовного училища. Пятнад-

² По другим данным, преподавателем в Тульскую семинарию Панов был назначен 7 ноября (Пятидесятилетний юбилей протоиерея тульской Староникитской церкви Георгия Ивановича Панова // Тульский край. Памятные даты на 2004 год. Тула, 2003. С. 188).

Здание духовной семинарии в Туле. Фото из издания: Тульская духовная семинария. 1914 учебный год. Париж: С. Случанский и сын, 6. г.

цать — с 1868 по 1883 г. — был членом правления семинарии по педагогической части (педагогического собрания правления). Показательны сведения о процедуре и итогах его избрания в это правление. Выборы на освобожденное (протоиереем Александром Ивановым) место осуществлялись путем баллотировки из 8 претендентов, выбирало общее собрание правления из 19 человек, включавшее ректора и инспектора семинарии. Максимальное количество баллов «за» и минимальное «против» набрал 44-летний Георгий Панов, оказавшийся по результатам первым, причем с заметным от остальных отрывом. 1 ноября своей резолюцией на представлении ректора семинарии преосв. Никандр, епископ Тульский и Белевский, утвердил это решение³.

После пятнадцатилетия в составе правления еще двенадцать лет (с 1883 по 1895 г.) Г.И. Панов состоял членом педагогического совета семинарии. Более 20 лет (с 1875 по 1896 год) являлся экзаменатором ее воспитанников, поступавших на священнические места. Постоянные поручения сопровождалось разного рода кратковременными «членствами» во временных структурах, связанных с управлением семинарией. В 1872—1873 гг. Панов входил в комитет по при-

³ ГАТО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 23. Л. 1-4.

стройке нового ее корпуса, потом во множество ревизионных комитетов: по проверке семинарской отчетности (1878), по содержанию семинарии (1883—1884), по отчетности сумм, израсходованных на перестройку ее здания (1884).

Одновременно с работой в семинарии Панов несколько лет (с 1858 по 1864) являлся законоучителем в Тульском народном училище. В последующие три десятилетия более нигде он, кажется, не преподавал — по-видимому, все время отнимала служба в семинарии, при церкви и исполнение поручений по епархии. Но в пожилом возрасте, когда от некоторых поручений его освободили, высвободилось и время, и вот, в 1894 г. 70-летнего Панова встречаем на посту заведующего церковноприходской школой при тульской Староникитской церкви. Его имя мелькает в списках состава и других учреждений, связанных с работой образовательных учреждений, а в 1894 г. одно из них — Тульское уездное отделение Епархиального училищного совета — он даже возглавляет. В 1896 г. в качестве члена от духовенства участвует в работе Тульского земского училищного совета.

Трудами на ниве воспитания и образования юношества деятельность Г.И. Панова далеко не исчерпывалась. 16 июня 1851 г. он был рукоположен во священники и определен к Вознесенской города Тулы церкви. Четыре года спустя, 16 декабря 1855 г., по распоряжению преосвященного Димитрия (Муретова), епископа Тульского и Белевского, «ради пользы службы при семинарии» был перемещен в находившуюся ближе к ней Староникитскую церковь. За заслуги по духовному ведомству 17 апреля 1871 г. награжден саном протоиерея.

Со второй половины 60-х одно за другим Г.И. Панов получает ответственные назначения епархиального уровня. Важнейшее состояло в определении его к миссионерской работе: тридцать лет — с 1866 по 1896 год — он состоял миссионером в Тульской епархии и был освобожден от этого поручения только в 72-летнем возрасте. Миссионерское служение нашло отражение в специализации преподавательской: он приступил к преподаванию обличительного богословия по миссионерскому отделу, в связи с чем в том же 1866 г. состоялось окончательное его перемещение в высшее отделение семинарии. В 1887 и 1891 гг. протоиерей Георгий Панов посылался от епархии на миссионерские съезды в Москву. Закономерным было и введение его в комитет, контролировавший проведение в Тульской епархии вероучительных собеседований. Столь же законо-

Церковь Вознесения Господня в Туле. Фотография 1972 г.

мерным по сути, сколь останавливающим внимание с учетом возраста, было включение в 1897 г. в состав миссионерского отдела Братства св. Иоанна Предтечи. Непосредственно перед этим, с 1894 по 1897 г., он возглавлял местный Комитет по делу духовного назидания народа.

Миссионерская работа с сектантами и иноверцами требовала глубокого и точного знаний сути и границ церковной догмы, высокого профессионализма в умении различать и обличать отклонения от нее. Наличие их у Панова, а также собственная его склонность к литературному труду (в научной сфере и различных жанрах церковной словесности), определили выбор его фигуры для исполнения цензурской работы. С 1868 г. на протяжении многих лет он был цензором «Тульских епархиальных ведомостей» (далее ТЕВ); с 1878-го, не менее 20 лет — цензором проповедей тульского городского духовенства.

знаком высокого авторитета, который завоевал Панов в епархии, явилось состоявшееся 26 марта 1880 г. назначение 55-летнего протоиерея благочинным тульских городских церквей.

Труды Г.И. Панова неизменно высоко оценивались, а сам он не раз награждался (набедренником, фиолетовой скуфьей, камилавкой). Как отмечалось в газетной заметке, посвященной 50-летию юбилею со дня его вступления на «общественную службу»; Панов за ревностное исполнение возлагавшихся на него обязанностей «получил от епархиального начальства все награды, получаемые протоиереями, до палицы и наперсного золотого креста, выдаваемого из Кабинета Его Величества, включительно»⁴. За труды в должности председателя Тульского уездного отделения Епархиального училищного совета 74-летнему протоиерею было назначено единовременное денежное вознаграждение из средств государственной казны. Он был награжден орденами св. Анны третьей (1875) и второй (1879) степеней, св. Владимира четвертой (1883) и третьей степеней (1890)⁵, медалями в честь царствования императоров Николая I и Александра III, бронзовым крестом в память о Крымской войне.

⁴ Пятидесятилетний юбилей... С. 188.

⁵ Обращаем внимание на эти сведения в связи с задачей поиска изображений Г.И. Панова — они могут оказаться полезными при атрибуции безымянных фотографий. Заметим, что орден св. Владимира, которым, как отмечено в его статуте, награждали «за ревностную и усердную службу, прилежание, труды и беспорочность в отправлении должности», полагалось

Заметным событием в жизни Тулы конца 19 столетия явился 50-летний юбилей общественной деятельности Г.И. Панова, практически совпавший с его 75-летием. На божественной литургии в Староникитской церкви, совершенной 7 ноября 1899 г. (в день, когда по благословению владыки, преосвященнейшего Питирима, епископа Тульского и Белевского, отмечался этот юбилей), присутствовало до 30 протоиереев и священников г. Тулы. В доме протоиерея к юбиляру с приветствиями и благопожеланиями обратилась делегация преподавателей семинарии во главе с ректором. Речь произнес Н.И. Троицкий, в прошлом его ученик⁶.

Семья Георгия Ивановича состояла из супруги Александры Матвеевны, бывшей на 12 лет моложе мужа, и четырех достигших совершеннолетия детей. Сын Владимир преподавал в гимназии. Из трех дочерей одна — Ольга — состояла учительницей в Тульской женской прогимназии. Принадлежавший ему дом находился недалеко от Староникитской церкви на улице Почтовой (ныне Дзержинского).

Кажется, только смерть, последовавшая в октябре 1907 г. на 83-м году жизни, прервала служение протоиерея Богу и людям в избранных им сферах религиозной и общественной деятельности. Современники отмечали его «мощные немеркнущие силы», неизменную выносливость в занятиях, «дух зрелый и здоровый», сохранявшийся и в преклонные годы. По их свидетельству, его жизнь «была примером строжайшего воздержания и неустанного труда». Священник Дмитрий Силин вспоминал, что умственный его взор «от продолжительного упражнения в богословской науке почти постоянно был устремлен в беспредельный океан духовной божественной жизни. И отблеск этой жизни ясно чувствовался при общении с ним». Передавая впечатление от встреч незадолго до его смерти, он заключал: «С таким людьми и краткая встреча, даже в глубокой старости, а может быть в ней-то и особенно, бывает много поучительна... Мы здесь ярко видим, что дух человека есть ясная разумная сила, содержащая в своей власти, до известной степени, тленную плоть»⁷.

носить постоянно, «никогда не снимать, ибо трудами оный приобретается» (Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ). Собрание 1-ое. Т. 21. № 15515. С. 671-672).

⁶ Пятидесятилетний юбилей... С. 188-189.

⁷ Силин Д. Слово при погребении о. протоиерея Георгия Панова // Тульский край. Памятные даты на 2004 год. Тула, 2003. С. 190-192.

Г.И. Панов успешно сочетал различные сферы деятельности, но наиболее ярко и полно раскрылся в качестве священника, преподавателя, ученого-историка, журналиста.

Его наследие, состоящее из произведений разных жанров, обширно и разнообразно. Заметное место в нем занимают несколько монографического плана сочинений, опубликованных отдельными изданиями в Москве и Туле в период с 1871 по 1902 г. Но основной формой, в которую на протяжении многих лет отливались результаты его духовной и интеллектуальной творческой работы, являлась не монография. В качестве православного ученого и писателя наиболее органично он реализовывал себя в журналистике. С конца 1850-х гг. на протяжении сорока с лишним лет в тульских газетах, преимущественно в «Епархиальных ведомостях», появляется великое множество его статей, публиковавшихся иногда под полным именем автора, иногда под прозрачными для читателя псевдонимами (*Г.П.*, *Г. П-в*, *Прот. Г. П-в*). В 70-х и 80-х он был одним из самых плодовитых сотрудников этого издания⁸. Только в старости творческая его активность стала слабеть, хотя не прекращалась еще долго — самые поздние принадлежащие его перу материалы были опубликованы, когда автор уже достиг своего восьмидесятилетия.

Сочинения Г.И. Панова образуют несколько тематических групп.

Первая, хронологически самая ранняя — статьи, посвященные местной церковной истории и главным ее свидетелям и памятникам — приходским храмам городов Тульской епархии: самой Тулы (1862—1868), Крапивны (1867) и Одоева (1868). Публикация была начата в «Тульских губернских ведомостях», продолжилась в епархиальных. Из тульских церквей Г.И. Пановым были описаны Вознесенская (в 1862), Боголюбская (1863), Христорождественская за рекою или Николо-Зарецкая (1863), Богородицкорождественская или Пречистинская, что в Гончарах (1864), Староникитская (1859, 1864), Георгиевская, что на Хопре (1866), Владимирская, что на Ржавце (1868). Примечательно, что первый опыт Панова в области

⁸ См. в отчете о праздновании юбилея Г.И. Панова: «О. кафедральный протоиерей почтил юбиляра задушевною приветственною речью, в которой упомянул, между прочим, что за все время издания епархиальных ведомостей юбиляр был едва ли не одним из самых деятельных сотрудников» (Пятидесятилетний юбилей... С. 189).

церковного краеведения — статья о Вознесенской церкви — посвящена храму, в котором началось церковное служение отца Георгия, — с ним молодой священник был связан четыре с половиной года. К тульскому циклу примыкает сочинение о библиотеке Староникитской церкви (1862), к одоевскому — о церковных землях города Одоева с уездом (1871). Очерки о храмах имели приблизительно одинаковую структуру: включали их историю, описание внутреннего убранства (иконы, утварь, книги), характеристику принадлежавшей им недвижимой собственности (прежде всего земли), доходных статей и капиталов, сведения о священниках и прихожанах. В приложении публиковались представлявшие исторический интерес документы.

Вторая, самая объемная часть научно-литературного наследия Г.И. Панова была связана с его служением на миссионерском поприще. Наблюдения и размышления в ходе практической работы, проводившиеся по ее ходу исторические разыскания нашли отражение в многочисленных статьях, посвященных истории и современному автору состоянию раскола и сект. Большинство из них написано на местном материале; печатались они в епархиальных ведомостях иногда на протяжении нескольких лет⁹. Публикация в шести газетных номерах первого из них — «О последних событиях в расколе» — относится к 1868 году. Важнейшие и наиболее объемные (некоторые занимали до 30 номеров) были созданы в 80-х годах: это «Современные движения в русском сектантстве» (1882—1883, 1885), «Материалы для истории сектантства в Тульской губернии» (1882—1885), «Из современной жизни русского сектантства» (1884—1885). Позднее к ним присоединилась небольшая монография «Тульские беспоповцы в их подпольных произведениях. Критический очерк» (1893)¹⁰. В ту же группу можно включить и сочинения полемического плана, издание которых преследовало в первую очередь миссионерские цели. Источником исторических сведений, приводимых в этих работах, являются, как правило, материалы архива Тульской консистории, новейшие данные взяты отчасти из литературы, но преимущественно — из

⁹ В больших циклах по ходу их публикации название иногда незначительно изменялось.

¹⁰ Брошюра (92 с.) выпущена с указанием, что это выпуск первый. Опубликованная в епархиальных ведомостях в 1893 и 1894 гг. серия статей под этим же названием содержит более полную версию текста.

наблюдений самого автора, на протяжении нескольких десятилетий имевшего самое непосредственное отношение к описанным им событиям и людям. Г.И. Панов, несомненно, наиболее крупный региональный исследователь второй половины XIX века, изучавший историю старообрядчества и сектантства в тульском крае. Тот факт, что при наличии столь основательного «задела» тульские историки XX века проигнорировали эту тему, имеет свое объяснение, но, несмотря на это, остается фактом весьма огорчительным.

Третья группа, выделяющаяся в массиве работ Г.И. Панова, — статьи и заметки, посвященные проблемам епархиальной жизни. Для своего времени обсуждавшиеся в них вопросы были животрепещущими, остро современными, но, подчеркивал автор, «нельзя изучить настоящего, не узнавши прошедшего». Поэтому неудивительно, что интерес к той или иной проблеме — интерес, направленный в первую очередь на этой проблемы разрешение, сопровождался желанием выяснить ее корни, понять закономерности исторического развития, уловить перспективу. Как результат, параллельно в текстах, посвященными современности, рождались работы, подобные «Благотворительным заведениям в г. Туле в конце прошедшего столетия» (1875), — сочинению, на тему которого ничего сравнимого с ним по богатству привлеченного и осмысленного фактического материала (преимущественно из делопроизводства Приказа общественного призрения) до настоящего времени в тульском краеведении так еще и не написано.

Четвертая группа — тексты, связанные с теорией и практикой проповеднической деятельности. Хотя основной их корпус начинает формироваться только во второй половине 70-х гг., судя по статье «О правильном способе проповедовать с евангельскою простотою» (1864, 3 номера), эти вопросы волновали Панова и раньше. Поводом для сочинения «слов» являлись юбилеи представителей царствующего дома, церковные праздники, заметные события епархиальной жизни, например, освящение новых храмов. Отметим, что становление Панова в качестве писателя совпало с концом пребывания на тульской кафедре (в 1850—1857 гг.) преосвященного Димитрия (Муретова), литературный талант которого особенно ярко раскрылся именно в жанре проповеди¹¹.

¹¹ См. Полное собрание проповедей *Димитрия*, архиепископа Херсонского и Одесского. Среди включенных в издание имеются проповеди, создан-

Особую группу сочинений Г.И. Панова образуют рецензии и библиографические заметки, подготовкой которых для «Тульских епархиальных ведомостей» он наиболее активно занимался в первые полтора десятка лет существования этого издания. Следует отметить, что внимание тульского миссионера привлекали новые книги не только по темам, которые совпадали с предметом собственных ученых занятий, но, подчас, и весьма далекие от основных его интересов, например, опубликованные в русском переводе сочинения английского философа и ученого, одного из основоположников научной социологии Герберта Спенсера.

За пределами перечисленного остается некоторое, сравнительно небольшое, число статей, посвященных различным предметам и темам — суевериям и поверьям, интересовавшим автора в религиозно-нравственном отношении, богослужебным текстам, рукописным и печатным книгам и проч. Находясь на периферии магистральных для Г.И. Панова тем, они демонстрируют широту интересов и богатство познаний автора, показывают не состоявшиеся, лишь намеченные варианты реализации его как историка, этнографа, книговеда.

Это обширное творческое наследие никогда не было собрано. Единственным известным нам случаем прижизненного объединения под одной обложкой трудов плодovitого исследователя явился сборник *Материалы для историко-статистического описания Тульской губернии*. Вып. 1: *Святые храмы города Тулы* / Сост. под ред. Н.И. Троицкого и Ю.В. Арсеньева. Тула: Тип. Губ. правл., 1888 — сюда вошли все семь статей Г.И. Панова о тульских храмах, а также работа о библиотеке Староникитской церкви. Но принадлежащие ему страницы в этом сборнике ничем не выделены — перед нами коллективный труд нескольких тульских историков, занимавшихся церковным краеведением.

Не собранные до революции, претендовать на переиздание в советский период эти труды тем более не могли, и, в силу неактуальности тематики для новой эпохи, были фактически забыты. Текстом историка, время от времени все-таки вспоминаемым, оставалась, пожалуй, только статья о

ные в Туле, например, в т. 5 — «Слово при вступлении на паству тульскую» (М.: Тип. Ф.К. Иогансон, 1890. С. 457-463).

библиотеке при тульской Староникитской церкви¹², по высказанному в 1840-х гг. на страницах одной из газет мнению, явившейся первой губернской публичной библиотекой в России¹³. Впрочем, в 1984 г. Г.И. Панов был упомянут в посвященной тульскому историческому краеведению конца XVIII — начала XX вв. работе Г.П. Присенко: в приложенную к этому изданию библиографию было включено 9 его работ¹⁴. В 1997 г. несколько статей о Г.И. Панове опубликовал автор этих строк (ранее использовавший его публикации в своей книге о тульской Николо-Зарецкой церкви¹⁵). Но лишь в 2003 г. краткая справка о нем попала в вышедший тогда из печати дополнительный том «Тульского биографического словаря», что в какой то мере можно считать возвращением и публичным закреплением этого имени в списке оставивших след в социокультурной памяти деятелей тульской истории и культуры.

Вообще 2003 год, предвзвешивший 180-летний юбилей со дня рождения Г.И. Панова, явился вехой на только еще начинающемся пути к читателю его творческого наследия. В выпущенном тогда Тульской областной универсальной научной библиотекой ежегоднике «Тульский край. Памятные даты на 2004 год» была опубликована целая подборка материалов, посвященных Г.И. Панову, в том числе две специально подготовленные для этого издания статьи. Здесь же были перепечатаны (из «Тульских епархиальных ведомостей») посвященные юбиляру материалы начала XX в., не только расширявшие представление о его деятельности, но, что не менее важно, знакомившие с общественной ее оценкой. Впервые после почти столетнего перерыва была переиздана одна из его

¹² Панов Г.И. Библиотека Тульской Староникитской церкви [Обзор старопечатных книг Староникитской церкви до 1700 года] // ТЕВ. 1862. № 4 (15 февр.), прибавл. С. 200-210; № 5 (1 марта), прибавл. С. 243-253; № 8 (15 апр.), прибавл. С. 411-423; № 11 (1 июня), прибавл. С. 605-612. Перепечатана в сборнике «Святые храмы города Тулы» (Тула, 1888). Истории этой библиотеки уделено внимание и в 6-м разделе включенной в настоящий сборник работы «Благотворительные заведения города Тулы с 1784 г. по 1800 г.».

¹³ См., например, Присенко Г.П. Достопримечательности Тульского края в исторической литературе XVIII—XX веков. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2001. С. 24.

¹⁴ Присенко Г.П. Проникновение в былое. Тула: Приок. кн. изд-во, 1984. С. 134-135.

¹⁵ Юркин И.Н. Николо-Зарецкая (Демидовская) церковь в Туле: Исторический очерк. Тула, 1994. 80 с.

*Церковь Вознесения Господня в Туле, в которой в 1851 г. началось
пастырское служение о. Георгия Панова*

Церковь во имя вмч. Никиты (Староникитская) в Туле, священником в которой о. Георгий Панов служил с 1855 г. Состояние здания спустя десятилетие после случившегося в 1998 г., в ночь на 10 января, пожара

статей (о сектантах Белевского уезда). Хотя она не принадлежит к наиболее значительным работам автора, выбор ее в качестве «визитной карточки» можно признать вполне удовлетворительным: она является хорошим образцом стиля научной прозы историка и вводит читателя в круг его творческих интересов.

Не менее, а может быть и более важным событием, чем первый опыт переиздания текстов Г.И. Панова, явилась осуществленная тогда же публикация библиографии его трудов, тщательно и высокопрофессионально подготовленной сотрудниками областной библиотеки. Библиографы учли статьи из «Тульских епархиальных ведомостей» — основного

печатного органа, к которому он за десятилетия теснейшего сотрудничества «прикипел» и душой, и сердцем. Все доступные им работы были просмотрены *de visu* по комплектам издания, принадлежащим этой библиотеке, и копиям экземпляров, сохранившихся в других библиотеках. Их дополнили работы, выявленные составителями при выборочном просмотре других источников, в частности, «Тульских губернских ведомостей», и по упоминаниям в различных библиографических списках.

Работа над подготовкой этих материалов и их публикация оживила интерес к полузабытому автору. В исследованиях, тематически пересекающихся с проблематикой, которую разрабатывал Г.И. Панов, стали появляться редкие ссылки на его работы. Наибольший интерес у авторов вызывал приведенный в них богатый фактический материал¹⁶.

Ежегодник "Тульский край. Памятные даты" на 2004 год, в котором впервые после смерти Г.И. Панова была перепечатана одна из его статей

¹⁶ См., напр., *Симонова Е.В.* Благотворительность как социокультурный аспект развития города (на примере городов Тульской губернии в XIX в.) // *Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования.* СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2004. С. 107, 108.

Из новейших исследований, в которых была затронута жизнь и деятельность Г.И. Панова, укажем на сочинение студента Тульской семинарии М.А. Большакова «Тульские епархиальные ведомости» в 1862—1894 гг.: содержание, сотрудники, авторы», защищенное в качестве дипломной работы в 2006 г. (руководитель И.Н. Юркин).

Столетие со дня кончины историка послужило стимулом к работе по подготовке настоящего сборника — первого тома его Избранного, составленного по тематическому принципу. Хочется надеяться, что за ним последуют и другие издания, которые не только вернут в круг читаемых тульских историков еще одно достойное имя, но и сформируют отношение к работам Г.И. Панова как к краеведческой классике.

Предлагаемый вниманию читателя сборник сочинений Г.И. Панова знакомит с теми из них, которые посвящены только одному привлекавшему его внимание социальному явлению — благотворительности, ее истории и актуальным проблемам. Связанные с ней его публикации воспроизведены в нем не все — более полно объем разработанного им тульского материала по истории благотворительности позволяет представить предлагаемый библиографический список.

Первую серьезную заявку на освоение темы Г.И. Панов сделал в 1863 г., поместив в нескольких номерах ТЕВ посвященные благотворительности свои «Заметки». Очертив специфику тульской ситуации в этой области и сравнив ее со столичной, он изложил соображения по поводу путей ее улучшения в части, касавшейся, преимущественно, благотворительности приходской. К этим его публикациям мы еще вернемся.

Обращает на себя внимание тот факт, что именно в 1863 г. Г.И. Панов приступил к преподаванию на высшем отделении семинарии. Сохранилось подписанное его рукой «Обозрение уроков из богословия нравственного и пастырского, преподанных ученикам семинарии высшего отделения 1-го и 2-го классов за 1867/68 уч. г.»¹⁷ — фактически, учебная программа по дисциплине. Во второй части раздела, посвященного нравственному богословию, находим несколько тем, прямо или косвенно связанных с вопросами благотворительности. Дидактические единицы, входившие в состав этих уроков, были таковы:

¹⁷ ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2962. Л. 5-8. Подпись: «Профессор священник Георгий Панов».

- 1867) Слѣдъ обязанности къ близкимъ
 Поименно оубо свѣдѣ объ обязанностяхъ къ
 Родителю и къ супругу и оубо въ частномъ
 Общѣнъ обязанности къ близкимъ: а)
 свободо къ близкимъ и не отъ отъ
 ннхъ сердцу и ннхъ ннхъ, б) свѣдѣ и
 отъ свѣдѣ къ близкимъ: утѣшеніе
 къ близкимъ, оубо оубо.
- 1987) Милосердіе и милость къ
 къ близкимъ. Свѣдѣ милости
 ннхъ: оубо оубо и ннхъ. Оубо
 ннхъ и ннхъ къ близкимъ
- 2007) Попеченіе о ближнихъ и оубо оубо
 Благотворительность и оубо оубо
 Свѣдѣ оубо близкимъ въ оубо оубо
 Занятіе близкимъ
 Попеченіе о ближнихъ и оубо оубо
 Обязанности въ оубо оубо къ близкимъ:
 а) оубо оубо оубо оубо оубо
 оубо и оубо оубо оубо оубо оубо

Страница "Обозрения уроков из богословия нравственного и пастырского, преподаваемых ученикам семинарии высшего отделения 1-го и 2-го классов за 1867/68 уч. г.", с программой уроков, на которых изучались вопросы благотворительности. ГАТО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2962. Л. 6 об.

«18-й.) Об обязанностях к ближним. Понятие об этих обязанностях. Разделение их на общия и частныя. Общия обязанности к ближним: а) любовь к ближним и ее отличительныя черты и признаки; б) виды и действия любви к ближним: уважение к ближним, справедливость.

19-й) Милосердие и благотворительность к бедным. Виды благотворительности: общественная и частная. Мирюлюбие и любовь ко врагам.

20-й) Попечение о жизни и здоровье ближних. Вспоможение больным и хождение за ними. Содействие ближним в достижении земных благ».

Далее, в разделе, посвященном пастырскому богословию, при перечислении «особенных качеств пастыря» (урок 24), помимо прочего, упомянуты его «бескорыстие и благотворительность»¹⁸.

Как видим, педагогическая и журналистская деятельность в жизни Панова шли в это время рука об руку. По-видимому, и в дальнейшем необходимость подготовки добротных, адаптированных к региональной ситуации лекционных курсов побуждала преподавателя к углублению в вопросы вплоть до проведения специальных научных разысканий; обнаружение же новых фактов и осмысление их неизбежно подталкивали к работе над новыми публикациями.

Остается только догадываться, как зрела тема на протяжении последовавшего за публикацией «Заметок» десятилетия. «Пустыми» в творческом отношении эти годы, разумеется, не были. Автор много писал и публиковал, но — о другом. Лишь на мгновение приподнимает он завесу, скрывающую мир мысли. Вспомним уже цитированные его слова, не оригинальные по сути, но четко, почти афористично выражающие принадлежащую всему человечеству великую мысль: «нельзя изучить настоящего, не узнавши прошедшего». Они — из начала работы, публикация которой положила конец взятой Пановым 12-летней паузе в ознакомлении читателя с результатами исследований благотворительности в тульском крае. Работы, показавшей, что из православного публициста вырос православный ученый-историк.

Размышляя над причинами, подтолкнувшими Г.И. Панова возвратиться к теме благотворительности, причем, на этот раз, — к ее истории, учтем, что Великие реформы, разворачивавшиеся на его глазах,

¹⁸ Там же. Л. 6 об., 7 об.

захватили и систему учреждений, осуществлявших филантропическую деятельность. Прекратил свое существование без малого столетие управлявший благотворительными учреждениями Приказ общественного призрения. Г.И. Панов, убежденный в необходимости подвести итог важному этапу истории социального призрения в России, взялся за эту работу в той части, которая охватывала связанные с ним тульские учреждения. Итогом его исследований явилась публикация в 1875—1876 гг. объединенных общей темой исторических очерков.

Не исключаем, что в руки Г.И. Панова (читателя весьма прилежного, судя по изобилию ссылок в его работах, особенно ранних, и множеству написанных им рецензий) попали январские, за 1874 г., номера газеты «Правительственный вестник», в которых была опубликована серия статей, в том же году изданных Министерством внутренних дел отдельной книгой под названием «Историческое обозрение мер правительства по устройству общественного призрения в России». Начиная обзор со времени первых князей, ее автор доводил изложение до Соборного уложения 1649 г., после чего переходил к характеристике связанных с темой законодательных актов, включенных в Полное собрание законов Российской империи¹⁹. Нормативно-правовые акты выступают важным историческим источником и в сочинении Г.И. Панова, хотя главенствующего в нем места все же не занимают.

Формально перед нами две статьи на одну тему, различающиеся периодом, на протяжении которого рассмотрен избранный автором предмет: первая посвящена концу XVIII в., вторая началу XIX-го. Они имеют сходные, однотипно построенные названия, указывающие на объект исследования (благотворительные «заведения» Тулы) и его хронологические рамки. Общая тема и единообразная структура этих текстов, тот факт, что первая статья рисует состояние объекта, исходное для второй, выступая тем самым историческим в нее введением, отсутствие перерыва между окончанием публикации первой статьи и началом второй, прямое указание (в примечании), что вторая является продолжением первой — все это делает возможным считать их частями (разделами, главами) одной работы, посвященной благотворительности в Туле за неполные полвека: фактически с 1763 по

¹⁹ Подробнее об этой работе см.: *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи. XIX — начало XX века. М.: Наука, 2005. С. 89-90.

1808 г., то есть от начала царствования Екатерины II до конца первой трети правления Александра I²⁰. Учитывая это, публикуем их, объединив в особый отдел под названием «Благотворительные заведения города Тулы в конце XVIII — начале XIX веков»²¹.

Автор определяет жанр своего сочинения словом «очерки»²². И хотя оно не вполне удовлетворяет представлению об очерке, сложившемуся в литературоведении, будем пользоваться, осознавая условность, этим определением и мы.

Публикация очерков закончилась в преддверии весны 1876 г. (ключительный их фрагмент появился в номере от 1 марта), что позволяет предположить, что работа над текстом была завершена в основном в 1875 г. Обещание, данное в конце первого очерка — рассмотреть предмет за первую четверть века — было выполнено не в полном объеме: учтенным и описанным оказался материал, как уже говорилось, в основном, не позднее 1808 г. Но заключение второй статьи не содержало обещания грядущего продолжения — все, к тому моменту автором написанное, было, очевидно, опубликовано, и в ближайшее время возвращаться к теме он не намеревался.

Более поздние публикации Г.И. Панова, касающиеся благотворительности в Туле, очень не многочисленны: на фоне масштабно разработанных им других тем (прежде всего, истории и идеологии старообрядчества и сект) они выглядят чем-то второстепенным, маргинальным. Вполне вероятно, что автор возвращался к мысли продолжить исследование истории благотворительности, возможно, даже принимался за продолжение, но заметных печатных результатов эти попытки не имели. Исследование осталось незавершенным.

²⁰ Во второй статье имеются ссылки и на более поздние события (до 1832 г. включительно), но все они касаются единственного сюжета — истории Баскаковского инвалидного дома. Хронологические границы, в которых рассмотрено остальное, не простираются далее 1808 г.

²¹ В названии всех фрагментов первой части в их газетном издании использовано сочетание «...заведения в г. Туле...». Этот оборот в дальнейшем сменяет другой: «...города Тулы...» (в отдельном издании первой части) и «г. Тулы» (вторая часть до конца газетной публикации). Эту форму, как более позднюю, и используем в предлагаемом для очерков общем названии.

²² Именно так он именует их в заключительных частях каждой из статей.

Подобная ситуация для текстов Г.И. Панова, впрочем, не уникальна. Многие его работы, включая обширные циклы, посвященные старообрядчеству и сектантам, композиционно открыты для продолжения, пополнения новыми материалами. Приступая к ним, автор, по-видимому, не имел четкого плана работы в целом — циклы расширялись по мере обнаружения и обработки источников. На начальном этапе он лишь в общих чертах видел грядущую организацию материала, последний, прирастая, по мере писания как бы самоорганизовывался. Отсюда — свойственное работам Г.И. Панова отсутствие четкости в композиции, отсюда же — способность цикла развиваться чуть ли не до бесконечности.

Но очерки по истории благотворительных учреждений не таковы. Распределение материала внутри опубликованных статей подчинено ясно прочерченной схеме, в обоих очерках фактически совпадающей. Уместно предположить, что Г.И. Панов, надеявшийся, заканчивая первый очерк, обработать материал вплоть до конца царствования Александра I, по неизвестным нам причинам решил (или был вынужден) отказаться от первоначального замысла, и ограничился систематизацией данных только за первую треть его царствования. Косвенное подтверждение этого предположения видим в интенсивности его литературных занятий в этот период. В интересующие нас годы на страницах ТЕВ были опубликованы статьи Г.И. Панова «Сличение двух славянских текстов часослова с греческим текстом» (1875), «По поводу известий о новых сектах в расколе и старообрядческих архиереях» (1875), «Современные известия о старообрядцах» (1875), «Заметки по поводу старопечатной Иосифовской пластыри» (1876), «Замечательное обращение раскольника в православие» (1876). Как видим, далеко не только история благотворительности занимала в эти годы его внимание. Не меньший интерес у него вызывало и современное состояние старообрядчества, знание которого было важно, прежде всего, для практической работы епархиального миссионера. Обратим внимание на тот факт, что публикация «Благотворительных заведений» прервала публикацию другой крупной работы — «Из современной жизни старообрядчества», печатавшейся в 1873 и 1874 гг., а потом — только в 1876-м. Уместно предположить, что второй очерк о благотворительных заведениях готовился одновременно со статьями цикла «Из современной жизни...». Заметим, что в следующем, 1877 году в ТЕВ также был напечатан ряд текстов Г.И. Панова, посвященных сек-

товедению («Различные взгляды на современные религиозные секты в России», «Сектаторские движения в России», «Из современной жизни сектантов»), некоторые из которых получили продолжение в 1878 г. Судя по всему, именно эта, в то время более актуальная для автора работа отвлекла его от завершения исследования истории тульской благотворительности в первоначально намеченном им объеме.

Сожалея, что к теме, публикациями 1875—1876 гг. не закрытой, Г.И. Панов более не возвратился, заметим, что своего рода продолжение у «Заведений» все же имеется. Только написано оно было не после них, а до их создания. Имеем в виду уже упоминавшиеся ранние, относящиеся к первой половине 1860-х гг., его работы, на страницах которых история благотворительности рассматривалась не столько в историческом разрезе (хотя и в нем тоже), сколько применительно к актуальной, «животрепещущей» ситуации.

Их публикация, начатая 15 февраля 1863 г., с перерывами продолжалась до конца года. Название эволюционировало: сначала от нейтрального «Заметки» до отчасти раскрывающего содержание («Заметки о...», «Заметки по поводу...»); позднее обозначение жанра из заголовка вообще выпало — каждый текст обрел самостоятельное, не похожее на прочие название. Трансформировалась и тема: смещалась от рассмотрения благотворительности вообще (по отношению ко всему городскому населению) к анализу специальных вопросов, касавшихся, в частности, призрения малолетних лиц духовного звания и членов их семей.

Вопросов, заметим, волновавших в то время далеко не одного Г.И. Панова. Герой создававшейся в 1866—1867 гг. Н.С. Лесковым хроники «Чающие движения воды» (будущих «Соборян») священник Савелий Туберозов сочиняет для представления новому владыке записку «О положении православного духовенства и о средствах, как оное возвысить для пользы церкви и государства»²³. И хотя этот эпизод романа отнесен автором к 1837 г., в приведенном факте отчетливо слышится эхо эпохи Великих реформ. Писатель не сообщает содержания записки, но в той мере, в какой его раскрывает заголовок, можно утверждать, что мысли Туберозова обнимали тот же предмет, что и некоторые из «Заметок» Г.И. Панова.

²³ Лесков Н.С. Соборяне // Лесков Н.С. Соборяне. Захудалый род. М.: Правда, 1986. С. 60.

Если «Благотворительные заведения» имели достаточно четкий авторский план, обусловивший их структуру, для «Заметок» такой, судя по всему, не существовал. Первоначальный их замысел, несомненно, носил самый общий характер — об этом говорит название цикла. Содержание очередной «порции» «Заметок» в значительной степени определяли привлекавшие внимание автора публикации в прессе. Вследствие этого некоторые заметки представляют собой фактически небольшие рецензии, включавшие изложение прочитанного и мысли по его поводу. Но, переключаясь с материалами раздела «Критика и библиография», полностью в него пановские «Заметки» отнюдь не вписываются — содержание их шире. Выбор темы для них определялся маршрутами мысли — Г.И. Панов писал не столько о том, на что ему указывала пресса, сколько о том, что его в прочитанном волновало. Таковы, например, страницы «Заметок», посвященных проблеме призрения лиц духовного звания. Обращаясь к ней, Панов сопоставляет материал общероссийский и местный: пересказывает привлекшее его внимание письмо из Лифляндии (опубликованное в «Православном обозрении») и сообщает сведения о богоугодном заведении в доме Кузовлевой в Туле. В тесной связи с данным вопросом стоит деятельность особого существовавшего в Туле учреждения — епархиального Попечительства о бедных духовного звания. В «Заметках» оно, однако, не упоминается. Не трудно понять почему: этому, действовавшему здесь с 1824 г. учреждению посвящена особая статья Г.И. Панова. Не сомневаемся, что изложенный в ней материал первоначально предназначался им именно для «Заметок». Об этом говорит не только близость тематики (в чем легко убедиться, ознакомившись с фрагментом статьи, помещенном в приложении), но косвенно и тот факт, что данный выпуск «Заметок» (№ 6 ТЕВ за 1863 г.) оказался по объему вдвое меньше, чем ему предшествующие. В него должен был войти материал о Попечительстве, но по ходу работы он настолько разросся, что автор решил его выделить, оформив в виде самостоятельной статьи, которая и появилась в том же, 6-м, номере.

По отношению к очеркам 1875—1876 гг. особенностью «Заметок» является широкое использование в них сравнительного материала, причем не только отечественного (автор рассказывает о деятельности Комитета для разбора нищих в Петербурге, после чего переходит к нищим в провинции), но и европейского (говорит о средствах содержания западного духовенства, полагая это важным для выработки благотвори-

тельных стратегий в России). Чертой, сближающей с очерками, выступает присутствующий в них материал по истории благотворительности.

Как уже говорилось, возникшие когда-то как непосредственный отклик на актуальные вызовы современности, пановские «Заметки» рядом с созданными им позднее очерками истории благотворительных учреждений воспринимаются сегодня как своего рода их продолжение. Автор, обратим на это внимание, неоднократно подчеркивает, что то или иное даже уже не существующее учреждение сохраняет историческое значение в смысле уяснения, выражаясь более современным языком, генезиса последующих процессов и явлений. Эти-то явления, причем в изменявшейся на глазах, не окостеневшей еще форме, отражены в статьях Г.И. Панова 1863 года. Последние, кстати, еще и *исторический источник* — свидетельство хорошо знакомого с положением дела современника. По этой причине помещаем в настоящем издании избранные «Заметки» 1863 года — ту их часть, которая имеет наибольший интерес в контексте вопросов, затронутых в очерках 1875—1876 гг., дополняя и хронологически их продолжая.

Возвратимся к «Благотворительным заведениям», остановившись теперь на предмете исследования и его источниках. Уже из названия очевидно, что в первую очередь автора интересует институциональный аспект благотворительности. Этот интерес вполне оправдан. Прорыв в сфере социального призрения и новые веяния в сфере традиционной (частной) благотворительности, относящиеся ко времени царствования Екатерины II, в значительной мере обязаны новому институциональному ее оформлению. И не случайно каждая из частей очерков начинается с характеристики важнейшего учреждения, созданного для регулирования сферы благотворительности — с Приказа общественного призрения. Заметим, что институциональный аспект темы сохранил привлекательность вплоть до сего дня²⁴, что обусловлено не только лучшей обес-

²⁴ Сопшемся в качестве примера на публикации, посвященные благотворительным учреждениям и обществам, в сборниках «Благотворительность в России» (СПб., 2001-2007). Во втором из них (2003) они образуют целый раздел (с. 272-370). Тема местной благотворительности популярна в региональных научных и научно-популярных изданиях, многие из которых охотно помещают публикации, касающиеся истории отдельных филантропических учреждений. Так, в «Тулском краеведческом альманахе» (вып. 1-5, Тула, 2003-2007) история благотворительных и образователь-

печенностью соответствующих исследований источниками, но и верой в то, что объект разысканий в содержательном плане далеко не исчерпан.

Основных групп исторических источников, используемых Г.И. Пановым, две. Первая и наиболее важная — журналы и другая делопроизводственная документация Тульского приказа общественного призрения. Журналы заседаний, а также журналы прихода и расхода денежных сумм приказа в настоящее время хранятся в его фонде, находящемся в Государственном архиве Тульской области (ф. 125), но, обратим на это внимание, они охватывает период только с 1797 г.²⁵, тогда как Г.И. Панов, судя по ссылкам, использует и более ранние журналы.

Вторая группа источников — различные нормативно-правовые акты: неоднократно цитируемые «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи» (1775), «Устав благочиния или полицейский» (1782), «Устав народных училищ» (1786) и др. Прочие виды источников представлены единичными к ним обращениями. Сюда относятся газеты общероссийские («Московские ведомости», «Северная пчела») и местные («Тульские епархиальные ведомости»), дарственные надписи на книгах (упомянуты в связи с библиотекой при Староникитской церкви) и некоторые другие. В целом можно признать, что выбор источников соответствует тому аспекту темы, который намеревался изучать автор.

Иной жанр, к которому относятся «Заметки» 1863 г., иная цель и «технология» их создания предопределили иной отбор источников и литературы. Многие обсуждаемые в них факты Г.И. Панов заимствует из современной ему периодики (преимущественно за 1862-й, и уж никак не старше 1859 г.), в связи с чем обильно ее цитирует. И это понятно. Благоприятность новейшего времени еще не отлилась в адекватные ему институциональные формы, общество в поиске, поэтому вдумчивый современник (автор) ищет ответы на животрепещущие вопросы повсюду. В этих условиях актуальная и непривычно свободная пресса — важный, может быть и важнейший для него информационный источник.

ных учреждений, в т.ч. рассмотренных Г.И. Пановым, прослежена в работах Е.Ю. Ромашниной (Тульское главное народное училище), С.М. Марковой (Тульская мужская классическая гимназия), А. Сергеевой (Николаевский детский приют). Информация о некоторых других присутствует в статьях, посвященных их основателям.

²⁵ Государственный архив Тульской области. Путеводитель. Ч. 1. Изд-е 2-е. Тула 2001. С. 370-371.

Показателен круг читаемой автором периодики, восстанавливаемый по списку цитируемых им изданий. Это «Воскресное чтение», «День», «Дух христианина», «Душеполезное чтение», «Православное обозрение», «Северная почта», «Северная пчела», «Современная летопись», «Сын отечества», «Тульские губернские ведомости». Идеиная ориентация этих изданий вполне согласуется с идейным обликом Г.И. Панова, каким он предстает перед нами из его сочинений и воспоминаний о нем современников.

Глубокое системное исследование исторических сочинений и их авторов, публиковавшихся на страницах епархиальных ведомостей, еще ждет вдумчивых и усидчивых исследователей²⁶. Ждет их биография и наследие Георгия Ивановича Панова, изучение которых только начинается.

Публикация связанных с ним материалов в упомянутом библиотечном ежегоднике на 2004 г. была приурочена к его 180-летию. Но в православной традиции принято с большим уважением и вниманием вспоминать не рождение, а смерть человека. В этом глубокий смысл: лишь прошедший земной путь, своей жизнью и деятельностью оправдавший или унизивший дарованную ему свободу воли, заслужил память потомков или вычеркнул себя из нее.

Этот сборник готовился в год столетия со дня смерти протоиерея Георгия Панова. Время, пощадив труды неутомимого труженика, дает теперь шанс восстановить о нем память. Хочется надеяться, что с возрождением в Туле в 2001 г. Духовной семинарии — места, где ее профессор, протоиерей Георгий Иванович Панов долгие годы самоот-

²⁶ Основательно проанализировав содержание губернских ведомостей, М.П. Мохначева отмечает, что «уже при первичном знакомстве с неофициальной частью ГВ полностью разрушается сложившийся в отношении этого источника стереотип представлений о вторичности и популизме содержащейся в нем информации по вопросам истории» (*Мохначева М.П. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII—XIX вв. М.: Изд-во РГГУ, 1998. Кн. 2. С. 86*). Полагаем, что к близкому заключению приведет и исследование огромного массива исторических текстов, опубликованных в ведомостях епархиальных. Пока такие исследования ограничиваются изучением отдельных районов и связанных с ними авторов. Но и это — важный шаг вперед, открывающий перед историком обширные перспективы.

верженно служил Богу и человеку, его труды, равно как и труды других учителей и питомцев семинарии, станут доступнее современному читателю.

* * *

Труды Г.И. Панова, включенные в сборник, перечислены и кратко охарактеризованы выше. О причинах, побудивших ограничиться публикацией только первой части цикла «Заметки», сказано в комментарии. Там же изложен подход, применявшийся при решении текстологических вопросов.

Составитель едва удержался от искушения включить в название сборника слова, жестко привязывавшие его тему к Туле и Тульской губернии. Действительно, значительная часть публикуемого материала имеет очевидный историко-краеведческий интерес, да и само его переиздание едва ли бы состоялось без содействия нескольких тульских учреждений и организаций. Вместе с тем нельзя не признать, что социальный и духовный опыт, накопленный в практике деятельности учреждений общественного призрения екатерининского и александровского времени (наиболее подробно описанных Г.И. Пановым) базировался на единой для империи реформе и обеспечившей ее содержание всеобщего действия законодательной базе и в силу этого при наличии некоторой региональной специфики во многом общезначим. Местный материал может служить модельным для городов, близких по своим характеристикам ко взятому за основу; с другой стороны, полезен он и для компаративных исследований, сопоставляющих явления и процессы в городах, этими характеристиками значимо отличающихся. Кроме того, в текстах, составивших второй раздел сборника, автор широко привлекает сведения, рисующие ситуацию в разных регионах: помимо Тульской губернии приводит данные по Москве, Петербургу, Прибалтике. Учитывая это, мы остановились на названии, не содержащем указаний на территориальную привязку материала издания.

Подготовкой сборника к печати занимались:

— концепция издания, его составление, текстологическая подготовка материала, вступительная и заключительная статьи, комментарий, библиографические списки, структура и словник указателей, фотосъемка (все объекты — по состоянию на январь 2008 г.) — И. Н. Юркин;

– компьютерный набор – М.А. Михалева, А.М. Пронин, И.Н. Юркин;

– сверка – М.С. Горчакова, М.А. Михалева, И.Н. Юркин,

– расстановка страниц в указателях – Г.В. Каменщиков.

На всех этапах работы неизменную душевную поддержку, а также организационно-техническое содействие оказывали проректор Тульской семинарии протоиерей Игорь Агапов и другие ее преподаватели и сотрудники. Коллектив, работавший над сборником, выражает признательность Государственному архиву Тульской области и Тульской областной универсальной научной библиотеке, предоставившим для копирования оригинальные издания работ Г.И. Панова, и персонально Н.Н. Беловой, оказавшей помощь в подборе документального материала.

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ
ЗАВЕДЕНИЯ
ГОРОДА ТУЛЫ
В КОНЦЕ XVIII –
НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ**

* * *

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ГОРОДА ТУЛЫ С 1784 г. ПО 1800 г.

Приказ общественного призрения в г. Туле был одним из важнейших распорядительных и благотворительных учреждений правительства. Открытый в прошлом столетии, по силе Высочайшего постановления о губернских учреждениях 1775 г.^{*}, он имел целью «по всем частям градского управления соблюдать как хозяйственное распоряжение, так и человеколюбие»^{1. 2.} По составу своему это была корпорация, заседателями которой служили лица, определяемые Верхним земским судом^{*}, Губернским магистратом^{*} и Верхней расправой^{*}; первый назначал сюда дворянских заседателей, второй гражданских, а третья сельских; следовательно, это были избранные представители главных сословий в городе (1793 г. января 17). Вследствие сего все части градского управления, касавшиеся хозяйственных и благотворительных распоряжений, соединились в приказе, как бы в некотором средоточии; по обширности и разнообразию частей городского управления обширны и разнообразны были распоряжения приказа и его благотворительные действия. Особенное же значение они получали оттого, что приказ делал свои заседания под председательством правителя Тульского наместничества^{*}, так что приказ являлся присутственным местом, по инициативе которого решались дела других присутственных мест, как то: Губернского правления^{*}, Городского магистрата^{*}, Управы благочиния^{*} Оружейной ратуши^{*}; без

¹ В печатном тексте конец цитаты не отмечен. Кавычки поставлены предположительно. — Ред.

² Архив Приказа общественного призрения. 1789 г. 15 января.

Церковь в честь Софии Премудрости Божией – храм Тульской Духовной семинарии, в которой преподавал профессор Георгий Панов

Благовещенская церковь в Туле, богадельня при которой существовала еще в XVII в.

деятельного участия приказа по уведомлению или сообщению тех или других частей градского управления не обходилось ни одно хозяйственное и благотворительное предприятие. Оттого Приказ общественного призрения был в свое время истинно благотельным учреждением для города; на всех распоряжениях его под влиянием христианских идей лежала печать истинной гуманности, представления о благодородстве человеческой природы, достойной всякого уважения, как бы она ни была унижена несчастным рождением, невежеством, бедностью и болезнью.

С 1 июня 1866 г. Приказ общественного призрения, как известно, закрыт^{*}; все дела его сданы в архив Земской губернской управы^{*}; приказ отслужил городу свою службу, но деятельность его не пропала бесследно; основы настоящего управления города лежат, напротив, в прошедшем, и нельзя изучить настоящего, не узнавши прошедшего. Дела приказа, сохранившиеся с 1784 г. до времени закрытия его^{*}, могут служить материалами для истории нашего города и обозрения исторических памятников деятельности приказа. К таким историческим памятникам относим благотворительные заведения, которые прежде состояли в его ведении, а некоторые из них и теперь состоят еще в других ведомствах, — как то: богадельни, воспитательный и инвалидные дома, больницы и смирительный дом, библиотеки и Главное народное училище с зависевшими от него домашними училищами. Сделаем краткое историческое обозрение их существования со времени открытия их до настоящего столетия.

1. В ведении приказа состояли богадельни, начиная с 1780 г., когда по предложению правителя Тульского наместничества в ведомство приказа поступили не только тульские богадельни, но и те, которые существовали по уездным городам губернии, почему и присланы тогда в приказ ведомости о всех таковых богадельнях от всех уездных наших городов. В Туле оказалось их тогда 16, а в 1782 г., при тщательном дознании приказа, нашлось их всего 12; из них по ветхости уничтожены 4, хотя неизвестно какие, и едва ли в том числе не две богадельни, существовавшие около того времени при Староникитской церкви¹, а 7 женских и 1 мужская оставлены при церквях: кладбищен-

¹ См. Тульские епархиальные ведомости. 1864 г. № 16.

ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ТУЛ. ЕПАРХ. ВѢДОМОСТЯМЪ.

15-го Апрѣля

№ 8.

1875 года.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ ВЪ Г. ТУЛѢ ВЪ КОНЦѢ ПРОШЕДШАГО СТОЛѢТІЯ.

Приказъ общественнаго призрѣнія въ г. Тулѣ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ распорядительныхъ и благотворительныхъ учрежденій правительства. Открытый въ прошломъ столѣтіи, по силѣ Высочайшаго постановленія о губернскихъ учрежденіяхъ 1775 г., онъ имѣлъ цѣлю „по вѣсьмъ частямъ градскаго упрвленія соблюдать какъ хозяйственное распоряженіе, такъ и челоѣколюбіе (Арх. прик. О. П. 1789 г. 15 генв.). По составу своему, это была корпорація, засѣдателями которой служили лица, опредѣляемыя верхнимъ земскимъ судомъ, губернскимъ магистратомъ и верхнею расправою; первый назначалъ сюда дворянскихъ засѣдателей, второй гражданскихъ, а третья сельскихъ; слѣд. это были избранные представители главныхъ сословій въ городѣ (1793 г. генв. 17). Вслѣдствіе сего въ части градскаго управленія, касавшіяся хозяйственныхъ и благотворительныхъ распоряженій, соединялись въ приказъ, какъ бы въ нѣкоторомъ средоточіи; по обширности и разнообразію частей градскаго управленія обширны и разнообразны были распоряженія приказа и его благотворительныя дѣйствія. Особенное же значеніе они получали отъ того, что приказъ дѣлалъ свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ правителя тульского намѣстничества, такъ что приказъ являлся присутственнымъ мѣстомъ, и инициативы котораго рѣшались дѣла другихъ при-

ской, Вознесенской, Пречистенской, Егорьевской, Никольской, что за рекой, Воздвиженской, Никольской, что за валом, и Успенской (1791 г. октября 30). Затем, в 1784 г. 9 декабря, упоминается только о пяти; в числе их, кроме Никольской, что за рекой, 1785 г. 17 марта значилась не упоминаемая прежде богадельня при церкви Благовещения Пресвятой Богородицы*. К концу же прошлого столетия, именно в сентябре 1798 г., под ведением приказа осталась только одна мужская богадельня при церкви Всех Святых, в которую и определены были тогда 11 человек из инвалидного дома, но через месяц после поступления в богадельню семь человек из них пожелали лучше снискивать себе пропитание каким ни есть посильным трудом, чем оставаться в необеспеченной ничем богадельне. Причина столь быстрого уменьшения числа богаделен, состоявших под ведением приказа, именно заключалась в необеспеченности содержания богаделен. Приказ принимал на себя обязанность заботиться о постройке новых богаделен или о сломке старых; в ограничение нищенства он давал бесплатные квартиры бедным людям всех званий и состояний, не имевшим ни родства, ни пристанища, но ограничивался над ними чисто внешним наблюдением за одною внешнею благопристойностию; содержание же богаделенных старцев шло от доброхотных дателей, почему богадельни строились не иначе, как при церквях, более или менее известных благотворительностию своих прихожан. На все это мы находим подтверждение в делах приказа. Так, некоторые из богаделен, частью по ветхости, частью по другим обстоятельствам, о которых скажем ниже, назначались к сломке и затем или упразднялись вовсе, или возобновлялись на других местах при прежних церквях. Укажем на несколько таких случаев. В 1784 г. августа 13 правитель наместничества предложил приказу сломать, как негодную для жилья, находящуюся на Оружейной стороне, на берегу Упы близ моста, каменную богадельню, которая от ежегодного наводнения реки размыта и разрушена, так что в ней никак нельзя было жить. По предложению начальника, приказ велел разобрать помянутую богадельню, кирпич свезть в демидовский дом* на приличное место, бедных же находящихся в той богадельне людей переселить в другие богадельни. Но в сентябре того же года приказу выгоднее простой сломки показалось продать богадельню с публичного торга, и потому она продана была с публичного торга за 35 руб., которые, от покуп-

**Благотворительныя заведенія го-
рода Тулы съ 1784 г. по 1800 г.**

Тула. 1875 г. Июля 7.

Биографія Н. И. Соколова, въ Тулѣ.

Титульный лист отдельного издания первой части "Благотворительных заведений".
Тула, 1875. Экземпляр Тульской областной универсальной научной библиотеки

щика, той церкви иерея Симеона Иванова *, 22 октября были внесены в приказ и записаны на приход. В другой раз (именно, 15 января 1789 г.) приказ рассуждал о том, что «иныя находящиеся в Туле богадельни, каменные и деревянные, так обветшали, что в них едва с нуждою требующим пристанища людям жить можно», и потому «с назначением тех мест, где состоят помянутыя богадельни, послано предложение к тульскому архитектору Сокольникову * с тем, чтобы он лично сам их внутри освидетельствовал, и какие им усмотрены будут в них в разсуждении ветхости недостатки, то бы, учиня к исправлению их или вовсе к перестройке сметы и планы, доставил немедленно в Приказ общественного призрения при рапорте». В дальнейших делах приказа мы не находим рапорта архитектора о состоянии богаделен в Туле, но нет основания допускать, чтобы архитектор не выполнил распоряжений приказа; напротив, следует думать, что он выполнил их на своей приходской богадельне. Так как в 1790 г. производилась перестройка Пречистенской приходской его церкви под его личным наблюдением, и так как церковь эта построена им на другом месте, а не на прежнем, повыше Вознесенской церкви¹, то вместе с церковью естественно должна быть перенесена и прежняя богадельня и построена на другом же месте близ той же церкви. В следующем 1791 г. 30 октября священнослужители этой церкви словесно просили Управу благочиния об отводе места под постройку при ней богадельни, о чем Управа благочиния и уведомила приказ. Но дело о постройке Пречистенской богадельни решилось не ранее 1793 г. 18 июня, когда тульский купец Евдоким Иванов Бельский изъяснил приказу, что покойным дядей его Михаилом Артемьевым Бельским выстроена была при церкви Рождества Богородицы, что в Гончарах, за рекою Упою в Туле для неимущих и убогих каменная богадельня, «но, как церковь эта перенесена уже на другое место и построена близ Оружейнаго двора, то и помянутая богадельня не должна уже существовать на прежнем своем месте, и он, Бельский, «чувствуя одолжение к себе того покойнаго своего дяди, в знак благодарности к нему и памяти, заблагоразсудил вместо старой богадельни выстроить своим коштом вновь другую, каменную, близ означенной церкви богадельню, с употреблением на то материала помянутой старой богадельни с тем, что-

¹ Тульские епархиальные ведомости. 1864 г. № 4.

бы она по выстроении уже осталась навсегда для неимущих пристанища людей, но без позволения приказа приступить к тому не может», посе му и просит о позволении построить ему оную с отведением надлежащего места, чтобы находящиеся в прежней богадельне люди не остались без пристанища, прилагает на благоусмотрение приказа и план с фасадом оной богадельни»¹. В исполнение такой просьбы, с изъявлением благодарности просителю, приказ немедленно сообщил план и фасад в Наместническое правление* и позволил построить новую богадельню на вновь отведенном месте с употреблением на нее годного материала из старой богадельни. Таким образом, приказ, позволяя строить богадельни, имел в виду обеспечить бедных людей готовыми и безмездными квартирами, но он не находил средств к самому содержанию их, к обеспечению их пищею и одеждою. Содержание для себя бедные приобретали от добродетельных дателей при своих церквях и значились их прихожанами под именем богаделенных старцев и стариц, а приказ с своей стороны окружал их только нравственным надзором, не допуская до праздношатания. По смыслу статей 397 и 396 Высочайшего об управлении губерний Учреждения*, всем заседавшим в приказе вменено в обязанность разделить между собою наблюдение за разными местами, состоящими в его ведении, вследствие чего один из членов приказа, с именем главного надзирателя, обязан был смотреть и за богадельнями. Когда он в 1785 г. 10 марта узнал, что бедные за собиранием милостыни ходили по церкви с ящиками вроде теперешних кружек, то довел о том до сведения приказа, и приказ вменил ему в обязанность наблюдать, чтобы «находящиеся в богадельнях во время исправления службы Божией в церквях не ходили с ящиками для прошения милостыни, но чтобы только один из числа богадельных стоял с ящиками при дверях церковных и просил подавания от добрых дателей при входе в оныя и выходе». Впоследствии, по предложению правителя наместничества, тот же член приказа должен был наблюдать, «чтобы в богадельнях здешняго города не имели жительства праздношатающиеся, для чего и весть верный именной список, а на пропитание ставить при церквях ящики, и, из поставленных в них ящиков высыпая ежемесячно в первых числах деньги, раздавать богадельщикам по равным частям, и сколько из ко-

¹ Расстановка кавычек — согласно печатному тексту. — Ред.

тораго ящика высыпано и каждому выдано будет, доносить приказу, и иметь, как прежде, в случае какой богадельни ветхости или починки, попечение» (1790 г. 8 января). Распоряжения эти по строгости своей мало содействовали обеспечению нищих и еще менее постройкам новых богаделен, а потому не удивительно, что число их, несмотря на благие намерения приказа, все более сокращалось до тех пор, пока они совсем не вышли из ведения приказа.

2. Кроме богаделен, в ведении его находился воспитательный дом, учрежденный в 1780 г., т.е. в одно время с богадельнями (1785 г. мая 12), по предложению генерал-губернатора М.Н. Кречетникова*, на основании установления Московского воспитательного дома*. В воспитательный дом поступали на содержание и воспитание несчастнорожденные, т.е. большею частию незаконнорожденные или подкинутые куда-либо дети, после того, как никто не изъявлял желания взять их к себе на воспитание. Открытие такого дома в Туле, единственно во всей губернии (1799 г. апреля 12), встречено было всеобщим сочувствием. Повсюду в пользу его устраивались добровольные подписки и ежегодные обязательные пожертвования. Тульское купеческое и мещанское общество ежегодно жертвовало в пользу его с 1783 г. по 300 руб. в год (1790 г. февраля 12). Чернское и Каширское благородное общество, при открытии воспитательного дома обязалось подпиской ежегодно вносить в пользу его деньгами и хлебом: первое — деньгами 111 руб., рожью 103 четверти, а последнее — 64 руб. 75 коп. (1789 г. января 11). Пожертвования эти были уже обязательны для тех, кто добровольно пожелал поддерживать ими существование воспитательного дома. В случае забвения такой обязательности приказ предписывал земским* и уездным* судам взыскивать известные взносы с тех или других обществ (1789 г. октября 17), чтобы иметь возможность содержать служащих в воспитательном доме и воспитывать младенцев. Надзирателю за домом платилось жалованья в год по 50 руб., надзирательнице по 60 руб., кормилицам (числом иногда до 8) по 2 руб. 50 коп. в месяц, нянькам (от 6 до 9) по 2 руб. 33 коп. в месяц; младенцам выдавалось на содержание в каждый месяц неодинаковое количество денег: сначала выдавалось одному из них по 1 руб. 20 коп., другому по 90, а прочим, сколько бы их не было, по 60 коп., так что по этому расчету одни из них были на четырехкопеечной пор-

ции в день, другие на трехкопеечной, третьи на двухкопеечной; впрочем, если какому-нибудь младенцу с возрастом его оказывалась недостаточною положенная для него порция, то ему выдавалось еще по 2 коп. в день по особому рапорту надзирателя (1789 г. августа 1; 1795 г. августа 2). Впоследствии каждому младенцу, хоть бы их было 20, выдавалось каждому на месячное содержание по 1 руб. 86 коп. (1799 г. декабря 1). К обязанности надзирателя относилось главным образом непосредственное наблюдение за содержанием дома и отчетностью по содержанию. К обязанностям надзирательницы относилось «обязательство» иметь неусыпное попечение как за находящимися, так и за приносимыми вновь младенцами в воспитании, чистоте и во всем, относящемся к ее должности, и, что при каждом младенце дано или объявлено будет, ничего не утаивать и обо всем обстоятельно доносить начальству, над кормилицами и няньками также иметь неослабное в хождении за воспитанниками смотрение, и чтобы няньки и кормилицы были принимаемы с указными паспортами, чтобы как ей, так и им из дома без позволения начальства не отлучаться, и чтобы она вела себя честно и была примером для других (1797 г. 1 августа). Как скоро надзирательница по испытанию оказывалась неспособною исполнять принятые на себя обязательства, на место её избиралась другая, более способная и с такими же обязательствами¹. Для хорошего вскармливания и воспитания грудных детей в воспитательном доме всегда нанимались кормилицы, смотря по надобности и числу грудных детей; для таких же детей, для которых нельзя было найти кормилиц, соединяющих необходимые условия к хорошему вскармливанию, допускались няньки, которые вскармливали детей козьею молоком. Число питомцев воспитательного дома не было ограничено каким-нибудь штатом; иные матери отдавали сюда незаконнорожденных своих детей, потом выпрашивали их себе обратно на воспитание с распискою, чтобы им при первом требовании приказа предоставить их опять в приказ или, если умрут, донести об их смерти (1795 г. 27 февраля). Вообще в приказе решено было (3 декабря 1794 г.) отдавать младенцев на воспитание беспрепятственно всякому, кто пожелает, с прописанием, кому, когда и какого года младенец отдан на воспитание (1796 г. августа 5), и потому в воспитательном

¹ Там же (1797. — Ред.). 23 сентября.

доме то прибывали младенцы, то убывали; большею частью их было от 5 до 10, но случалось быть до 20 и более (1799 г. апреля 12 и декабря 1). При увеличении числа младенцев в воспитательном доме несколько из них время от времени пересылалось на воспитание в г. Белев, где было отделение здешнего воспитательного дома и состояло под надзором городничего; вместе с детьми пересылалась туда из приказа и сумма, необходимая на содержание их (1792 г. 2 апреля). В случае уменьшения числа детей в Тульском воспитательном доме, белевский городничий, по воспитании детей от 3 и до 5 лет, возвращал их опять в Тулу (1793 г. в месяце июле). Так как по положению, сделанному с 1786 г., определено воспитанников Тульского воспитательного дома по прошествии 4 лет и при умножении младенцев 3 и 2 лет отправлять в удобное летнее время в учрежденный Московский Императорский воспитательный дом, то их отправляли туда партиями более всего по 5 младенцев, иногда и больше; так в 1787 г. 13 августа их было отослано туда 17, в 1788 г. 12 июля — 8, в 1793 г. 27 июля — тоже 8, в 1797 г. 10 июля — 5-ть, всякий раз с означением, когда поступали, кем крещены, была ли им привита оспа или нет; при отправке в Москву они снабжались всем необходимым и пристойным для них платьем, причем квартальным поручикам, сопровождавшим младенцев, давались от приказа самые подробные инструкции, и о благополучном доставлении их в Москву давалось знать приказу особым сообщением Императорского Опекунского совета (1797 г. июля 10 и 24). Пересылка детей из здешнего воспитательного дома в Москву стала вопросом в 1799 г. 1 декабря вследствие предписания начальства, из которого видно, что императорские воспитательные дома обеих столиц, оставляя тогда на своем попечении известное только число присылаемых к ним воспитанников, всех прочих после трех лет и привития оспы отсылают на известных условиях в казенные деревни на воспитание и совершенное в них водворение. По сему постановлению и присылаемые от здешнего Приказа общественного призрения в Московский воспитательный дом дети должны поступать также в деревни, причиняя своею перевозкою одни излишние издержки, в отвращение которых Опекунский совет считал нужным так распорядиться, чтобы воспитанники по достижении известного числа лет были прямо от приказов отдаваемы в казенные селения их губерний, а Опекунскому совету сообщаемо было бы о том для сведения и

исчисления. Между тем, на основании новых Учреждений в столицах воспитательные дома должны из приносимых несчастнорожденных младенцев, кроме положенного числа их к содержанию и воспитанию, остальных всех по достижении 3 лет и привитии оспы отсылать на всегдашнее житие в казенные деревни, платя крестьянам за каждого питомца ежегодно по 18 руб. до совершения мальчиками 17, а девочками 15 лет, да единовременного награждения первым по водворении годовое их содержание по 18 руб., а последним при выходе в замужество на приданное по 25 руб., сверх того Московский воспитательный дом производил крестьянам в награду по 2 руб. в год на каждого младенца от 3 до 7 лет и проч. Поэтому начальство спрашивало: может ли Тульский приказ общественного призрения из собственных сумм сделать сообразное тому распоряжение, не отягощая более Московского воспитательного дома присылкою детей. На этот вопрос приказ отвечал: ежегодный доход приказа при теперешних суммах простирается до 3550 руб.; в пособие сему приказ получает иногда себе в доход случайно из разных присутственных мест здешней губернии пеней, также с продаваемых с аукционного торга имений уступленные аукционистом в пользу приказа по копейке с рубля, взысканные с неисправных винных и соляных поставщиков за непоставку в срок вина и соли, полупроцентные, даваемые от частных людей за хождение по представленным от них в приказ для взыскания векселям. На все эти суммы приказ едва содержит зависящие от него заведения (о которых сказано будет ниже), а потому и не может из собственных своих сумм сделать сообразно выше изъясненному постановлению распоряжение. На том дело тогда и окончилось.

Как бы то ни было, но уже отсюда нельзя не видеть, как серьезно приказ относился к обязанностям по воспитательному дому. Если же прибавить к сему, что все расходы по этому дому лежали на приказе, что один из членов приказа наблюдал, чтобы в этом доме сохраняема была опрятность и чистота, чтобы пища давалась детям простая и здоровая, чтобы при детях неотлучно находились надзирательница, няньки и кормилицы, люди самые надежные и добродетельные, то от такого надзора и попечения о детях надлежало бы ожидать благодетельных последствий. К сожалению, уход за детьми не всегда соответствовал ожиданиям приказа; смертность младенцев оттого всегда была значительная. Не упоминая о многих фактах смертности их, ука-

жем на три. В 1790 г. января 11 белевский городничий доносил приказу, что в прошлом году у него из 17 принятых им младенцев умерло 13; налицо осталось 4; в 1791 г. 10 января он же доносил, что в прошлом году из 18 принятых им младенцев умерло 16; налицо осталось 2. Не меньшая смертность младенцев была и в Тульском воспитательном доме. Надзиратели то и дело рапортовали об умерших младенцах, о лубках, в которых хоронили их, о том, например, что из 7 прибывших младенцев умирало в месяц по 5 (1799 г. декабря 1). При столь великой смертности детей однажды случилось то, чего нельзя было ожидать. В сентябре 1784 г. надзиратель за воспитательным домом доносил, что по случаю умершего в оном доме младенца один священник, несмотря на неоднократные приглашения, не пошел на погребение покойника, от чего тело его оставалось¹ без погребения в продолжение пяти дней. Определено: «Для предотвращения впредь подобных остановок, как в крещении приносимых в оный дом, так и в погребении умирающих младенцев, сообщить в Духовную Коломенскую консисторию* преосвященного Феодосия* и требовать, чтобы она благоволила одному из тульских градских священников в случаях надобности священных треб в воспитательном доме, по данному от сего дома известию, не отказываться исполнять оныя, за что приказ не оставит всякий раз награждать за труды его». Сообщение это было сделано 9 сентября, а 18 октября того же 1784 г. из Тульского духовного правления* дано знать приказу, что по предписанию Духовной Коломенской консистории преосвященного Феодосия, епископа Коломенского и Каширского, «для безостановочного в здешнем воспитательном доме всяких по христианскому обычаю исправления треб помесечно определены священники: преображенский, что на площади, Матвей Семенов и петропавловский — Андрей Афанасьев, в чем обязаны подпискою». При столь обязательном исправлении треб в воспитательном доме случаи, вроде описанного выше, впоследствии уже не повторялись, так как духовное начальство из года в год постоянно назначало разных священников для исправления треб в означенном доме. В 1791 г., от 15 января, определены сюда казанский священник Григорий Афанасьев и воздвиженский Иван Антонов, в 1792 г. 12 июля, на место их назначены троицкий священник

¹ Исправлено из: осталось. — Ред.

Михаил Антонов и георгиевский, что на Ржавце, Иван Федулов; в 1793 г. на место их определены священники церкви Преображения Господня Андрей Васильев и Рождества Пресвятой Богородицы, что на Ржавце, Николай Иванов. Во время службы сих последних случилось недоразумение относительно вознаграждения их за требы, и они обратились к духовному начальству за решением его. Возникло дело, по которому оказалось, что они действительно служили в воспитательном доме, исправляя в нем разные требы с 25 октября 1793 по 1 ноября 1794 г.; некрещеных младенцев в течение этого времени в воспитательный дом было принесено 160, а померло 157, первые крещены, а последние погребены были сказанными священниками. А в указе Правительствующего Сената, состоявшемся в 1765 г. апреля 18 дня, напечатано, что Ее Императорское Величество того года 17 февраля по поднесенному от учрежденной для церковных дел Комиссии докладу повелеть соизволила, чтобы священно-церковнослужители брали: за молитву родительницы 2 коп., за крещение младенцев 3, за свадьбы по 10, за погребение возраст имеющих 10, а за погребение младенцев 3. По этому расчету и выданы из приказа вышеозначенным священникам деньги: за крещение 160 младенцев 4 руб. 80 коп., за похороны 157 младенцев 4 руб. 71 коп., всего 9 руб. 51 коп. (1794 г. ноября 10). Несмотря на такое вознаграждение за труды священников, которое казалось тогда, вероятно, удовлетворительным, духовное начальство смотрело на дело иначе, и в 1796 г. 26 июня преосвященный Афанасий* из Коломенской консистории сделал такое предложение приказу: «Так как в кладбищенской церкви ежедневно исправляют богослужение переменные священники, то нельзя ли в оную приносить младенцев для крещения и погребения, и не признает ли для себя приказ такого предложения удобным к исполнению?» Но приказ не признал этого предложения для себя удобным, и священники для исправления треб в воспитательном доме назначались ежегодно. Приказ соглашался с предложением преосвященного на том лишь условии, если преосвященный определит к кладбищенской церкви штатного священника с назначением исполнять требы в воспитательном доме за известную плату; но ниоткуда не видно, чтобы преосвященный согласился на такое условие, и дело осталось по-прежнему.

3. В ведении приказа состояли: а) собственно казенный инвалидный дом и б) Баскаковский инвалидный же дом. Учреждение первого из них составляло, можно сказать, привилегию приказа. Из журнала его за 1789 г., от 14 февраля, видно, что по 4 пункту Высочайше подтвержденного определения 1764 г. февраля 26 об инвалидах в Сызрани из определяемых в инвалидные команды, как мужеска, так и женска пола, в богадельни нигде ни под каким видом не велено принимать и определять; по Высочайшему же об управлении губерниями Учреждению, ст. 387, «Приказу общественного призрения позволено устраивать богадельни для убогих, увечных и престарелых, не имеющих пропитания»*. На этом основании 1 мая 1778 г. при Тульском приказе общественного призрения открыта была богадельня на 12 человек заслуженных инвалидов¹, получившая потом название инвалидного дома. Согласно с буквой закона, право на помещение в него давали убожество, увечность и престарелость, где бы и в ком они ни встречались. Под инвалидами разумелись здесь не одни старые, увечные, убогие и бесприютные солдаты, но и подобные им люди из других сословий. В инвалидный дом, конечно, больше всего поступали солдаты, не имевшие пропитания, но принимали сюда, например, и увечных оружейников. Так, в 1789 г. декабря 20 при уведомлении Тульской оружейной ратуши, прислан в приказ оружейник Федор Тихонов Жмыхов, страдавший припадками, с целью помещения его в инвалидный дом, и был принят сюда на основании Высочайше утвержденного об управлении губерниями Учреждения ст. 387 и «Положения о Тульском оружейном заводе»* ст. 198, в которых, между прочим, изображено, в первой: «Об увечных и убогих приказ имеет смотрение, чтобы они получали покров, одежду и пропитание в установленных богадельнях»*, а во второй: «На счет жалованной оружейникам ссудной суммы, накладных с продаваемого железа, равно как на штрафные деньги приказу стараться содержать богадельни для престарелых и увечных оружейников, которые в неимуществе своем здесь находили бы пристанище, покров и пропитание». Когда впоследствии возникло дело об отчислении 25 тысяч ссудной для оружейников суммы из ведения приказа в оружейное ведомство, приказ прямо сказал, что и в больнице, и в инвалидном доме почти всегда ору-

¹ См. «Северная Пчела». 1844. № 58.

жейники находились, и проценты с этой суммы обращались в их пользу. Но так как количество инвалидов, солдат и оружейников не определено было никаким штатом, то оно всегда было неодинаково. В 1784 г. их было 27, в 1785 г. 29, в 1786 г. от 25 до 30; впоследствии число это стало изменяться не по годам, а по месяцам, например, в апреле 1791 г. их было 17, в мае 18, в сентябре 15 и так до конца года; в феврале 1792 г. их было 16, в апреле 15, в июне 14, в июле 1793 г. их было всего 12 и т. д. Но, сколько бы и когда их ни было, все они кроме готовой квартиры время от времени получали новую одежду, пока не изнашивалась прежняя; в 1787 г., при ожидании в Тулу проездом императрицы Екатерины II*, им сшиты были кафтаны из кофейного сукна¹; в 1794 г. января 2 инвалидам куплено 12 новых тулупов; содержание они получали от приказа под именем порционных денег за каждый месяц сначала по 2 руб. 35 коп., а потом по 2 руб. 48 коп. (1799, декабря 1). Такое содержание приказу казалось достаточным обеспечением инвалидов, что и выразил он в 1785 г., января 31, когда решил «для сохранения порядка и чистоты у инвалидов найти для них надзирателя, которому можно было бы поручить смотрение, чтобы находящиеся в оном, имея все нужное к содержанию своему, никуда из дома не выходили, кроме церкви, не мыслили о подавании, которое им не нужно, чтобы непрерывно были наблюдаемы чистота в доме, приготовление пищи, порядок при столе и устройство всей их жизни», к чему и найден был тогда способным коллежский регистратор Козьма Воробьев, которого впоследствии сменяли другие, пока к концу прошлого столетия приказ не поручил одному надзирателю наблюдать и за воспитательным домом, инвалидными домами и смиренным домом с жалованием по 30 руб. в треть (1797 г. 1 мая). Кроме того, на одном из членов приказа, по общему между ними соглашению, лежала обязанность присматривать за инвалидами, чтобы в доме их соблюдалась чистота и опрятность, чтобы находящиеся в должности люди и помещенные инвалиды никуда без позволения не отлучались, чего же недоставать будет, доносить приказу и ожидать разрешения (1790 г. января 8). Оттого желал ли какой инвалид пойти ко святым местам на поклонение или отлучиться к родственникам на свидание, писал обыкновенно просьбу в приказ и говорил, что он

¹ Журнал, сентября 22 числа, 1792.

«отлучиться без позволения главной команды смелости не имеет», и главная команда удовлетворяла его просьбе (1793, августа 10 и т.п.). Наблюдая за инвалидами чрез своего члена, приказ знал, кто из инвалидов, куда и на сколько времени брал от него паспорт. Благодаря строгому надзору над призреваемыми инвалидами, порядок между ними действительно соблюдался, что видно, между прочим, из ревизии 1 сентября 1785 г., когда заведения, состоящие под ведением приказа, в том числе и инвалидный дом, найдены в совершенном порядке, приносящем истинную похвалу и честь (тогдашнему) председателю его* (Ивану Лопухину).

б) Инвалидный дом, состоявший под ведением приказа, так называемый Баскаковский, деревянный, потом каменный, выстроен в 1795 г. ноября 20 на тульской Градской части* близ кладбищенской церкви Всех Святых иждивением жены статского советника Прасковьи Петровой Баскаковой для помещения в нем навсегда десяти человек увечных и престарелых воинов, достойно за отечество подвизавшихся. По завещанию строительницы этого дома, представленному в приказ 1795 г. 19 июля, на содержание состоящих в ведении сего приказа десяти воинов, живущих в оном доме, она вносила ежегодно 370 руб. 7 коп., на случай возвышения цен на содержание, одежду и прочее по 10 процентов на рубль — 37, и на непредвиденные расходы 25 руб. а всего 432 руб. 7 коп., с тем, чтобы из числа оной суммы исключалось 123 руб. 60 коп. за доставляемые ею, госпожою Баскаковою, из благоприобретенного ею села Скобочева натурою хлеб, муку и крупу, а за сим на содержание всего инвалидного дома с людьми ежегодно вносилось 308 руб. 7 коп., из которых приказ ежемесячно выдавал на харчи одному инвалиду 1 руб. 20 коп., а прочим девяти ровно по 1 руб. (1798 г. сентября 22). Жизнь инвалидов в Баскаковском доме определялась общими положениями инвалидного дома, издавна состоявшего в ведении приказа. Сначала, правда, надзирателем дома был поставлен один из инвалидов, которому и выдавалось каждый месяц, как сказано, по 1 руб. 20 коп. (1798 г. января 30), но затем, когда он по слабости здоровья оказался неспособным к своей должности, надзор за баскаковскими инвалидами, равно как за мужскою богадельнею, отстоящею недалеко от того дома, поручен был общему надзирателю заведений приказа с производством жалования из баскаковской суммы по 60 руб. в год, всем

же инвалидам ежемесячно выдавалось порционных денег 10 руб. по 1 руб. на человека, о чем надзиратель и рапортовал приказу в еженедельных и месячных донесениях (1795 г. сентября 22).

4. Под ведением приказа издавна состояла постоянная гражданская больница, учрежденная из тех же видов человеколюбия, из каких учреждена в Москве Екатерининская больница* в 1775 г., и на тех же началах, на которых существует эта последняя. По образцу ее Тульская больница открыта в 1782 г. октября 3 (1784 г. августа 5) для пользования всех больных и от всех родов болезней. Это была в своем роде больница всесловная, отверстая для всякого больного, к какому бы званию, сословию и состоянию он ни принадлежал в обществе. По приливу больных в этой больнице можно было заключить о том доверии в обществе, которым она постоянно пользовалась. Только по недостаточности средств она не могла, конечно, принимать в свои стены всех больных в городе, всех престарелых и увечных и не имевших никакого состояния. Сначала она была деревянная и довольно ветхая, помещалась за каменною оградю инвалидного и смиренного домов; затем, хотя выстроена была каменная по новому плану и фасаду, но не настолько поместительная, чтобы удовлетворить всем нуждающимся в ней больным (1789 г. января 11; 1799 г. 24 июня), и потому в нее могли поступать не те более или менее состоятельные больные, которые почему-либо предпочитали больничное лечение домашнему по невозможности лечиться на дому, но большею частию люди не состоятельные, как то, больные рекруты из приходящих чрез город войск, больные арестанты и колодники из смиренного и инвалидного домов, больные по распоряжению присутственных мест и по просьбе помещиков, все за определенную плату. В особенности бывало много больных из рекрут; в 1790 г., 8 февраля, за лечение проходящих чрез Тулу рекрут за прошлые 4 года заплачено приказу из Государственной коллегии 692 руб. 61 коп., из чего уже можно заключить о значительном количестве больных рекрут; в 1795 г. их перебывало в больнице 157 человек, и за лечение их из Казенной палаты* заплачено 159 руб. 94 1/4 коп. Если на излечение присылались в больницу люди из отделенного для приема рекрут присутствия Тульской казенной палаты, то лечение их производилось на счет отдатчиков (1795 г. 12 января). Наряду с солдатами и рекрутами в

№ 410
1225

2

1 Ноября. Уверенное свидетельство
Правления Тульской Семинарии
Священника.

Его Преосвященству.
Преосвященнейшему Никандру,
Епископу Тульскому и Белевскому
и Кавалеру

Правления Тульской Семинарии,
представление.

1го сего Ноября въ общемъ собраніи Правленія Семинаріи, съ раз-
решенія Вашего Преосвященства, посидовавшаго отъ 21 сего Ок-
тября по 1885, представлено было баллотированіе Преподавателей
Семинаріи на вакантную должность члена Семинарскаго Правле-
на Педагогической части, и большинствомъ избирательнымъ голосо-
мъ сего избранія Преподавателя Священника Георгій Пановъ.

Вашему Преосвященству Правленіе Семинаріи проситъ и
готовителемъ о сиемъ представить по Архипастырскому Высше-
му контролю и утвержденію, съ приложениемъ оцѣрченныхъ списковъ
какъ избирателей, такъ и избираемыхъ.

Векторъ Семинаріи Протоіерей Александръ Рашинъ

Представление правления Тульской семинарии преосв. Никандру, епископу Тульскому и Белевскому, об утверждении итогов баллотировки преподавателей семинарии на вакантную должность члена правления. 1 ноября 1868 г. Над текстом архипастырская резолюция: "1 Ноября. Утверждается Священник Панов членом Семинарскаго Правления". ГАТО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 23. Л. 2

№ 410

Г. Никандр. Смотрел.

4

Алфавитный список

преподавателей тульской духовной семинарии для
баллотирования их в должности члена семинарского правления

Класс	Имя или звание, имя, отчество и фамилия.	Кол-во избран- ных	Кол-во неизбран- ных	
1.	Кочаров Григорий, Священник	7	12.	
2.	Степанов Николай.	6	15	
3.	Нарбеков Александра	4	15	
4.	Никраев Дмитрий	5	19	
5.	Панов Георгий, Священник	11	8	избран
6.	Покровский Михаил, Священник	4	12	
7.	Покровский Иван.	9	10	
8.	Сахаров Иван.	9	10.	
<p>Ректор Семинарии Преосв. Г. Никандр Исполнитель Александр Мухоморов Протоиерей Михаил Степанов Священник Георгий Панов Священник Михаил Покровский Священник Александр Никандр</p>				

Список преподавателей Тульской семинарии для баллотирования их в
должность члена семинарского правления. 1 ноября 1868 г. Против
имени священника Георгия Панова (№ 5) помета рукой ректора
семинарии протоиерея Александра Романова: "избран". Четвертая
подпись – автограф Г.И. Панова. Над текстом рукой преосв. Никандра:
"1 Ноября. Смотрел". ГАТО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 23. Л. 4

больнице лечились и бедные крестьяне-колодники, кто на экономические суммы приказа, кто на счет помещиков. К сожалению, случилось, что иные присутственные места под разными предлогами не высылали в приказ деньги, которые издержал он на лечение больных, состоявших в их ведомстве и лечившихся по их распоряжению; в таком случае приказ настоятельно требовал высылки затраченных им денег, с угрозой удержать жалованье служащих в тех местах (1789 г. 11 января) и, вероятно, угроза оказывала воздействие, так как опиралась на правое и справедливое. Вообще из сохранившихся в архиве документов по предмету содержания Градской больницы видно, с такой заботливостью приказ следил за текущими делами больницы, с какою осмотрительностью и аккуратностью затрачивал деньги на отопление и освещение больницы, равно как на содержание больных (1798 г. февраля 24). Врачу больницы Харахорину приказ платил жалованья по 300 руб. в год (1789 г., 23 июля); подлекарь, прислуга, повар — все состояли на определенном жалованьи (1789 г. 2 апреля); из двух цирюльников старшему платилось по 60 руб. в год, а младшему по 45 руб. (1799 г. сентября 15); из сидельников числом от 4 до 5 иным платилось от 6 руб. 66 1/2 до 8 руб., а одному до 20 руб. в год¹. На одежду для больных приказ затрачивал тоже значительные суммы (1799 г. 30 декабря). Кроме необходимой пищи и вообще содержания больных, много денег тратилось на лекарства. Так, например, в 1789 с 22 апреля по 22 декабря приказ заплатил аптекарю Шумахеру 193 руб. 85; в 1791 г. 164 руб. 67 коп., в 1798 г. 209 руб. 52 и т.п., несмотря на то, что за лекарства назначалась аптекарем только половинная цена. Главное наблюдение за состоянием больницы лежало на обязанности дворянского заседателя, который озабочивался, чтобы при сохранении в комнатах оной всякой чистоты и благоустройства, имеющиеся в ней по каким-либо несчастным приключениям больные содержимы были в рассуждении порций, одежды и услуг по точным словам данного от Приказа общественного призрения надзирателям при ней наставления² (1793 г. января 17). Надзиратель этот подавал ему каждую неделю ведомость о состоянии больницы, где обозначалось, сколько в ней помещалось людей, кто они, с какого

¹ Там же (1799. — Ред.), 1 мая, и 1798 г., января 29.

² См. ниже наставления приказа надзирателю Оружейной больницы.

времени каждый из них прибыл в больницу или выбыл из нее, сколько и с кого из них взято денег при входе в больницу (1794 г. мая 5).

Другая больница устроена была приказом в 1799 г. на проценты ссудной суммы собственно для оружейников и на Оружейной стороне; проценты эти были назначены единственно на содержание полезных обществу оружейников заведений, как-то: школ для обучения их детей, больницы и богадельни, и потому приказ в это время не только предположил устроить для них школу, о чем будет сказано ниже, но и больницу со всеми ее принадлежностями и аптекою. Немедленно после устройства больницы и аптеки приказ определил к ней главного надзирателя, бухгалтера, смотрителя, сидельцев и повара. Каждому из них он дал особые наставления, в которых выяснил их обязанности. Вверяя надзирателю над госпиталем и аптекою надзор и всегдашнее смотрение, приказ обязывал его наблюдать в них чистоту и опрятность; от служителей требовать, чтобы они неупустительно выполняли принятые ими на себя обязанности, вели себя добропорядочно и давали бы ему во всем отчет; если же он кого из них усматривал неисправным в каком-нибудь отношении, то обязан был доносить Приказу общественного призрения. В больницу он должен был принимать служителей штатной воинской команды и разного рода оружейников, но так, чтобы число их не превосходило 24 человек; а если кто вступит сверх того числа, о том немедленно доносить приказу; если же из тех оружейников или другого звания людей будут приходиться (в госпиталь) неимущие, то и оных принимать и пользоваться безденежно. Когда ж кто из помещиков прийдет для лечения кого-либо из своих людей, то оных принимать в тот же госпиталь только тогда, когда будут порожние места и класть оных особо; по излечении ж, во что каждый человек стать может в содержании и за медикаменты, брать за каждый месяц по расчислению. Коль скоро кто вступит в больницу, то вносить того числа в книгу: какой он человек, чем болен, какие будут употреблены на него из казенной аптеки медикаменты, сколько их весом и на сколько по таксе суммою, сколько времени в той больнице он пробыл, сколько издержано на его пищу, какую именно и на сколько суммою, в воинских чинах расчислять жалованье, сколько следует в госпиталь, равно и провианта, что именно от которого получено. Смотреть надзирателю, чтобы к больным никто из посторонних ничего не носил; разносчиков ни под каким видом к

больным не допускать. Тому же надзирателю вменялось в обязанность иметь у себя под собственным смотрением и хранением принадлежащую до того госпиталя всю денежную казну, вести приходо-расходные книги, употреблять деньги на расходы без излишества, но сколько и куда определено будет, бухгалтеру записывать в особые книги и, по окончании каждого месяца, подавать приказу ведомости, а по прошествии года все подлинные книги. Бухгалтеру делать закупки мяса и прочих потребностей доброго качества с позволения надзирателя, но только записывать в книги, у кого что куплено. Пищу приказывать давать больным по объявлению лекаря вовремя; однако так, чтобы порция на каждого человека не превосходила против определенной табели. От лекаря надзиратель имел требовать уведомления ежедневно о состоянии больных в лечении. Смотритель больницы обязан подавать надзирателю ежедневный рапорт о всем порядке той больницы. Все вещи, и посуду, и вообще, что имелось казенного на руках смотрителя, надзиратель обязан ежемесячно осматривать, дабы не было никакой и ничему утраты. Вообще он должен поступать как по сему наставлению, так по изданному Высочайше утвержденному о губерниях Учреждению, ст. 394. Бухгалтер в больнице, по наставлению приказа, должен иметь шнуговую за печатью главного надзирателя книгу и в оную записывать получаемые от надзирателя деньги, также, что куда именно употреблено, у кого куплено, кому отдано, причем под запискою купцам должно подписываться; все потребные вещи для больницы закупать доброго качества и ежемесячно обо всем расходе подавать ведомости главному надзирателю, а по прошествии года и всю шнуговую книгу на рассмотрение, для чего и придается смотрителю писарь. Вообще бухгалтеру советовалось поступать во всем добропорядочно и быть в повиновении главного надзирателя. Кроме того, приказ дал более или менее подробные наставления смотрителю больницы. В больницу ему не велено принимать никого без собственноручной записки главного надзирателя. Как скоро больной принят будет в больницу, то следовало отбирать от него все его платье и всю обувь, и давать ему вместо того шафорок*, рубашку, колпак, чулки, портки¹ и туфли; все взятые у больного вещи, переписав, собирать в одну связку и полагать в казенную (кладовую) той боль-

¹ Исправлено из: портни по тексту Учреждений, ст. 394, п. 2. — Ред.

ницы с надписанием имени больного. Потом, как скоро выздоровлявал больной и выходил из больницы, возвращать ему в тот же день и отобранные у него вещи. Так как больница учреждена только для 24 человек, то более того числа больных не принимать в больницу, почему для оного только числа содержать постели и все прочее всегда в готовности. Если из присылаемых за подписью надзирателя больных явится кто-нибудь по осмотре лекарем в прилипчивой болезни, то оных помещать особо, дабы не сделалось заразы. У каждого больного подле постели должно быть по небольшому столику, покрытому вошанкою, и на том столике по стакану и кружке оловянными и по маленькому колокольчику, чтобы звать сидельщиков. Комнаты содержать всегда в чистоте, курить в них по два раза в день и переменять воздух в той комнате, о которой объявит лекарь; сидельщикам же быть безотлучно. Обедать больным всегда в десять часов поутру, ужинать в шесть часов ввечеру; кушанье варить для всех общее, разве для кого что особливо от лекаря приказано будет. Смотрителю наблюдать, чтобы к больным никто из посторонних ничего не носил, разносчиков ни под каким видом к больным не допускать; неутомимое иметь попечение, чтобы в больнице наблюдалась чистота и во всем порядок, чтобы пища была приготовлена по предписанию лекаря, чтобы больные были помещены в пристойных их болезням местах, чтобы отобранное у них платье сохранялось в целости; наблюдать за сторожами, сидельщиками, поварами и над прочими нижними служителями, чтобы каждый из них прилежно отправлял свою должность, о порядке в больнице ежедневно извещать главного надзирателя, какую кому отправлять должность. Самому же смотрителю вести себя добропорядочно и быть во всем в повиновении главного надзирателя. Вместе с сею инструкциею дана была от приказа особая инструкция сидельцам при больнице. Они должны наблюдать чистоту в комнатах, где лежат больные, усыпать их песком и ельником, содержать в чистоте столы и накурять все те комнаты. У каждого больного они должны перестилать постель два раза в день поутру и ввечеру. Как скоро кто из больных позовет их чрез колокольчик и потребует пить или есть, они должны доносить смотрителю. В ночное время в каждой комнате должен быть зажжен посреди комнаты в фонаре огонь. Со всеми больными они должны поступать вежливо, не делать им никаких озлоблений и обходиться с ласковостию. Они должны быть под

собственным смотрением и повиновением смотрителя больницы и никуда без воли его не отлучаться. Мало этого. Приказ дал особую инструкцию и повару. Находясь при госпитале поваром, он не должен никуда отлучаться без позволения смотрителя больницы; напротив, он должен готовить пищу, какую, в какое время и как распорядится смотритель, требовать от него для варения той пищи припасы, пищу варить во всякое время со вкусом, а не противную, и наблюдать во всем чистоту, квас должен готовить также хороший, посуду содержать в чистоте и без всякой утраты, во время обеда и ужина накрывать стол порядочно, во всей чистоте, а по окончании трапезы все собирать с того стола и хранить. Во всем же вышесказанном ему должно быть в точном ведении у смотрителя больницы и не давать ему никакого ослушания, тем паче каких-нибудь противностей и беспорядков. Что касается до качества пищи, то приказ назначал ее по особой табели или по особому расписанию. Вообще она должна быть по дважды в день и состоять из хлеба черного или белого, каши овсяной или яшной с мясом свежим, а во время лета и неглубокой осени, пока держатся еще травы, больным назначалось употреблять крапиву и другие травы попеременно с кашами, по распоряжению лекаря.

5. В ведении приказа состоял еще смирительный дом или Дом смирения. Существование его предполагалось в 1775 год, когда по Высочайшему об управлении губерниями Учреждению, § 391, велено принимать в смирительный дом людей непотребного, неистового и соблазнительного жития, людей, наносящих обществу стыд и позор, но не иначе, как по повелению губернского правления, или по приговору прочих судов, или по прошению в Приказ общественного призрения отцов и матерей, или по прошению трех родственников (1790 г. 19 февраля). На этом основании заключению в смирительный дом подвергались предосудительного поведения люди обоих полов разных званий и состояний не одной Тулы, но и других городов Тульского наместничества. По закону, в ограничение своеволия, право заключения в смирительный дом, очевидно, принадлежало присутственным местам, но с разрешения начальства или по жалобам в уголовный суд, правом этим пользовались сами начальники, помещики, управляющие имениями, хозяева, отцы и матери семейств, даже мужья в отношении к женам. Причины заключения в смирительный дом были так-

же разнообразны, как самые преступления. По приговору магистрата, попадали сюда люди празднующиеся, беспаспортные (1787 г. декабря 8), за сквернословие и пьянство¹, за невоздержание и разврат². В 1794 г., 3 марта, ³на основании Высочайше утвержденного Устава благочиния* ст. 256, 2 отд., где сказано: «Буде кто, изобличен в пьянстве, непрерывно пьян или более времени в году пьян, нежели трезв, того отдать на воздержание в смиренный дом, дондеже исправится»*, Оружейная ратуша нередко заключала сюда оружейников за пьянство, распутную жизнь и кражу, как людей подозрительных и состояния негодного, дабы они впредь от пороков воздержались, и живущим состояния доброго людям не могли наносить вреда и зазора, а по истечении определенного времени требовала опять прислать их в ратушу, которая при самом заключении в смиренный дом представляла за таких людей кормовые деньги. Тульское губернское правление однажды заключило в Дом смирения сельского старосту за непристойные против уездного суда слова (1797 г. декабря 14). По приговору Уголовной палаты* заключали сюда за прелюбодеяние и прижитие незаконных детей (1787 г. июля 18). По приговору Тульской палаты суда и расправы* однажды заключен был в смиренный дом неслужащий дворянин Николай Масолов за намерение заколоть обнаженною шпагой дворового человека Тимофея Степанова, а также за пьянство, шум и безобразие, на 6 недель, потом освободил его с таким подтверждением, чтобы он от сих и подобных тому поступков воздержался под опасением в противном случае поступления с ним по всей строгости законов (1797 г. августа 22). По уведомлению Управы благочиния, заключен был туда же один из инвалидов, пойманный в воровстве и проживший в рабочем доме дотоле, пока не заработал 8 руб. 50 коп. т.е. суммы, в которую оценены пропавшие вещи (1794 г. 14 марта). Та же Управа благочиния однажды заключила сюда же белевского дьячка за невоздержание и пьянство (1797 г. 18 сентября). По уведомлению Белевского городского магистрата

¹ Там же (1787. — Ред.), августа 3.

² Там же, октября 18.

³ В печатном тексте здесь открываются кавычки. Снимаем их, т. к. парные к ним отсутствуют, а строй и содержание фразы производят впечатление не цитаты, а, скорее, авторского текста. — Ред.

заклучали сюда детей за непослужание, непочитание и побои отцов своих (1792 г. 15 июня). Помещики заклучали сюда своих крепостных людей за грубость и непослушание, за дерзости и побеги из вотчины (1787 г. ноября 30), также за пьянство, ссоры и драки, отлучки из своего села и непослушание (1796 г. января 15). Управляющие именными заклучали сюда за леность в земледельческих работах, за пьянство и мотовство (1796 г. 8 августа). Случалось, что помещик и прощал человека, отданного им в Дом смирения, до истечения срока, за который взнесены за него деньги, просил приказ возвратить виноватого к нему обратно (1795 г. 5 ноября), но иногда после одного месяца просил держать своих дворовых людей в смиренном доме еще месяц, за что прилагал вперед деньги¹. Иногда помещица (например, вдова Прасковья Иванова Трунова) просила о заклучении своего сына в смиренный дом за неповиновение, грубость и распутное житие, на основании Высочайше утвержденного об управлении губерниями Учреждения, § 84, по которому приказ имел право преследовать всякого рода злоупотребления, а наипаче роскошь безмерную и разорительную, а по § 391, «смиренный дом уставляется ради таких людей обоего пола, которые имеют невоздержное житие, как-то, сыновей и дочерей, которые своим родителям непослушны или злаго жития, и ни к чему доброму не сильны, и людей, которые впадут в непотребное житие и начнут расточать имение, накоплять долги вдвое против имения, разорять дом и чинить непотребности против чести»³. * На этом основании нередко Городовой магистрат прямо писал доношение в приказ о заклучении в смиренный дом сына какой-нибудь вдовы, по её прошению, за пьянство и праздность, непослушание и расточение имения, непотребную и невоздержанную жизнь (1797 г. 18 июня) или заклучал племянника, по прошению дяди купца, за пьянство и праздность, за жизнь противную добронравию, за домашние оскорбления, за расточение имения⁴. Отцы в сословии купечества с дозволения магистрата всего

¹ Там же (1795. — Ред.), июля 5.

² *Открывающие цитату кавычки отсутствуют. Поставлены после сверки с цитируемым документом.* — Ред.

³ 1795 г. № 83.

⁴ Там же (1797. — Ред.), 7 июля.

чаще заключали туда своих сыновей за чинимое ими непослушание, всегдашние бранные слова и огорчения, а также за невоздержание¹. Один купец с согласия трех родственников решился посадить в смиренный дом свою жену за пьянство, отлучки из дома и расточение имения, хотя приказ не решился с своей стороны исполнить его желание, не удостоверившись наперед от Управы благочиния, действительно ли подписавшиеся к просьбе купца свидетели суть его ближайшие родственники (1790 г. февраля 19). Одним словом, в смиренный дом люди могли попасть за всякие преступления, выходящие из ряда обыкновенных и нетерпимые в обществе. Все, подвергаемые здесь заключению, содержались на счет заключавших, которые вносили за них вперед кормовые деньги по 5 коп. в день на сколько угодно времени — на неделю, на месяц, полгода, год и больше. На кормовые деньги здесь кормили их и поили, посылали на работу до истечения определенного срока, по прошествии которого пересылали их кому-либо на поруки с распиской или возвращали по принадлежности. Целию заключения сюда было желание исправить порочных людей, «дондеже исправятся», по выражению закона. Цель эта могла и не достигаться во всей силе; иные не хотели смириться и в Доме смирения и во время работ бежали из дома (1791 г. июля 18); но, пойманные, они препровождались в Управу благочиния, которая за побег выдерживала их трое суток на хлебе и воде (1795 г. 16 апреля). Приказ с своей стороны с целию исправления порочных людей имел строгий надзор за внешним поведением их; для сего постоянно имел за ними надзирателя с платою в год по 16 руб. 60 1/4 (1789 г. 1 мая); для того же один из членов приказа «имел в смотреии состоящий под ведением его смиренный дом и строжайше наблюдал, дабы содержаемые в нем люди не леностное имели упражнение в работе и пищу для подкрепления сил употребляли весьма умеренную»² (1790 г. января 8).

6. Благороднейшим памятником деятельности Приказа общественного призрения в прошлом столетии служила открытая им публич-

¹ Там же, 7 сентября.

² *Конец цитаты не указан. Кавычки поставлены предположительно. — Ред.*

ная библиотека. Были тогда и частные попытки к основанию такой библиотеки, но, кажется, только в виде благочестивых желаний, осуществить же их на деле было не по силам частным лицам. В обществе уже пробуждалась потребность к чтению, которой желали удовлетворить частные лица, сочувствовавшие народному просвещению. К таким лицам принадлежал протоиерей Староникитской церкви Гавриил Иванов Павлов, предполагавший открыть и, вероятно, открывавший при своей церкви общенародную библиотеку, как можно заключить из надписи на одной книге, пожертвованной в нее священником той же церкви Иоанном Петровым Зеведеевым. На последнем листе книги, состоящей из пергаменной рукописи, надписано: «Сию книгу глаголемое святое Евангелие подал в открытую всенародно при тульской Староникитской церкви библиотеку тоя же церкви иерей Иоанн Петров сын Зеведеев 1778 г. 1 мая при губернаторе Матвее Васильевиче Муромцеве»*. Надпись эта замечательна совпадением года и числа месяца с открытием общественной библиотеки, о котором сказано будет ниже, и, если вникнуть в нее, заключает в себе двоякий смысл: говорит или о времени пожертвования книги, и в таком смысле подтверждает существование открытой всенародно при церкви библиотеки, доступной для народа, или указывает на время открытия библиотеки при церкви, на что, впрочем, кроме одной этой надписи, нет других свидетельств; да и трудно понять, чтобы Староникитская библиотека, состоявшая из книг духовного содержания, могла удовлетворить многосторонней общественной любознательности и называться в собственном смысле общенародною; почин частных лиц, при самых лучших намерениях и попытках, встречал препятствия к удовлетворению общественной любознательности в недостатке средств к составлению библиотеки и помещению для нее, как они встретились даже в целом тульском обществе при открытии теперешней публичной библиотеки в 1833 году¹. Тем более они казались непобедимыми для протоиерея Г.И. Павлова. Устранить их не представлялось для него большей возможности, как содействием открытию всенародной библиотеки при каком-нибудь благотворительном заведении, состоявшем под ведением Приказа общественного призрения. Сюда-то и

¹ См. записку в Тульском депутатском собрании об открытии теперешней Публичной губернской библиотеки в 1830 г. до 1840 г. включительно.

обратилось внимание протоиерея Павлова в то самое время, о котором гласит вышесказанная надпись на книге. Об открытии общенародной библиотеки в Туле, за несохранившимися подлинными документами того времени деятельности приказа, приведем заметку «Северной пчелы» за 1844 г. в № 58 под заглавием: «Первая губернская публичная библиотека в России». Здесь мы читаем следующее: «1 мая 1778 г. при Тульском приказе общественного призрения открыта была богадельня на 12 человек заслуженных инвалидов. При сем случае священник тамошней церкви во имя великомученика Никиты отец Гавриил, движимый чувством христианского усердия на пользу общую, принес в дар богадельне собственную свою библиотеку, состоявшую из четырехсот избранных сочинений, и вместе с тем изъявил желание устроить на свой счет удобное для сей библиотеки помещение. Здесь каждый из тульских граждан мог свободно заниматься чтением книг и выписками из оных за самую незначительную плату в пользу богадельни. Приказ общественного призрения, умножив собрание книг о. Гавриила собственными своими 150 книгами, поручил управление как библиотекою, так и богадельнею сему достойному пастырю. Вот первая в России губернская публичная библиотека!». Из сохранившихся дел приказа мы не видим, осуществил ли о. Гавриил свои желания относительно устройства помещения для библиотеки и наблюдения за нею, и вообще, какая была дальнейшая судьба ее. Известно только, что при богадельнях были особые надзиратели, и если о. Гавриилу поручено было наблюдение за богадельнею, то, вероятно, на время, до приискания надзирателя; известно также, что в 1786 г., 12 сентября, приказ действительно имел собственные книги под смотрением секретаря Воскресенского и передал их в преобразованное тогда народное училище; но так как книги эти в деле того года не исчисляются поименно, то мы не знаем, какие эти книги, и кем пожертвованы, и вообще, долго ли существовала открытая библиотека или нет; в реестре же книг училища за 1796 г., 30 декабря, мы уже не находим ни одной книги собственно для народного чтения, и все 815 экземпляров — или учебники, или книги научного содержания.

7. К числу благотворительных заведений, бывших в прошлом столетии под ведением приказа, относится народное училище, в котором, как и в других подобных заведениях, был своего рода надзиратель

или инспектор, каким в 1784 г. октября 2 значился коллежский переводчик Бенедиктов. На место прежнего народного училища в 1786 г., 12 сентября, с Высочайшего разрешения открыто с Туле Главное народное училище, причем прежнее училище, заведенное приказом, велено отменить, книги же прежнего училища приказу принять с тем, чтобы передать в новое народное училище вместе с собственными книгами приказа, поручив смотрение за ними одному из учителей по назначению директора училища, полковника и Тульского наместнического правления советника Петра Грохольского. По отношению к частным и домашним училищам преобразованное училище состояло из четырех классов и носило название Главного народного училища. Хотя оно по составу учителей, по характеру преподавания и библиотечным средствам в отношении к нынешним преобразованным училищам, может быть, стояло ниже их, находилось в младенческом состоянии, но для своего времени оно стояло несравненно выше прежнего училища и служило основанием для устройства новейших гимназий. Приказ собственно не входил в педагогическую часть училища и ограничивался одною экономической и распорядительною частию, между тем именно от последней части зависела судьба всего училища. На приказе лежала забота о помещении для училища, об отоплении и освещении его (1791 г. 8 января). Из ведомостей директора училища видно, что в 1794, 1795 и прочих годах «училище имело свое местоположение на краю города, едучи по Киевской дороге* по правую сторону подле триумфальных ворот». Ведомости эти и записки о состоянии дома и учения подавались в приказ не менее двух раз в году, а приказ с своей стороны препровождал их в Главное училищное правительство, т.е. Комиссию училищ* (1797 г. 30 апреля); значит, в ведомостях и записках представляются самые верные сведения об училище, о составе учителей, характере преподавания, библиотечных средствах, числе и составе учеников и их успехах, о ежегодных публичных испытаниях их и наградах. Послужные списки учителей показывают, что числом их было 5. Учитель математики и физики в 3 и 4 классах Петр Черниговцев обучался в Воронежской семинарии. Учитель естественной и всеобщей истории и географии в 3 и 4 классах Феофилакт Покровский* обучался в Севской семинарии. Учитель арифметики, рисовального искусства и руководства учителей 1 и 2 класса Илья Садыков обучался в Переяславль-Залесской семинарии.

Все они присланы от Главного правительства училищ. Учитель Петр Кравшин 1 класса обучался в Московской академии и имел аттестат от Тульского народного училища. Учитель рисовального искусства Федор Катышев обучался в Московском университете и имел аттестат от Императорского Московского университета. С 1789 г., октября, приказ определил в училище преподавателя иностранных языков вследствие донесения директора, что, по силе Высочайше утвержденного Устава о народных училищах*, должен быть в Главном народном училище преподаватель немецкого и французского языков, каким избран был некто Христофор Роде. Всему наличному составу учителей, начиная с директора, жалование шло от приказа, который имел для этого особые суммы, поступавшие к нему из Тульской казенной палаты, из Богородицкого городского магистрата и Тульского такового же магистрата, Тульской гражданской палаты*, Ефремовской нижней расправы* и Тульской управы благочиния, всего 1655 руб. 69 (в 1795 г.), и из этой-то суммы он содержал дом, давал в нем помещение четырем учителям по одной комнате на каждого, выдавал им деньги на освещение — на покупку одной свечи маканой (за фунт по 11 1/2 коп.), отоплял комнаты их осиновыми и липовыми дровами (полагая за сажень по 2 руб. 75 коп. в 1790 г., по 3 руб. 45 коп. в 1791 г., по 3 руб. 70 коп. в 1792 г. и т.д.). Приказ платил жалованья директору по 166 руб. 67 в треть, или по 500 руб. в год, двум 1-м учителям каждому по 133 руб. 33 в треть или по 400 руб. в год, еще одному (т.е. Садыкову) в год 200 и двум (Кравшину и Катышеву) по 150 руб. в год (одному 300 руб. в год)¹, учителю иностранных языков по контракту 400 руб. в год². * Все эти учителя обучали учеников по новому методу и, если определялись в училище с утверждения приказа, то представляли ему аттестаты, свидетельствующие об умении преподавать именно по новым, апробованным в Комиссии учи-

¹ Как в газете, так и в отдельном издании, это, явно испорченное место выглядит так: «...еще одному (т.е. Садыкову) в год 200, (одному 300 руб. в год) и двум (Кравшину и Катышеву) по 150 руб. в год...». Исправляем, предполагая, что при наборе выделенное скобками разъяснение по ошибке было помещено перед поясняемым текстом. Смысл таков: двум учителям назначено по 150 рублей каждому, а в случае, если, исполняя обязанности обоих, работает один — ему 300 руб. — Ред.

² 1794 г. № 71. Последняя цифра года неотчетлива. — Ред.

лиц или, по крайней мере, в Главном народном училище, методом; увольнение учителей, по представлению директора о негодности кого-либо из них к обучению детей, зависело также от приказа, причем выдавался им аттестат, как они проходили должность свою в училище. Впрочем, право увольнения учителей, которым пользовался приказ, ограничено Комиссиею об учреждении училищ особым постановлением от 10 августа 1795 г., где сказано: «Доходит до сведения комиссии, что некоторые из учителей, сею комиссиею образованных и в должности по училищам народным распределенных, домогаются разными образами отбыть от настоящего своего звания, так что некоторые приказы по таковым домогательствам без ведома комиссии дают им увольнение, от чего училища народныя придти могут в упадок и запустение, поелику люди сии по крайнему в них недостатку в государстве нарочно к званию сему по сию пору приготовлялися с немалым трудом и иждивением, а паче учителя верхних разрядов. Но как комиссия для сбережения их в сем звании с тем и образование их предпринимало, дабы им в другой род службы без воли ея не переходить и ни к какому месту без собственного от нея увольнения не приниматься, то определено: ради должной в том осторожности сообщить о том во все приказы общественного призрения, дабы впредь без ведома ея определенных ею учителей ни под каким видом от должности звания их не увольнять, но во всяком случае списываться о том наперед с сею комиссиею и ожидать ея решения». Во исполнение распоряжений комиссии Тульский приказ старался сделать для учителей должность их привлекательною и для того щедро рукою выписывал для них всякого рода учебные пособия по указанию директора. Так, например, за один 1789 г. от 18 июня выписано для училища книг на 414 руб. 30 коп., не менее того приказ выписывал их и за другие годы; из выписанных книг многие разрешено продавать ученикам с умеренною накладкою сверх назначенной в реестре цены и по продаже их как истинную цену, так и проценты записывать на приход в пользу училища, сообщив о том приказу к сведению. Благодаря хорошему по своему времени составу учителей и библиотечным средствам, Главное народное училище имело, например, в 1795 г. в 1-м классе 61 ученика, во 2 — 24-х, в 3-м — 18, в 4-м — 7 и состояло из дворян и разночинцев; под последними разумелись и господские служители, и оружейники, и приказные служи-

тели, и солдатские дети, а также мещане, купцы, ямщики, церковники и однодворцы; отметки успехов их в первом и втором классах следующие: «все предметы продолжают с изрядным успехом», в третьем: «с похвальным успехом», в четвертом: «с хорошим». Для познания действительных успехов учеников ежегодно производились в училище публичные испытания, на которых лучшим ученикам в награду за успехи выдавались книги, покупаемые приказом. Так, с 1789 по 23 сентября 1793 г. куплено им книг на 37 руб. 80 коп. Из записки директора о состоянии училища за 1793 г. мы видим, что публичные испытания в Главном народном училище производимы были в назначенное Уставом время, и в первой половине сего года при попечителе училища действительном статском советнике Андрее Ивановиче Лопухине*, при довольном собрании присутствующих граждан, а другое — в присутствии г-на директора секунд-майора Михаила Васильевича Хомякова, который испытывал каждого из учеников отдельно. 18 февраля того же года изволил удостоить училище своим посещением Тульский и Калужский генерал-губернатор князь Михаил Никитич Кречетников, причем от училища в знак глубочайшей преданности и усердия к сему знаменитому посетителю поднесен был портрет его, при котором изображена была подпись следующего содержания: «Усердие тщилось здесь изобразить героя, в начальнике — отца, блюстителя покоя, любителя наук, смирителя врагов, который бедным есть защита и покров». Портрет сей для воспоминания великих его благотворений хранился в кабинете Главного народного училища. — В течение сего года, как в домашних, так и народных училищах число учащихся простиралось до 362 человек, а именно в Главном народном училище 137 человек, из коих 17 человек окончили ученье в разных классах и вышли из училища, в Богородицком училище* (двухклассном) находилось 45 человек, из коих выбыло 10, в 11-ти домашних училищах было 180, а выбыло 57. Затем налицо осталось всех учеников 284 чел. В 1794 г. всех учеников было 212. В 1795 г. только 144.

8. В ведении приказа, хотя чрез посредство директора Главного народного училища, состояли: а) частное в Богородицкой и Бобринской волости училище и б) все домашние училища в губернии.

Частное в Богородицкой и Бобриковской волости училище находилось подле соборной дворцовой церкви в г. Богородицке*. Оно учреждено в 1787 г. 1 февраля согласно предписанию Высочайше утвержденного Устава о народных училищах и по силе § 8 Наказа об училищах, где ясно изображено, что «училища не иначе могут быть заведены, как с позволения Приказа общественного призрения». Оно состояло из двух низших классов, в которых дети обучались предметам, предписанным в Высочайше утвержденном Уставе. Вот реестр книг и других пособий, по которым обучалось юношество в домашних и народных училищах: «таблица азбучная, таблицы для складов, правила для учащихся, сокращенный катихизис, священная история, прописи, руководство к чистописанию, пространный катихизис, книга о должностях человека и гражданина, 1-я и 2-я части арифметики, изъяснение евангелий, 1-я часть всеобщей истории, география всеобщая и государства Российского, общие чертежи земного шара, Европы, Азии, Африки, Америки и государства Российского, земной и небесный глобусы, российская грамматика, геометрия, архитектура, механика, физика, начертание естественной истории»¹. Не все, конечно, эти книги были руководствами и пособиями для частного Богородицкого училища; но как они в некоторых частях и объеме преподавались в домашних училищах с 1-м и 2-м классами наподобие частного Богородицкого училища, то, без сомнения, те же руководства были и для сего последнего. Заведывалось оно особым смотрителем и имело одного учителя, который получил образование в прежней Тульской народной школе и, выслушав руководство учителей 1 и 2 класса 20 мая 1788 г., отправлен в волостное Богородицкое и Бобриковское училище с аттестатом. Впрочем, учил он в училище недолго. В 1793 г. в 1-м классе учеников у него было 21, а во 2-м 25, да три ученицы. Из ведомости о состоянии народных училищ за первую половину 1795 г. видно, что 1 мая этого года Богородицкое училище было закрыто определенным по Высочайшему повелению для управления Бобриковскою волостью г-ном коллежским советником и кавалером Дуровым. Тогда-то Приказ общественного призрения, в заботливости о народном просвещении в Туле, решился вместо упраздненного малого народного училища в Богородицке, завести малое народное училище на Оружейной сто-

¹ Конец цитаты не указан. Ставим закрывающие кавычки предположительно. — Ред.

роне (1795 г. декабря 13) и составил план его согласно 24 и 25 §§ 2 главы Высочайше утвержденного Устава о народных училищах. Дом для такого училища предположено было избрать в середине Оружейной части* предпочтительнее подле какой-нибудь церкви. Он должен состоять примерно из двух больших комнат для классов, одной или двух комнат для учителей и одной или двух изб с некоторыми другими хозяйственными принадлежностями. На отопление такого дома предполагалось в год примерно 25 саж. на 100 руб., на освещение 27 руб. 50 коп., на услуги в доме 30 руб., следовательно, всего 157 руб. 50 коп. В училище предназначался один первый класс и один учитель с жалованьем в 120 руб., а если бы открылся второй класс, то с жалованьем в 150 руб.; другой учитель также в 150 руб. и рисовальный учитель с 60 руб. Книгами учебными училище это предполагалось снабжать из библиотеки Главного народного училища достаточным ученикам за деньги, неимущим же безденежно. Значит, годовое содержание предполагаемого училища обходилось бы приказу 500 руб. Со стороны приказа безденежно отдавался в пользу училища построенный на Оружейной стороне каменный дом. Сверх того приказ уступал в пользу его из получаемых от Казенной палаты за отпускаемое оружейникам железо денег два процента, по 500 руб., которые по Высочайше утвержденному «Положению об Оружейном заводе» ежегодно должны входить в доход приказа. А в случае недостатка и этой суммы на покупку книг, инструментов, починку дома и другие маловажные издержки предполагалось уделять еще часть из процентов оружейной суммы. Несмотря, впрочем, на все выгоды, предлагаемые приказом для проектируемого училища, план этот по независящим от приказа обстоятельствам осуществился уже в настоящем столетии.

Все домашние училища в губернии состояли в ведении приказа чрез посредство директора Главного народного училища. В Высочайше утвержденном Уставе о народных училищах, гл. 6 § 84, говорится: «У директора находятся в ведении и частные в губернии находящиеся пансионы или домашние училища», а в 20 и 21 ст. сказано: «Все содержатели училищ должны необходимо делать у себя в присутствии директора народного училища испытания чрез каждые полгода, о коих уведомлять наперед Приказ общественного призрения, подавая на оных директору надлежащая о состоянии школ своих и об успехах обучающихся у них донесения».

Во исполнение § 84 1790 г. мая 8 в приказе слушалось сообщение Тульского наместнического правления о «обвещении в здешнем губернском городе по всем частям, дабы учителя малолетнаго юношества домашних училищ, на основании Высочайше утвержденного о народных училищах Устава, для освидетельствования их, могут ли они обучать и ко взятию на знание свое аттестатов, явились в Тульское главное народное училище к г. директору». Оповещение это было вызвано по поводу открытия первого домашнего училища на новых основаниях. Еще 10 апреля того же года в присутствии Тульского наместничества Приказа общественного призрения доложено было прошение церковника Александра Козьмина сына Охотникова, в котором, прописывая, что «имел он желание в 4-й сего города части* в приходе Рождества Христова в доме отца его Козьмы Григорьева завести домашнее училище на основании Высочайше утвержденного Устава о народных училищах, и прилагая притом о звании своем к преподаванию по новому методу данный ему от Главнаго народного училища аттестат и план заводимаго им училища, просит о дозволении к содержанию ему онаго на основании в Наказе изображенного о сих училищах повеления». По прошению Охотникова в приказе решено: «Как из аттестата, даннаго просителю, видно, что он в здешнем Главном народном училище уже слушал руководство учителям 1 и 2 классов и, по испытании, оказался способным обучать юношество по вновь введенному методу предметам 1 класса, а из плана его видно, что им по оному юношество обучается будет всякий день, кроме табельных и воскресных дней, по осьми часов в сутки, с платою за окончательное обучение букваря по 50 коп., правил для учащихся и руководства к чистописанию за каждое по 75 коп., катихизиса (большаго) по рублю, письма и первых оснований арифметики по 2 руб., и для того, на основании изъясненнаго в Высочайше утвержденном о народных училищах Уставе о содержании домашних училищ и Наказа 4 пункта, означенному церковнику Охотникову в исполнение прошения его позволить, о чем ему при отдаче вышеписаннаго аттестата и плана заводимаго им домашнего училища с оставлением в приказе точных копий и объявить, а о снабжении его учебными книгами к исполнению предначертаннаго в 20 и 21 пунктах того ж Наказа предоставить надзору г. директора народных училищ, сообщить в Тульское наместническое правление и просить, дабы оно благоволило на основании того ж Наказа 2 и 3

пунктов о предписании кому следует объявлений в губернском городе Туле по всем частям, имеющим домашния училища, дабы они для освидетельствования их, могут ли они детей обучать, и для взятия аттестата, явились в Главное народное училище к г. директору, учинить свое определение, и сей приказ без уведомления не оставить, в противном же случае поступлено с ними будет в сходственность тех же 2 и 3 пунктов». После того, как сделалось общеизвестным вышесказанное «оповещение», 25 мая того же года приказу должно было другое прошение о том же предмете и в такой же форме г. Тулы церкви Преображения Господня, что близ Старой площади, пономаря Захара Моисеева, и приказ точно таким же образом позволил Моисееву завести в его доме училище на тех же условиях. В сентябре того же 1790 г. приказ слушал новое прошение о том же предмете диакона 1 части города, церкви великомученика Никиты, по имени Феодора Афанасьева. И это прошение составлено по прежней форме с теми же условиями для заведения домашнего училища, и решение приказа о позволении ему, Афанасьеву, выражено в одних и тех же словах с объяснением, чтобы жители г. Тулы Наместническим правлением были извещены «о сем вновь заводимом третичном домашнем училище». Из дела октября 22 того же года видно, что позволение открывать домашние училища на законных основаниях и известных условиях вдруг дано было не одному, а многим лицам духовенства, как-то: прихода Покрова Пресвятой Богородицы священнику Никифору Ильину и диакону Николаю Иванову, диаконам Благовещенской церкви Никите Филиппову, Преображения Господня Георгию Родионову, Николаевской церкви, что за Упою рекою, Алексею Иванову (Сахарову). Об этих вновь открытых домашних училищах таким же образом, как прежде, сообщено было жителям Тулы. В декабре того же года приказ разрешил открыть новые домашние училища по прошениям дьячков ц. Успения Пресвятой Богородицы Тимофея Петрова и Петропавловской ц. Ивана Михайлова, которые оба получили аттестаты из Главного народного училища о своих способностях обучать юношество по вновь введенному методу, оба заявили согласие обучать детей на таких же условиях платы, как и другие, и оба снабжены необходимыми учебными пособиями. Приказ определил сообщать чрез Наместническое правление «о сих еще вновь двух заводимых домашних училищах». В конце того же года директор Главного народного училища для препро-

вождения в Главное правительство училищ, представил приказу, на основании § 46 Высочайше утвержденного Устава о народных училищах, ведомость о состоянии заведенных в Туле народных и домашних училищ и записку обо всех заведенных в наместничестве училищах. Так поступал он и в следующие затем годы. Из ведомостей о домашних училищах за 1793, 1794 и 1795 годы видно, а) что за первый из сих годов их значилось в Туле 11, а именно: Спасское, Никольское, Никитское, рисовального учителя Федора Катъшева, Петропавловское, Благовещенское, Покровское, Никольское на Ржавце, Успенское, Рождественское на Оружейной стороне и Рождественское в Чулкове; все они находились в разных частях Тулы близ тех церквей, которых имена носили, кроме училища рисовального учителя, которое было во 2-ой части близ Петропавловской церкви; все они учреждены в вышеозначенное время по предписанию приказа содержателям домашних училищ руководствоваться Высочайше утвержденным Уставом об учреждении училищ под № 8; кроме пансиона рисовального учителя, состоящего из двух низших классов с упражнением в рисовальном искусстве, во всех прочих дети обучались предметам 1 и 2 класса по руководству, данному для их учителей¹; из всех училищ некоторое время не было учения за недостатком учителей в училищах Спасском, Успенском и Рождественском на Оружейной стороне; всех учеников во всех училищах было 129; б) в 1794 г. домашних училищ осталось только пять, а именно: рисовального учителя Катъшева, Петропавловское, Благовещенское, Покровское, Рождественское в Чулкове; число учеников во всех этих училищах сократилось до 57; в) в 1795 училищ в домах осталось только три: Благовещенское, рисовального учителя и Покровское, а всех учеников в них было только 33.

Причина столь быстрого упадка домашних училищ, по-видимому, коренилась в строгом контроле, которым тяготились содержатели училищ, и который, однако ж, был необходим во исполнение 20 и 21 ст. Устава о народных училищах. Причина эта будет весьма вероятна, если мы представим на вид два факта строгого контроля над домашними училищами. В 1790 г., 8 августа, директор училищ представил следующий доклад приказу: «При разсматривании в г. Богородицке волостна-

¹ *Исправляем расстановку знаков препинания, в газетном варианте, на наш взгляд, противоречащую смыслу. — Ред.*

го училища, я узнал, что в том городе держатели домашних училищ обучают по старому способу в противность наказа под № 8 в Уставе о народных училищах, почему и требую поступить с держателями оных училищ, как в том наказе изображено». Вследствие сего приказ объявил в г. Богородицке имеющим домашние училища, чтобы они для освидетельствования их, могут ли обучать детей, и для взятия аттестата, явились в Главное народное училище к г. директору училищ; «иначе с ними будет поступлено по силе тех 2 и 3 пунктов»¹. Все держатели домашних училищ в г. Богородицке обязались подпискою не поступать против требования закона, хотя из дел приказа не видно, чтобы кто-нибудь из них являлся в Тулу для взятия аттестата из училища; являлись только держатели домашних училищ в Туле и притом из одного духовенства; но и для них 20 и 21 ст. Устава об училищах казались стеснительными, и потому они мало-помалу закрывали свои училища. Что и в г. Богородицке училища эти были закрыты, это видно из дела 24 июня 1794 г., когда директор по поводу открытия, что в Туле содержит пансион француз Жюли*, который не получал от приказа позволения на открытие его и не доставлял ему сведения, чему он обучает и согласно ли с Уставом, пожелал узнать, нет ли в городе таких же недозволенных домашних училищ, и если есть, просил или запретить им содержание училищ, или заводить с разрешения приказа, а где заведены училища с позволения приказа, пусть подают ему о том ведомости. Вследствие этого приказ предложил городничим всех городов губернии, чтобы они донесли приказу обо всех домашних училищах, состоящих в их ведомствах. Все городничие отвечали, что в их ведомствах не имеется таких училищ. Только один белевский городничий донес, что в г. Белеве находится 10 лиц из духовенства, у которых есть небольшие домашние училища. Такие распоряжения приказа, как бы ни были законны, едва ли не показались стеснительными для самих городничих, которые не находили в своих городах ни одного домашнего училища; тем более стесняли самих держателей училищ, которые, не будучи обеспечены жалованием от правительства, не сознавали в себе обязанности давать отчет училищному начальству и, не желая подчиняться училищному контролю, естественно должны были закрывать училища.

¹ Кавычки, отмечающие начало цитаты, отсутствуют. Ставим предположительно. — Ред.

Таковы все училища, состоявшие под ведением приказа в прошлом столетии. При кратком очерке их нетрудно заметить, какое великое участие принимало в них духовенство Тульской епархии; начиная с Главного народного училища и оканчивая домашними училищами, мы везде видим главных и неглавных деятелей в виде учителей, как выражались тогда, «духовной породы, духовнаго состояния».

В Главном народном училище с его директором, с его новыми методами, с его влиянием на все низшие училища мы видим основы для преобразованной потом из него Тульской гимназии*. Одно недоставало в нем, что бы можно было даже для своего времени считать целесообразным, — это кафедры по закону Божию. На то, конечно, в прошлом столетии были основания, так как закон Божий считали тогда как будто бы специальностью одних духовных училищ*. В копии с Устава Комиссии об учреждении училищ, находящейся в делах приказа за 1786, января 29-го, значит пред открытием Главного народного училища, между прочим, сказано: «Богословский факультет не должен входить в университеты; ибо по правилам от предков наших принятым и от нас свято соблюдаемым, учение богословий присвоено училищам духовным, из коих не только две духовныя академии — Московская Заиконоспасская* и Киевская* — тем факультетом снабдены, но и всякая семинария может завести сие учение». На этом, вероятно, основании и в Главном народном училище не было особых уроков по закону Божию. Впрочем, пробел этот был восполнен не только в Тульской гимназии, преобразованной из четырехклассного Главного народного училища, но еще в 1801 году в училище Александровском, преобразованном потом в бывший Тульский кадетский корпус. На первых порах и Александровское училище состояло под ведением приказа, построено при его деятельном участии, состояло на его попечении; от него же получал жалование наличный состав преподавателей Александровского училища, в том числе законоучитель протоиерей Димитрий Малинин, получавший 200 руб. жалованья и 33 руб. 33 коп. квартирных, затем иерей Стефан Емельянов, получавший столько же, сколько и его предшественник и т. д.

Дальнейшую судьбу рассмотренных нами благотворительных заведений г. Тулы, за первую четверть нынешнего столетия, мы надеемся проследить при первой возможности по тем же документам Приказа общественного призрения.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ГОРОДА ТУЛЫ В НАЧАЛЕ НЫНЕШНЕГО СТОЛЕТИЯ

Благотворительные заведения г. Тулы в начале нынешнего столетия по-прежнему, при всех переменах в личном составе Приказа общественного призрения, находились в исключительном его ведении. Личный состав приказа, от первоприсутствующего до последнего из заседателей, подвергался тогда разным переменам. Иногда присутствие приказа составляли и являлись туда губернатор и губернский предводитель дворянства, других же присутствующих заседателей не было; так, в 1801 г. января 2 в присутствии приказа прибыли только гражданский губернатор Я.М. Томилов* и губернский предводитель дворянства князь Д.А. Прозоровский*, без заседателей, которые прежде определялись сюда из Нижней расправы и Палаты суда и расправы, но первая из них пред тем только что упразднена, а другая переименована в Палату уголовного и гражданского суда*. Вскоре затем, именно 11 января 1802 г., на место губернатора Я.М. Томилова назначен в Тулу гражданским губернатором действительный статский советник Николай Иванович Иванов*, исправлявший свою должность до 1811 г., а вместо губернского предводителя дворянства с 18 февраля 1802 г. исправлял должность его уездный предводитель дворянства Е.М. Крюков. По случаю отъезда губернатора в Москву или для обозрения губернии должность его в приказе иногда исправлял вице-губернатор, как было в 1801 г. 13 сентября, когда вместо губернатора он был первоприсутствующим в приказе по силе 94 ст. Высочайшего «О губерниях учреждения», и ему вверялось управление

всею губерниею и Приказом общественного призрения со всеми зависящими от него заведениями; иногда же должность председателя по тем же причинам занимал в приказе и исправлял должность губернского уездный предводитель дворянства, как было, например, в том же году 12 марта, когда управление приказом поручено было последнему, который «силою Высочайшаго штата состоял губернатору в помощи».

Впрочем, должности заседателей приказа скоро были снова восстановлены. Чтобы в составе присутственных мест приблизиться к первоначальному учреждению, на котором они были основаны, по указу, Высочайше утвержденному 1801 г. сентября 9, признано полезным, между прочим, постановить в 5 пункте следующее: «В приказах общественного призрения должны определяться для временного присутствия в оных под неперменным управлением губернатора заседатели Совестнаго суда^{*}, по одному из каждого состояния, и секретарь, который должен быть в сем звании при губернаторе; присутствие же Совестнаго суда должно состояться из одного судьи, избираемого при общих выборах от дворянства и из заседателей от дворянства, купечества и поселян от каждого состояния по два», и все это должно было исполниться к 1 января 1802 г.

На этом основании, после общих выборов от дворянства, 5 февраля 1802 г., как видно из журналов приказа, во исполнение указа от 9 сентября 1801 г., открыт был в Туле гражданским губернатором Совестный суд, и присутствующие, по принесении Господу Богу благодарственного моления, введены были в свои должности, а вместе с тем, взамен прежних заседателей приказа из Нижней расправы и Палаты суда и расправы, по одному из заседателей Совестнаго суда от сословий дворянства, купечества и поселян отделено для временного присутствия в Приказе общественного призрения, в котором с этого времени¹ всегда было полное присутствие всех заседателей под управлением губернатора.

Но среди всех изменений в личном составе присутствующих приказа неизменным оставался главный характер его — христианская благотворительность в самых широких размерах. Направленная ко благу целой губернии, всех сословий и состояний, она обнаружилась

¹ Исправлено из: время. — Ред.

ПРИБАВЛЕНІЯ КЪ ТУЛ. ЕПАРХ. ВѢДОМОСТЯМЪ.

15-го Августа

№ 16.

1875 года.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЯ ЗАВЕДЕНІЯ Г. ТУЛЫ ВЪ НАЧАЛѢ НЫНѢШНЯГО СТОЛѢТІЯ(*).

Благотворительныя заведенія г. Тулы въ началѣ нынѣшняго столѣтія, по прежнему, при всѣхъ перемѣнахъ въ личномъ составѣ приказа общественнаго призрѣнія, находились въ исключительномъ его вѣдѣніи. Личный составъ приказа, отъ первоприсутствующаго до послѣдняго изъ засѣдателей, подвергался тогда разнымъ перемѣнамъ. Иногда присутствіе приказа составляли и являлись туда губернаторъ и губернский предводитель дворянства, другихъ же присутствующихъ засѣдателей не было; такъ, въ 1801 г. января 2 въ присутствіе приказа прибыли только гражданскій губернаторъ Я. М. Томиловъ и губернский предводитель дворянства князь Д. А. Прозоровскій, безъ засѣдателей, которые прежде опредѣлялись сюда изъ нижней расправы и палаты суда и расправы, но первая изъ нихъ предѣтъмъ только что упразднена, а другая переименована въ палату уголовного и гражданского суда. Вскорѣ затѣмъ, именно 11 января 1802 г. на мѣсто губернатора Я. М. Томилова назначенъ въ Тулу гражданскимъ губернаторомъ д. ст. сов. Николай Ивановичъ Ивановъ, исправлявшій свою должность до 1811 г., а вмѣсто губернскаго предводителя дворянства съ 18 февраля 1802 г. исправлялъ должность

(*) Продолженіе статьи, напечатанной в. №№ 8--11.

в следующих общепользительных для Тулы заведениях: 1) Тульском дворянском Александровском училище, 2) Главной народной школе* с домашними и народными училищами по уездам, 3) воспитательном и инвалидных домах, 4) больнице и смирительном доме, 5) некоторых из церковных богаделен. Одни из сих заведений теперь уже не существуют и известны, как исторические факты в жизни нашего общества, другие существуют и теперь, но с значительными изменениями и с другим характером; впрочем не было и нет ни одного из них, которое, принося пользу обществу прежнего времени, не имело бы хотя исторического значения для современного тульского общества.

1) Тульское дворянское Александровское училище

К числу благотворительных заведений первого рода, состоявших в начале нынешнего столетия под ведением приказа, мы относим Тульское дворянское Александровское училище, на которое обратим теперь исключительное внимание, как на такое благотворительное заведение, которое было близко сердцу дворян всей нашей губернии и главное — сердцу Александра Благословенного.

В первый год своего царствования император Александр I, следуя по стопам Екатерины II и удостоверенный, как она, в справедливости, святости и неприкосновенности преимуществ дворянства, в рескрипте от 2 апреля 1801 г. первую свою обязанность признал торжественно утвердить, восстановить и удостоверить все права и преимущества, содержащиеся в Грамоте дворянства, дарованной в 1785 г.*, «во всей их силе, точности и пространстве»¹ с уверенностью, что и «благородное российское дворянство, шествуя по стезям своих предков, верностию, усердием и честью руководимое, всегда будет споспешествовать желанию его возвести Россию на ту² степень высоты и блаженства, к коему Всевышний ее предустановил».

Не в наших видах показывать здесь, с каким сочувствием, с каким даже энтузиазмом отнеслось к словам монарха всероссийское дворянство; но дворянство Тульской губернии поспешило отозваться на ми-

¹ *Открывающие цитату кавычки в печатном тексте отсутствуют. Поставлены предположительно. — Ред.*

² *Исправлено из: тот. — Ред.*

лостивое внимание монарха мыслию об учреждении училища, в котором могли бы получать первоначальное воспитание бедные дети здешнего дворянства, чтобы вместе с богатыми со временем стать надежнейшею опорою престола.

Мысль об открытии такого училища была, однако ж, не случайным явлением в жизни здешнего дворянства. Рескрипт Государя счастливо совпадал с внутреннею потребностью дворян дать образование своим детям, особенно ввиду многочисленного класса бедных детей дворянства, лишенных средств к образованию.

Едва только мысль эта была зрело обдуманна, скоро составлен был проект об учреждении училища для воспитания и образования бедных детей дворянства и послан был на утверждение Государя, от которого возвращен 19 августа 1801 г. при следующем Высочайшем рескрипте на имя гражданского губернатора* :

«Мне поднесено было присланное от вас начертание проэкта о заведении в Туле училища для воспитания неимущих дворян. Примите благодарность мою за участие ваше в сем деле и объявите собранию дворянства, что ничем не могу оценить благонамеренных видов, к заведению сему их подвигнувших, так как и ни с чем не сравню я удовольствие видеть в самом начале царствования моего, что вместо тщетных и раззорительных издержек пышности и роскоши обращаются избытки имуществ на столь полезные предметы и устанавливается дух отечественный, переживающий все временныя учреждения и в общем добре потомства полагающий истинную славу. Чтобы более означить дворянству, сколь приятно мне его предположение, я разделяю с ним честь сего заведения — назначаю на оное с моей стороны ежегодно из кабинета по шести тысяч рублей, искренно желая и надеясь, что оно устроено будет на самых лучших правилах и успехами своими оправдает ожидание истинных сынов отечества».

Осчастливленное столь великою монаршею милостию, тульское дворянство, в чувствах беспредельной преданности и любви к Государю, возымело смелость, чрез губернатора, выразить пред ним желание назвать новоучреждаемое училище по имени его — Александровским, чтобы чрез то поставить оное под особое покровительство возлюбленного монарха. На такое желание дворян Государь отвечал особым рескриптом, от 16 сентября, на имя губернатора:

«По первому сведению, до меня дошедшему, — говорилось в рескрипте, — о намерении тульского дворянства учредить для неимущих дворян училище, я уже изъявил ему чрез вас мою признательность. Теперь на донесение ваше о сем предположении, повторяя те же самые изъяснения, хотя и не мыслю я, чтобы в деле общей пользы имя мое могло присоединить новое достоинство: но чтобы показать, сколь много уважаю я подвиг дворянства к сему заведению, соглашаюсь удовлетворить желанию его — назвать Александровским».

Согласно с волей Государя, принявшего участие в благотворительном пособии к учреждению училища, по расписанию Экспедиции о государственных доходах* за 1802 год, как видно из сообщения Тульской казенной палаты, данного приказу 17 января того же года, ассигновано отпустить сему приказу на заведение и содержание для неимущих дворян училища 6000 руб. по третям года, да со времени состоявшегося указа, т.е. с 19 августа 1801 г., 2200 руб. в начале года, и потому в приказе определено получить из Казенной палаты с 19 августа 1801 г. 2200 руб., да в наступившую январскую треть 2000 руб., а всего 4200 руб., которые немедленно и получены.

К источникам содержания Александровского училища следует отнести ежегодное пособие со стороны правительства, о котором мы читаем в ежегодных рапортах эконома Александровского училища Ордина; так, например, в рапорте его от 8 апреля 1804 г. говорилось, что из числа назначенных Оружейным правлением* к отпуску на 1802 и 1803 годы всемилостивейше пожалованного в приращение доходов Александровского училища железа ежегодно 10 тыс. пуд по обошедшейся казне цене с накладкой по 10 % на приращение ссудной для оружейников суммы принято им от того правления 1000 пуд железа по 1 руб. 17 3/4 коп. за пуд, всего на 1300 руб. 75 коп., и с процентами; железо это им продано оружейникам и взятые за него деньги 1300 руб. 75 коп. внесены в Оружейное правление, а приобретенные от того 1000 пуд железа в пользу Александровского училища деньги 349 руб. 25 коп. присланы в Приказ общественного призрения и записаны на приход в книгу, особо на то заведенную.

Вслед за царственным вождем и его правительством жители Тульской губернии, особенно дворяне, встретили открытие училища, состоявшееся в начале 1802 г., с истинною радостью, доходившею до энтузиазма. Все спешили заявить свое сочувствие к училищу в патри-

отических приношениях и пожертвованиях. Большинство пожертвований принадлежало дворянам. Общественная добровольная подписка шла везде успешно через посредство предводителя дворянства. Особым бескорыстием и патриотизмом отличались приношения купцов в пользу училища для одних дворян*.

Пожертвования на Александровское училище начались с 1 ноября 1801 года и к концу года возросли до 9258 руб. 24 коп. Мы не имеем ни цели, ни нужды приводить здесь имена всех жертвователей, из которых многие пожелали остаться в неизвестности или говорили, чтобы об них «никуда отзывать не было». Мы отметим только за некоторые годы имена жертвователей, довольно значительных по своему положению в обществе или характеристичных по прилагаемым письмам.

С 1802 г. мы находим в архиве приказа ведомости о движении сумм на заведение и содержание Александровского училища. Так, в январской ведомости значилось суммы, подаваемой ежегодно на содержание Александровского училища 3970 руб. 82 коп., подаваемой ежегодно на содержание учеников 1100 руб., подаваемой на содержание их единовременно 5027 руб. 62 коп., добрых дателей 120 руб., итого 10218 руб. 44 коп. Здесь в числе жертвователей значатся: князь Горчаков, пожертвовавший на училище 500 руб., одоевский предводитель дворянства 1105 руб. 95 коп., каширский 1207 руб., новосильский 367 руб., тульский 925 руб., алексинский 1372 руб. 55 коп. и т.п. В мартовской ведомости всей суммы Александровского училища под прежними подразделениями значилось 11109 руб. 74 коп. В продолжение этого времени пожертвования по подпискам и от частных лиц шли, как видно, без остановки. Между прочим, жена тайного советника Екатерина Александрова Новосильцева препроводила в приказ 200 руб. при следующем письме на имя губернатора: «Учреждаемое в г. Туле для неимущих дворянских отроков училище подает мне приятный случай к возможному, по мере состояния моего, участию пособием сему благотворному и полезнейшему учреждению, и потому, зная совершенную бедность и сиротство живущаго в Белевском уезде дворянина Петра Яков. Борисова, прошу о помещении его в Тульское дворянское училище, обязываясь ежегодно вносить за него по такой же сумме, пока он будет находиться в учении». В майской ведомости всей суммы училища было 10815 руб. 99 коп., в том числе было пожертвование штык-юнкер*

Николая Ушакова, представившего губернатору 200 руб. при следующем письме: «Взирая на безприкладную¹ милость Его Императорского Величества к дворянству Тульской губернии, посвятившему благословенные избытки свои на благоустройство в Туле Александровского училища, и видев самолично начальные плоды сего полезнейшего заведения, оставшиеся в истекшем году от малого хозяйства моего, простирающагося не более 30 душ, по благодати Божией, 200 руб. приношу в пользу сего благоучреждения. Нижайше прошу ваше превосходительство, дабы соблаговолили малость сию приять не по значительности приношения, но яко жертву, верховнейшим законом Божиим предписанную христианину». В июле генерал Александр Петрович Ермолов пожертвовал на содержание училища 100 руб., одоевское дворянство чрез предводителя доставило 138 руб. 95 коп., камергер граф Петр Гаврилович Головин внес 200 руб. при следующем письме: «Желая быть участником в благотворительных поступках тульского благородного общества, осмеливаюсь просить ваше превосходительство принять от меня 200 руб., которые я намерен ежегодно платить для содержания одного отрока из неимущих дворян, отдавая выбор онаго на ваше разсуждение, как покровителя сего полезнаго заведения», В декабре советник Казенной палаты Павел Иванов Крюков представил в приказе следующее донесение: «Имея честь принадлежать к тульскому благородному дворянству, ознаменовавшемуся заведением училища, удостоенным Высочайшаго благоволения, хотя не имею поместья, но, продолжая здесь службу, счастливым себя считаю, что могу из получаемаго жалованья быть соучастником в пособиях, доставляемых тульским дворянством к содержанию Александровскаго дворянскаго училища для возвращения сердцем и мыслию истинно благородных сынов отечества, и для того Приказ общественного призрения прошу принять из каждой трети жалованья моего по 25 руб. из назначаемых мною ежегодно для училища 50 руб., которые деньги 50 руб. при сем представляю».

В течение 1802 г. бывали пожертвования на Александровское училище, чуждые всяких корпоративных целей. В апреле сего года тульский купец Роман Андреев Оводов представил губернатору 500 руб. при следующем письме: «Под сению кроткаго и благодетельнаго прав-

¹ Так в печатном тексте. — Ред.

ления, покоющийся тульский гражданин, довольный малым приобретением трудов своих, почитает дар сей благословением Божиим, свыше ниспосланным, внимая верховным его святым заповедям: милости хошу, а не жертвы и — возлюбиши ближняго своего, яко сам себе, держает посвятить из приобретения сего пять сот рублей, во благо отроков Александровскаго училища, прошу принять и употребить сумму сию по благоусмотрению; верую, что приношением сим, изливающимся из глубины сердца моего, не оскудеет, но паче умножится чванец еяя моего». В то же время каширский градский глава * купец Николай Николаев Жданов пожертвовал также 500 руб. при письме следующего содержания: «Осчастливившись узнать, что в Туле учреждается училище, Высочайшим Его Императорскаго Величества именем ознаменованное, к просвещению и образованию сердец благороднаго юношества, приемлю смелость просить ваше превосходительство, яко благодетельнейшаго нашего начальника, принять и от моего избытка посвященные с сердечным усердием на то святое учреждение пять сот рублей; принятие сие почту милостию».

К увеличению средств содержания Александровскаго училища служили иногда доходы непредвиденные, на которые при открытии училища, казалось, нельзя было и рассчитывать; разумеем некоторые излишние суммы, взимаемые с дворян по распоряжению правительства на содержание советников и асессоров палат суда и расправы, также присутственных мест и чинов, а потом, так как сбор с владельческих душ производился больше, нежели что употреблялось в расход, отчисляемые, по распоряжению Тульской казенной палаты, в пользу дворянскаго Александровскаго училища. Таких сумм по сообщению Казенной палаты в 1802 г. от 5 июля с 1797 г. декабря 18 было всего 2772 руб. 90 3/4 коп. Суммы сии по самому назначению своему должны причисляться к прочим дворянским суммам для употребления на общественные дворянские надобности, но поступали в доход к губернскому предводителю дворянства далеко не все сполна и оставались год от года в недоимке. Вследствие сего по требованию губернскаго предводителя дворянства они переведены недоимкою в Приказ общественного призрения, чтобы он уже с своей стороны имел попечение о взыскании их в пользу Александровскаго училища, и приказ предписал нижним земским судьям о побуждении владельцев ко взносу денег, состоящих на них в недоимке. Таким об-

разом, деньги эти мало-помалу поступали в распоряжение приказа на пользу Александровского училища.

К случайным, хотя весьма частым¹, доходам для содержания училища служило время от времени поручаемое приказу векселедателями и займодавцами взыскание в пользу училища по таким векселям, распискам и заемным письмам, по которым взыскание для них самих представляло непобедимые трудности. Приказ не отказывался от ведения дел и по таким взысканиям, получил за то немалые суммы; но, не желая отвлекаться от прямых своих благотворительных обязанностей, считал добровольные пожертвования дворян самым постоянным источником содержания Александровского училища.

В 1803 г. добровольные пожертвования на училище продолжались по-прежнему и становились нормальными. По февральской ведомости сумм училища значилось 14500 руб. 42 1/2 коп., в том числе подаваемой ежегодно на содержание училища 3172 руб. 85 1/4 коп., подаваемой ежегодно на содержание учеников 5325 руб. 85 коп., подаваемой единовременно на содержание училища 4107 руб. 59 коп., вносимой во временное распоряжение к приращению процентов в пользу училища 307 руб. 80 коп., добротных дателей 1586 руб. 33 1/4 коп. В числе жертвователей на училище в этом году встречаются имена основательницы Баскаковской больницы* Прасковьи Баскаковой, жертвовавшей ежегодно на пансионера по 200 руб., графа Алексея Григорьевича Бобринского*, внесшего на содержание 6 воспитанников в училище на 1803 г. всего 1200 руб., графов Михаила и Николая Петровича Румянцевых на содержание двух воспитанников на сей год 400 руб. и проч.

С 1804 г. пожертвования на училище еще более увеличились. Между прочими благотворителями в феврале того года белевский помещик Андрей Алексеев Елагин, представляя на имя губернатора 400 руб., писал: «Имею я при себе двух детей Семена и Алексея, и, желая их воспитать на прямую пользу отечества, крайне счастлив бы я был, если бы милостивым вашего превосходительства благоволением удостоили их принятием в Александровское дворянское училище, толико известное примерным образованием детей в преуспевании сердца и разума, в число пансионеров. Утруждая вас, милостивый го-

¹ Исправлено по смыслу из: частным. — Ред.

сударь, сим покорнейшим прошением и, прилагая при сем от правящего должность судии, вместо предводителя, свидетельство, на ученье и содержание их, обязываюсь вносить ежегодно положенную дворянством сумму 400 руб. и при сем ее представляю». Отсюда, как из многих других данных, очевидно, что в Александровском училище, кроме бедных детей дворянских, воспитывались и дети достаточных дворян. Вообще, обязательные взносы представлялись вместе с воспитанниками при начале учебных годов и третей, и таких взносов вместе с прочими по апрельской, например, ведомости 1804 г., значилось уже 22560 руб. 94 коп., в том числе капитальной всемилостивейше жалованной 2304 руб. 63 коп., на содержание воспитанников 5304 руб. 43 3/4 коп., на содержание своекоштных 1400 руб., ежегодной на содержание училища 1300 руб. 48 коп., процентов с ней 318 руб. 13 коп., единовременной на содержание училища 6586 руб. 8 коп., процентов с ней 1762 руб. 28 коп., пожертвованной на училище 2502 руб. 96 коп., процентов с ней 166 руб. 48 1/2 коп., приобретенной приказом по разным взысканиям 644 руб. 45 3/4 коп.

В 1804 году в пользу приказа сделано капитальное пожертвование, а приказ обратил его в пользу Александровского училища; пожертвование это состояло в подаренном приказу доме. По объявлению губернатора от 8 июня, записанному в одном из журналов приказа, говорится, что «повелением Его Императорскаго Величества обращен в пользу учрежденнаго в Туле Александровскаго училища дом, подаренный Приказу общественного призрения помещиком Баташевым», а потому губернатор предложил напечатать в публичных «Ведомостях» о таком благотворительном подаянии, равно и о вызове желающих получить из приказа деньги взаймы с законными залогами. В журнале жертвователь дома не назван по имени* и не сказано, где находился дом, подаренный им приказу*; но из соображения, что одному из заводчиков Баташевых продал после пожара 1774 г. дом свой Никита Акинфиевич Демидов*, и что дом этот с 1820 г. обращен в бывший Александровский кадетский корпус, можно заключить, что это был тот самый дом, который после многих улучшений по закрытии корпуса отдан в ведение земства. Что касается до ссуды денег из приказа под верные залогом, то они, по предложению губернатора, действительно были розданы за известные проценты*, так что в сентябрьской ведомости о сумме Александровскаго училища во вза-

СВЯТЫЕ ХРАМЫ

ГОРОДА

Т У Л Ы.

ИСТОРИКО-СТАТИСТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ.

Сборникъ, составленный подъ редакціей
Н. И. Троицкаго и Ю. В. Арсеньева.

Изданіе Тульского Губернскаго Статистическаго Комитета.

Т У Л А.

Типографія Губернскаго Правленія.

1 8 8 8.

Титульный лист сборника "Святые храмы города Тулы. Историко-статистическое описание". Тула, 1888 (на обложке: Материалы для историко-статистического описания Тульской губернии. Вып. 1: Святые храмы города Тулы), в котором переизданы восемь работ Г.И. Панова. Единственная крупная прижизненная перепечатка его газетных статей. Экземпляр из библиотеки Государственного архива Тульской области

*Храм во имя вмч. Димитрия Солунского при богадельне
купца Петрова в Туле*

имообразной раздаче под обязательства значилось всего 61800 руб.; да под расписки выдано г-ну коллежскому советнику Венецееву* 717 руб. 50 коп., эконому Ордину 11839 руб. 39 коп., надворному советнику Василию Федотовичу Матякину заимообразно 500 руб., на жалованье регистратору Иосифу Краусову 40 руб., затем налицо осталось 6302 руб. 25 коп.

Таким образом, выражаясь словами Высочайше утвержденных в 1803 г. Предварительных правил народного просвещения¹, «все благонамеренные граждане, при устройении Александровского училища вспомоществуя правительству патриотическими приношениями и пожертвованиями частных выгод общей пользе, приобретали особенное и преимущественное право на уважение своих соотчичей и на торжественную признательность учрежденных тогда заведений, имевших возвысить в тогдашнее и утвердить на предбудущее время благосостояние и славу их отечества».

Обладая более или менее достаточными средствами к содержанию, Александровское училище, согласно с волей Государя, устроено было на самых лучших правилах и успехами своими в свое время действительно оправдало ожидание истинных сынов отечества. Из представления губернатора, заявленного приказу от 29 ноября 1801 г., видно, что Государю поднесен был тогда на Высочайшее благоусмотрение проект, утвержденный согласием дворянства, об образе воспитания и содержания в училище бедных детей дворянства. К сожалению, мы не имеем под руками копии с Высочайше утвержденного проекта об образе воспитания их; но что начала и правила заводимого Александровского училища были наилучшие для своего времени, это можно заключить из того, что губернатор, приступая к деятельному исполнению проекта по учреждению училища, первым правилом поставил себе определить в оное инспектора, который бы, учредив порядок учения по точным правилам, предписанным в главных училищах Российской империи, подал и учащим и воспитанникам образ свойственного российскому дворянству благонравия, напечатлевая в их умах и сердцах не одно учение, нужное для общественной службы, но и чистейшее нравоучение, основанное на любви к Богу и ближним и на его святейшем законе, что составляло и верховнейшее жела-

¹ Гл. III. § 48.

ние и ожидание Его Императорского Величества от благородного общества Тульской губернии. К исполнению же должности инспектора, соответствующего изложенным требованиям, губернатор избрал бывшего в Московском университете профессора юриспруденции на-дворного советника Карла Ивановича г-на Лангера*, как знакомого с правилами учения в наилучших европейских училищах, для того, чтобы ввести их и в здешнее училище, и сверх того изъявившего желание преподавать возрастным детям дворянства право естественное и народное. По уверению губернатора, Лангер, образуя много лет с отличною похвалою юношество в Российской империи и опытно зная тот великий дух, которым российское дворянство всегда отличало себя в любви к своим самодержцам и общему благу, в состоянии был вселить его, так сказать, в сердца воспитанников, чтобы все они, стремясь к одной цели, именно к соделанию себя полезными общественному служению, могли принести приятную жертву Его Императорскому Величеству, исполнить ожидание истинных сынов отечества и прежде всего дворянства Тульской губернии, которому Александровское училище было обязано своим существованием.

С другой стороны, губернатор от того же 29 октября сообщил Приказу общественного призрения копию с указа Правительствующего Сената с изъяснением Его Императорского Величества повеления — дать знать приказу о состоянии всех служащих в сем училище, и предложил, чтобы акт сей вместе с копиею проекта об образе воспитания детей в Александровском училище был сохраняем в Приказе общественного призрения с подобающим уважением, как драгоценнейшее основание училища.

Состояние всех служащих в училище указывало на личный состав преподавателей и должностных лиц в училище. Но вопрос о личном составе преподавателей сначала был еще открытым и нерешенным для Комиссии об учреждении народных училищ, для Приказа общественного призрения и для самого губернатора, пока дело не решилось¹ как бы само собою по требованию нужд времени.

По указу Правительствующего Сената, данному Комиссии училищ 4 ноября 1801 г., комиссия от 14 января 1802 г. сообщила приказу: «Как ей неизвестно, какие в новоучрежденном Тульском дворян-

¹ Исправлено по смыслу из: не решалось. — Ред.

ском училище преподаются предметы и по каким дням и часам, также кто в оном инспектор и учителя, из какого звания, каким предметам обучают и кто именно воспитанники, то сей приказ обо всем том по прилагаемой при том форме благоволил доставить комиссии об оном дворянском училище надлежащее и обстоятельное известие». На это сообщение комиссии приказ отвечал, что «в губернском городе Туле Александровское училище еще не открыто, за болезнью, — как увидим далее, — инспектора училища, а потому и требуемых сведений комиссии он дать теперь еще не может».

Между тем, Комиссия об учреждении училищ от 24 января 1802 г. прислала в приказ новое сообщение, как бы уничтожающее силу и значение предыдущего, именно, что в комиссии 8 января получен Высочайший рескрипт, где сказано, что под Высочайшим покровительством Государя Императора основано в Туле от усердия тамошнего дворянства училище для воспитания неимущих детей дворянских, что при снабжении его учителями тульский гражданский губернатор испрашивал Высочайшего дозволения употребить в оное учителей Тульского главного народного училища в свободные от настоящих их упражнений часы, назначая за то и особенное им из суммы дворянского училища жалование, и Государь Император, соизволяя на это представление, повелел отнестись к его высокопревосходительству, первому члену комиссии (действительному тайному советнику сенатору Свистунову*) для решительного его утверждения, не найдет ли он в сем какого-либо со стороны Комиссии об учреждении училищ затруднения, и если оно не окажется, то не рассудит ли она дать от себя надлежащее на то сим учителям дозволение. Вследствие такого Высочайшего рескрипта комиссия сообщила приказу, чтобы он по Высочайшей Его Императорского Величества воле употреблял учителей здешнего Главного народного училища в свободные от настоящих их занятий часы для преподавания учебных предметов в Тульском дворянском училище, за что они со стороны здешнего г-на гражданского губернатора обнадежены жалованьем из суммы дворянского училища, причем уведомил бы комиссию, какие часы для назначенных учителей в том и другом училище распределены будут, наблюдая то, чтобы с точностию и без ослабления они исполняли свои должности в том и другом месте.

На это сообщение комиссии приказ отвечал: «Как в поднесенном от дворянства Его Императорскому Величеству начертании постановлен порядок учения, однообразный с заведенным в Императорском Московском университете, а исполнение онаго возложено от приказа сего на г-на инспектора училища надворного советника и профессора Лангера, который за болезнью онаго еще не устроил, то когда он будет введен в училище, приказ не замедлит уведомить о том Коммиссию об учреждении народных училищ». Впрочем, из дел приказа не видно, чтобы он формально извещал комиссию об открытии училища и чтобы комиссия далее относилась к нему с подобными сообщениями. Известно только, что приобретение учителей из Главной народной школы в Александровское училище не состоялось или потому, что там не обучали по многим предметам, по которым положено обучать здесь, или потому, что там не было особого законоучителя, а здесь назначен был законоучитель, или по другим каким-нибудь причинам. Как бы то ни было, но в докладах приказа по поводу выдач жалованья служащим в Александровском училище, мы не видим ни одного учителя из Главной народной школы.

Для доказательства возьмем, например, доклад приказа от 10 октября 1803 г. по поводу выдачи жалованья с открытия училища по 1-е сентября сего года. Здесь говорится: «Определенным при Александровском училище чинам нужно выдать за все это время заслуженного жалованья: надворному советнику инспектору Карлу Лангеру из годового оклада 1200 руб. с 1 декабря 1801 г. 2100 руб., законоучителю протоирею Димитрию (Федуловичу) Малинину со дня объявления Высочайшего указа Святейшему Правительствующему Синоду с 13 января 1802 г. из 600 руб. 979 руб. 22 коп., да на квартиру с 14 февраля 154 руб. 17 1/2 коп., гофмейстерам 12 класса Ивану Меркелю с 1 января по 1 июня 1802 г. из 300 руб. 125 руб., майору Петру Данскому с 1 июня 1802 г. по 1 января 1803 г. из 300 руб. 175 руб., и с 1 января из 500 руб. 333 руб. 33 3/4 коп., учителям французского языка Филиппу Дюблою с 20 декабря 1801 г. из 600 руб. 1016 руб. 66 коп., немецкаго 12 кл. Ивану Меркелю с 1 января по 1 сентября 1802 г. из 300 руб. 200 руб., ему же за таковое же время за рисовальный класс из 200 руб. 133 руб. 33 коп., немецкаго же языка Ивану Назарову с 1 сентября по 1 мая 1803 г. из 200 руб. 133 руб. 32 3/4 коп., с 1 мая из 250 руб. 83 руб. 33 коп., помощни-

ку гофмейстера и немецкого языка учителю Любиму Генезию с 1 мая 1802 г. из 500 руб. 166 руб. 67 коп., учителю чистописания 12 кл. Николаю Травинскому с 16 декабря 1801 г. из 250 руб. 417 руб. 10 коп., ему же за российский язык и арифметику с 16 февраля до половины мая из 150 руб. 48 руб. 75 1/4 коп., учителю арифметики и русского языка регистратору Михаилу Виноградову с 15 мая 1802 г. по 1 мая 1803 г. из 200 руб. 191 руб. 65 коп., с 1 мая из 250 руб. 83 руб. 33 коп., учителю рисовального класса коллежскому регистратору Василью Сокольникову с 15 ноября 1802 г. из 120 руб. 95 коп., танцовальному учителю Гавриилу Райкову с 1 декабря 1801 г. из 300 руб. 512 руб. 50 коп.»¹.

Из сравнения этого перечня учителей Александровского училища с учителями Главной народной школы легко заметить, что наличный состав учителей в Александровском училище был совсем другой, чем состав учителей Главной народной школы; так как и получаемое учителями Александровского училища жалование далеко не похоже было на жалованье учителей народной школы.

Определение или увольнение учителей Александровского училища, сколько можно приметить по журналам приказа, зависело не от Комиссии об учреждении народных училищ и не от министра народного просвещения, но от ближайшего начальника губернии и председателя приказа — гражданского губернатора. Так, например, из журналов приказа видно, что в 1804 г. 15 марта губернатор определил на место бывшего в училище француза Дюблuye учителем «вышнего французского класса» другого француза Христофора Цымена (бывшего гимназистом в Морском шляхетском корпусе) с назначением и производством ему жалования из суммы училища по 400 руб. в год. Равным образом в 1807 г. 1 июля он определил на место учителя рисовального нижнего класса губернского секретаря Сокольников, не могшего по обстоятельствам долее продолжать уроков в Александровском училище, учителя вышнего рисовального класса Матюшенкова, могшего с пользою занимать оба класса и с прибавкой жалования.

Увольнение из училища принадлежало также губернатору, который, вследствие прошения какого-либо учителя, определял выдать

¹ Закрывающие цитату кавычки отсутствуют. Поставлены предположительно. — Ред.

ему увольнение из училища с аттестатом и с заслуженным жалованием, как он поступил 5 ноября 1802 г. с учителем в должности гофмейстера и учителем немецкого языка Иваном Меркелем.

Что касается до определения на должность учителя какого-нибудь предмета из духовного ведомства, то оно утверждалось губернатором по предварительному сношению с епархиальным начальством. Так, например, в 1804 г. 2 апреля губернатор предложил приказу отношению из Тульской консистории следующего содержания: «Декабря 25 дня минувшаго 1803 г. от его преосвященства синодального члена Мефодия, епископа Тульского и Белевскаго*, ваше превосходительство отношением изволили испрашивать соглашения на исправление г. Тулы церкви Рождества Божией Матери священнику Стефану Емельянову в Александровском училище в нижнем классе истории и географии учительской должности, на котором отношении последовавшею от его преосвященства резолюциею велено о согласии его преосвященства на определение к означенной должности священника Стефана Емельянова консистории за скорым отбытием его преосвященства известить ваше превосходительство, да и тому священнику дать знать». Вследствие сего означенный священник определен к должности учителя истории и географии с назначением и производством жалования по 200 руб. в год.

Назначение жалования тому или другому учителю зависело также не от правительственного высшего распоряжения, но, как видно уже из предыдущего, от ближайшего усмотрения губернатора. По предложению же губернатора выдавалось из благотворительных сумм приказа жалование преподавателю, временно исправлявшему должность другого, выбывшего из училища преподавателя, как он предложил 19 марта 1804 г. выдать жалование инспектору училища Лангеру, преподававшему временно французский язык вместо учителя Филиппа Дюблюе.

Прибавка жалования также зависела от губернатора, как, например, в 1804 г. мая по предложению его прибавлено жалование учителю Назарову за его занятия в трех классах к прежде получаемому жалованью в 250 руб. еще 100 руб. в год.

Отсюда видно, что вся хозяйственная и административная часть по отношению к учителям Александровского училища лежала на председателе Приказа общественного призрения, — гражданском гу-

бернаторе, который был главным распорядителем всех благотворительных сумм училища. Для ближайшего же исполнения всех его распоряжений в училище был особый эконом, выдававший суммы на содержание учителей, училища и учеников.

Права и преимущества служащих в училище определены указом Правительствующего Сената от 5 ноября 1801 г., где сказано: «В новоучрежденном в Туле дворянском училище звание инспектора и учителей, действительно должности сии исполняющих, признавать по примеру прочих общественных училищ коронною службою и в производстве в чины поступать с ними по общим узаконениям».

На этом основании представления служащих в Александровском училище к наградам шли в узаконенном (для других подобного рода служащих) порядке, и потому в сообщении, сделанном приказу из Тульского губернского правления, от 22 февраля 1804 г., мы читаем, что по именному Его Императорского Величества указу Тульского «Александровскаго училища инспектор надворный советник Лангер за отличную рачительность в отправлении должности, начальством засвидетельствованную, всемилоостивейше пожалован в коллежские советники, а находящийся при здешнем губернаторе студент Виноградов, учитель арифметики и российского языка в Александровском училище, произведен в чин губернскаго секретаря». В таких и подобных чинах нельзя было не видеть наград за успехи в прохождении должностей в Александровском училище.

Какие были предметы преподавания по учебно-воспитательной части, это, между прочим, видно из вышеприведенного доклада приказа о выдаче жалования служащим. Вся учебно-воспитательная часть лежала в непосредственном заведывании инспектора, который с своей стороны не подавал ни приказу, ни Комиссии об учреждении училищ никаких ведомостей и отчетов, а потому ни из чего нельзя было заключать приказу, как именно велось дело воспитания в училище, какие были назначены часы для преподавания того или другого предмета, по какому методу и руководству преподавались науки и т. д.

В Приказ общественного призрения представлялись только ведомости о расходах по училищу и отчеты затраченных сумм. Из них видим мы, что с 16 февраля 1802 г. по 16 февраля 1803 г. на обмундирование состоящих в Александровском училище воспитанников и своекоштных израсходовано 7618 руб. 66 коп. В февральской ве-

домости за 1803 г. расходов на училище показано 11590 руб. 32 коп. В апрельской ведомости 1804 г. показано расходов на училище 9114 руб. 34 коп. и сверх того на жалование 927 руб. 64 коп. В ведомости 1807 г. с 1 января прошлого по 1 января сего года израсходовано на содержание училища 11468 руб. 55 коп., в том числе на обмундирование 56 воспитанников и пансионеров 3830 руб., на дрова и свечи для училища и учителей 1200 руб., на книги и журналы 445 руб. 20 коп., на муку и крупу 2637 руб. 43 коп., на постройку и отделку флигеля при доме 785 руб. 54 коп.

Но из сих ведомостей чисто экономического содержания нельзя заключать ни о числе классов в училище, ни о штате для учеников, ни о том, на сколько лет разделялся курс, как распределялись предметы по курсам, какой был порядок испытаний и упражнений учеников и т.п. Все, что можно находить в журналах приказа о классах Александровского училища, касается только числа классов. В июле 1807 г. инспектор училища Лангер доносил губернатору, что многие ученики, вновь поступающие, не умели читать и писать, и учителя такого, который бы учил их читать и писать, для них не назначено, так как ученье обыкновенно начиналось с класса грамматического; но чтобы воспитанники эти не оставались без дела, инспектор нашел нужным учредить для них особый приготовительный класс, в котором мог бы занимать их учитель Травинский, изъявивший на то свое согласие, за определенное жалование. С этой поры по временам бывал в училище приготовительный класс. Из того же, что вновь поступающие ученики не умели читать и писать, видно, что для поступления в училище не было определенной программы; так как кроме не умевших читать и писать, другие поступали в грамматический класс с предварительным обучением российской грамоте и письму, что, между прочим, видно из прошения капитана Василия Алексева Мяснова (от 3 марта 1802 г.), в котором прописывается, что он «имеет двух малолетних сыновей Николая и Петра, из коих первому девять, а последнему восемь, и кои им российской грамоте и писать обучены», а другие при поступлении в училище знали кое-что по-французски и из арифметики, что видно из прошения надворного советника Михаила Гамалея* (от 19 февраля 1802 г.), где он, представляя в училище трех сыновей своих, пишет, что они «по-русски писать и читать изучены, а двое большие по-французски читают, и пишут,

и начало арифметики знают». Но грамматический класс, в который поступали ученики до 1807 г. был только первым из трех, открытых в начале существования училища и носивших названия нижнего немецкого, среднего арифметического и высшего геометрического, что видно из рапорта инспектора Лангера от 15 декабря 1808 г., где он доносит губернатору, что «по случаю занятия учителем Александровского училища Назаровым трех классов, геометрического, среднего арифметического и нижнего немецкого, он нашел нужным поручить учение геометрического класса помощнику эконома коллежскому регистратору Витовтову, которого он, по испытании в геометрии, нашел способным для занятия того класса, почему и представлял его на благоусмотрение г. гражданского губернатора и испрашивал приказания на определение Витовтова учителем геометрии и положение ему за ученье жалованья».

Таково было по своему внешнему и внутреннему устройству в начале нынешнего столетия Тульское дворянское Александровское училище, как одно из первых благотворительных заведений, состоявших тогда в ведении Приказа общественного призрения!

2) Тульская главная народная школа

Тульская главная народная школа подобно Александровскому училищу в начале нынешнего столетия была в числе благотворительных заведений, состоявших под ведением Приказа общественного призрения и имеющих теперь историческое значение особенно для нашей губернской гимназии, в которую она преобразована по издании в 1803 г. «Предварительных правил народного просвещения», где в 9 п. сказано: «В каждом губернском городе сверх нижних училищ первых двух классов имеет быть гимназия, которая состоять будет под непосредственным ведением и управлением губернского директора училищ».

До преобразования своего в Тульскую гимназию Главная народная школа руководствовалась Высочайше утвержденным «О народных училищах уставом», изданным в 1786 г. 5 августа, по которому, между прочим, директор училищ обязан был ежегодно два раза подавать в приказ записки и ведомости о делах училищ, пересылаемые отсюда в Комиссию об учреждении училищ. Те и другие обыкновенно вносились в журналы приказа и яснейшим образом доказывали, что содер-

жание Главной народной школы, все расходы по ремонту дома, жалование директору и учителям, приобретение учебных книг и пособий, — всё, по возможности, обеспечивалось благотворительными суммами, вверенными Приказу общественного призрения.

Необширны были доходы приказа, невелики были суммы его, но для своего времени они были истинным благодеянием, не всеми ясно сознаваемым. На содержание училища приблизительно полагалось только до 2348 руб., которые поступали а) из правления Тульского оружейного завода, по силе Высочайшего «О Тульском заводе положения» 1782 г. июля 25, отчислявшего на школу накладочных 2% из продаваемого по казённой цене оружейникам железа, б) из денежных штрафов по приговорам присутственных мест на основании особого Высочайшего учреждения ст. 179, в) из уступаемых акционерами на школу по копейке с рубля при продаже имений с аукционного торга. Но таких сумм, по случайности их поступления в ведение приказа, никогда не доставало на ежегодное содержание школы по всем статьям расхода, а потому приказ пополнял недостававшую сумму из прочих вверенных ему сумм¹. Так, например, в 1799 г. 605 руб. 17 3/4 коп. израсходовано на содержание школы из собственно собираемой в пользу её суммы, а 627 руб. 14 1/4 коп. из прочих вверенных приказу сумм; в 1800 г. истрачено на школу 786 руб. 6 1/2 коп. из собираемой на Главную народную школу суммы, а 899 руб. 53 коп. из прочих вверенных приказу сумм. Затем на 1801 г. осталось суммы, принадлежащей школе, только 173 руб. 60 коп.; остальная необходимая на содержание дома сумма пополнялась в течение года из обыкновенных источников и благотворительных пожертвований.

Все расходы приказа на Главную народную школу касались экономических и педагогических потребностей школы. Первые служили средством для последних, и потому те и другие были совершенно необходимы. Весь ремонт дома лежал на ответственности приказа; ежегодно являлись нужды, требующие неотложного удовлетворения. В 1800 г. по смете архитектора на ремонт дома потребовалось

¹ Под этими суммами разумеется здесь: капитальная Высочайше пожалованная и проценты с ней, капитальная добротных дателей и проценты с ней, капитальная приобретенная приказом и проценты с ней, капитальная оружейная и внесенная от разных лиц с процентами; всей такой суммы за 1801 г. в приказе было 8922 руб. 78 коп.; в 1802 г. 17253 руб. 64 коп. и т.п.

142 руб. 30; в следующие годы требовалось, как увидим, ещё более, и приказ старался поддерживать дом в приличном виде, расходуя на ремонт его до 500 руб. К числу расходов приказа, входящих в общее содержание школы, относились ежегодно выдаваемые суммы по представлению директоров на удовлетворение классных потребностей бедных учеников, как то, на бумагу, карандаши, аспидные доски, на книги и эстампы для раздачи в награду отличившимся ученикам; таких сумм в 1800 г. выдано из приказа 50 руб. 15 коп., в 1802 г. 75 руб. и т.п.

Жалованье наличному составу служащих в Главной народной школе, как прежде, выдавалось из приказа по третям года. Директору училищ выдавалось по 500 руб. в год, двум учителям в старших классах по 400 руб., учителю второго класса по 200 руб., двум учителям первого класса по 150 руб. каждому в год; сверх того помощнику учителя в первом классе по 120 руб. в год. Последний из них определён только с 1801 г. 11 декабря, когда губернатор при обозрении Главной народной школы нашёл, что в 1 классе при 90 учениках одному преподавателю обучать очень трудно и даже невозможно, без опасения безуспешности в преподаваемых им науках; а так как в той школе был тогда без должности один из обучавшихся в ней новому способу преподавания и приготовленный к должности учителя, уволенный Тульскою духовною консисториею церковник Семён Васильев, то губернатор определил его помощником учителя в первом классе, отделив часть учеников от главного учителя для помощника его с производством последнему жалованья и помещением его в училищном доме.

На книги и учебные пособия в Главной школе приказ всегда отпускал необходимые суммы. Все книги и пособия, употребляемые в школе, были те, которые издавались для народных школ по Высочайшему повелению. По описи книгохранилища и кабинетов для классов математического, физического и натурального за 1800 г. значилось всех книг и учебных пособий 220, и все они приобретались, так как и ежегодно пополнялись, на счёт сумм приказа. Книги и пособия приобретались иногда по рекомендации комиссии, иногда по представлению директора школ. Комиссия об учреждении училищ, например, так рекомендовала вновь в 1800 г. 15 ноября вышедшее учебное пособие: «Служащим при комиссии г. надворным советни-

ком Шелеховым сочинена армиярная сфера¹, которая в первый еще раз издается на российском языке и, соединяя в себе идеи неба и земли, объясняет детям, какое воображение они иметь должны при употреблении небеснаго глобуса; ибо без сей сферы дети, не видя отношения небеснаго глобуса к земному и разности их употребления, часто трактуют сии шары одинаково, и при обращениях небеснаго глобуса или воображают себя на поверхности его, так как привыкли воображать себя на поверхности шара при обращении земнаго глобуса, или нигде себя не воображают, а потому она с пользою может быть употреблена при преподавании математической географии; посему комиссия один экземпляр такой сферы и посылает при сем в пользу обучающагося в Главной тульской школе юношества. Если же оная сферы нужны будут на продажу охочим людям, то бы приказ адресовался в комиссию с платою за каждую по 12 руб., да за ящик, укладку и увязку оной по 3 руб., итого по 15 руб., которыя сферы имеют быть доставлены от комиссии по почте. Сверх сего Комиссия об учреждении школ, препровождая в помянутый приказ реэстр при оной учебным и другим книгам, также ланкартам и глобусам, требует, дабы оный о нужных ему в запас для школ на годичное время книгах и прочих пособиях извещал комиссию в первых числах марта месяца с приложением реэстров, по соображению коих она и может заготовлять в течение лета печатание оных, а зимою по удобному пути производить от себя укладку их и отправление, а по получении книг с обыкновенною уступкою 20 % должен уже сей приказ по доставленным при них² реэстрам причитающияся деньги присылать в комиссию». Подобным же образом в декабре 1801 г. комиссия сообщила в приказ, что она издала в свет на своём иждивении 2 часть истории Российского государства, сочинённую г. Стриттером* и один экземпляр из приложенных при том 11-ти предоставляет безденежно в пользу книгохранилища, находящегося при здешнем Глачном училище, а прочие 10 экземпляров да благоволит сей приказ пустить в продажу в переплёте по 2 руб. 80 коп. каждый и вырученные за оные деньги препроводить в комиссию, которая будет и вперед высылать

¹ Составленная из кругов или колец.

² Исправлено из: при ним. — Ред.

онные по требованию приказа для любителей российской истории. Рекомендацию комиссии приказ принял к сведению и исполнению.

В выписке книг и учебных пособий приказ с другой стороны удовлетворял и заявления директоров школ. В начале нынешнего столетия директора школы нередко делали представления о выписке книг и пособий, нужных для Главной школы, в комиссию, чтобы она высылала их по прилагаемым реестрам в приказ с обозначением, сколько за них приходится денег, и приказ по реестрам немедленно высылал в комиссию деньги за книги. Таких книг, например, сентября 12 в 1800 г. выписано на 95 руб., да в мае на 120 руб., в 1801 г. 10 сентября выписано на 257 руб., в 1802 г. июня 10 на 75 руб. и т. д.

Наблюдение за экономическими и педагогическими делами Главной школы после ближайшего местного начальства принадлежало Комиссии об учреждении школ, затем Московскому Императорскому университету и попечителю Московского учебного округа. Все суммы приказа, на основании указа Правительствующего Сената 1 департамента от 21 июля 1798 г. и данного от г-на генерал-прокурора губернскому прокурору Быховскому, неоднократно были свидетельствованы в наличности и по книгам.

По педагогической части Главная народная школа давала отчет ближайшему начальству в ежегодных открытых испытаниях, какие по § 81 Устава о народных училищах директор обязан был производить в присутствии всей знатнейшей губернской публики и случайных важнейших посетителей города. Из ведомости за первую половину 1800 г. видно, что открытое испытание в школе было 14 июля в присутствии тайного советника сенатора Дмитрия Прок. Трощинского*, камергера князя Павла П. Щербатова, генерал-майора Петра П. Меркулова, действительного статского советника Василия И. Протасова, действительного статского советника генерал-губернатора Николая Д. Граве*, преосвященного Мефодия, епископа Тульского и Белевского, в присутствии многих как военных и гражданских чиновников, так и градских жителей. Учащихся отличилось 42 человека. За вторую половину открытое испытание произведено 17 января в присутствии действительного статского советника тульского вице-губернатора Ивана И. Беляева*, князей ст. сов. Михаила Николаевича* и Александра Михайловича* Волконских и статского советника Сергея Я. Тинькова и довольном собрании военных и град-

ских чиновников. Из учащих отличилось 32 человека. В журнале приказа 1801 г. июля 29 записано, что открытое испытание в Главной школе за первую половину года произведено было при гражданском губернаторе, как попечителе школ, и в присутствии генералитета, дворянских предводителей, военных и гражданских чиновников. Испытание открыто было краткою приветственной речью, говоренною 2 класса из дворян учеником Николаем Татариновым; а по окончании испытания говорена была благодарственная речь 3 класса из дворян учеником Павлом Картавцевым с изъявлением признательности и чувствительнейшей благодарности основательнице оных училищ в Бозе почивающей монархине Екатерине Великой и подражателю ее во всем благоучрежденных преднамерениях преемнику ее Александру I. По выслушании речи, отличившиеся в науках ученики, 41 человек, награждены книгами и эстампами от его превосходительства гражданского губернатора при изъявлении им своей признательности и благодарности директору школ и учителям за их хороший присмотр и попечение в исправлении возложенной на них обязанности. Журнал этот, по распоряжению приказа, в свое время напечатан в «Московских ведомостях».

Кроме того приказ, во исполнение Высочайше утвержденного Устава о народных школах § 106, ежегодно доставлял в Комиссию об учреждении школ отчет о движении сумм по приходу и расходу их в Тульской главной народной школе, а директор школ через приказ представлял в ту же комиссию ведомости по окончании полугодичных испытаний учеников и вообще о состоянии Главной народной школы и домашних школ.

По делам приказа не заметно, чтобы комиссия когда-нибудь делала ему замечания по поводу экономических отчетов; но, пересматривая записки и ведомости о состоянии главных народных школ, комиссия от 25 января 1800 г. сообщила приказу, что она в тех и других нашла некоторые недостатки в показании службы учителей и их производства в чины и, имея рассуждение, что хотя по § 69 Устава о школах директор школ выбирается и определяется генерал-губернатором; но, как директор должен быть любителем наук, знать цену воспитания, блюсти предписанные в уставе правила, песясь о приращении книгохранилища и кабинетов для классов математического, физического и естественного, по § 80 еженедельно осматривать школы и по § 84 иметь

в заведывании пансионны и всякие частныя школы, то он должен имѣть свѣденія какъ въ наукахъ, такъ и въ языкахъ. Между темъ, изъ доставленныя комиссiи записокъ и ведомостей о состоянiи главныхъ народныхъ школъ она не получила обстоятельныхъ свѣдений ни о службѣ директоровъ, ни о познанiяхъ ихъ, почему и сообщила Тульскому приказу: а) чтобы онъ на будущее время въ доставляемыхъ о состоянiи школъ ведомостяхъ означалъ о каждомъ учителѣ, въ какой классъ или чинъ и когда именно онъ произведенъ; а какъ учителя, по утвержденному Правительствующимъ Сенатомъ 1797 г. iюня 28 положенiю, производятся просто въ классы, какъ то въ 14, въ 12 и въ титулярныя советники, то и следуетъ означать ихъ въ ведомостяхъ по сему самому производству, а не обер-офицерами, секретарями и регистраторами (которыя чины принадлежатъ къ приказному именованiю), какъ означаютъ некоторыя приказы; б) въ рассужденiи времени вступленiя учителей въ ихъ должностъ показывать время одинаковое, какъ по ведомостямъ, такъ и послужнымъ спискамъ, а не такъ, какъ по некоторымъ мѣстамъ оказывается разностъ въ годахъ и мѣсяцахъ по ведомостямъ противъ послужныхъ списковъ; в) для свѣденiя комиссiи о директорѣ школъ приказъ имѣетъ доставить обстоятельный послужной списокъ съ показанiемъ, гдѣ онъ какимъ наукамъ и языкамъ обучался и, состоя въ директорской должности, не отправлялъ ли таковой по другому мѣсту; каковыя списки при определении вновь директоровъ на мѣста выбывшихъ тожъ представлять комиссiи о вновь поступившихъ. Несмотря на то, что сообщенiе комиссiи имѣло видъ общаго циркуляра и не относилось собственно къ тульскому директору школъ, темъ не менѣе, по решенiю приказа, и онъ не исключался изъ другихъ директоровъ школъ и потому 17 февраля того же года представилъ о себѣ въ комиссiю послужной списокъ съ требуемыми дополнительными свѣденiями.

Вскорѣ послѣ того, именно 22 февраля, изъ комиссiи поступило въ приказъ новое сообщенiе, гдѣ говорилось, что вслѣдствiе указа Правительствующаго Сената отъ 21 января 1800 г. объ исключенiи учителей, поступившихъ въ свои должности изъ мѣщанства и купечества, изъ окладовъ, въ коихъ они находятся, на основанiи именнаго Высочайшаго указа отъ 30 iюля 1798 г., комиссiя желала, чтобы приказъ сообщилъ ей свѣденiя, не состоятъ ли гдѣ при казенныхъ школахъ по ведомству его учителя, вошедшия въ то званiе изъ мѣщанства и купечества до изданiя Высочайше утвержденаго указа отъ 30 iюня 1798 г., кои по силѣ того указа не исключены еще изъ мѣщанскаго и купеческаго окладовъ, и если

состоят, то о каждом объявить порознь, где он и сколько времени обучался, давно ли состоит в учительской должности и какого поведения, прилежания и успехов, а также, не состоит ли по ведомству его кого-либо из учителей родом из дворян и, если окажутся таковые, то представить в комиссию точные копии с подлинных их документов на дворянское достоинство. На последнее сообщение комиссии приказ, согласно с показанием директора, отвечал от 27 февраля того же года, что из находящихся в ведомстве приказа учителей из мещан, купцов и дворян никого не состоит, а находящиеся при Главной народной школе четыре учителя происходят из духовного чина и один из унтер-офицерских детей; в ведомостях же о состоянии Главной народной школы в начале нынешнего столетия обозначались с незначительными переменами те же учителя, какие известны из ведомостей конца прошлого столетия, а именно, учитель математических наук Тимофей М. Воскресенский, исторических Феофилакт Г. Покровский, учитель 2 класса Илья Н. Садыков, учитель 1 класса Василий В. Михайловский, учитель рисования Феодор И. Катышев.

Касательно учителей из духовного звания комиссия от 10 сентября 1800 г. сообщила в приказ следующее распоряжение: «Как на большую часть нижних разрядов учительских мест заимствованы были доселе господами гражданскими губернаторами воспитанники из духовных семинарий, ныне же вследствие Высочайшаго рескрипта от 27 мая сего года семинаристов без Высочайшей воли в другое звание обращать не велено, то да благоволит Тульский приказ в увольнении состоящих ныне при школах учителей приостановиться, а по крайней необходимости об увольнении кого-либо из учителей по причине неизлечимых болезней и припадков относиться в сию комиссию с приложением обстоятельных о болезни их свидетельств от Городской врачебной управы»¹.

В числе важнейших распоряжений правительства в педагогическом отношении следует считать Высочайший указ от 20 июня 1801 г. относительно определения директоров народных училищ, где говорилось: «При учреждении народных училищ постановлено было правилом, чтобы в директоры оных избираемы были люди, знающие цену

¹ Закрывающие цитату кавычки отсутствуют. Поставлены предположительно. — Ред.

воспитания, любители наук, порядка и добродетели; но из доходящих к нам сведений узнали мы, что в некоторых местах начальники губерний от правила сего столько уклонялись, что, почитая звание сие как бы установленным в угоду их прихотей, нередко располагали им в пользу людей не только без отличных познаний и нравов, но даже без доброго имени и безвестного происхождения, в совершенный вред воспитанникам, в предосуждение достойным людям из дворянства и губернских чинов и в неизгладимую себе укоризну. Зная, с какою силою во всех делах, а наипаче при воспитании юношества пример начальника действует на нравы и успехи, и почитая народные училища важным предметом государственного постановления, повелеваем Сенату сделать наиточнейшия подтверждения, дабы в директоры сих заведений определяемы были люди не только с отличными сведениями в науках, но и с наилучшими правилами в жизни и с теми свойствами, какия в них предполагаются по уставу об училищах. Если же где в губернии назначение таковых будет затруднительно или невозможно, в таких случаях начальники оных должны относиться в Комиссию об учреждении училищ, которая по сим представлениям имеет назначать и определять лучших из учителей, в ведомстве ея состоящих». Такие распоряжения правительства, хотя прямо не лишали губернаторов права назначать достойных кандидатов на вакантные места директоров училищ, но клонились к ограничению прав их в этом отношении, что подтверждается следующим фактом из истории Главной Тульской народной школы: в том же 1801 г. 13 июня губернатор объявил в приказе, что он, «вследствие отношения главного директора Комиссии об учреждении школ Петра С. Свистунова, находит способным исправлять должность директора народных училищ отставного флотского лейтенанта Калзакова, состоящаго же тогда в сем звании француза И. Жоли должен уволить», вероятно, за то, что последний, находясь в звании директора и не оставляя должности по благородному пансиону, отвлекался посторонней службой от прямых обязанностей по Главной народной школе.

Наконец, в ведомостях о состоянии Главной народной школы, подаваемых в приказ два раза в год и отсюда пересылаемых в Комиссию училищ, значилось еще, что всех классов в школе было четыре, всех учеников за первую, например, половину 1801 г. значилось из дворян 14, церковников 1, из приказных 24, купцов 22, мещан 16,

оружейников 6, из солдат 14, господских служителей 35, всего 135; за вторую половину из дворян 17, церковников 1, приказных 30, купцов 22, мещан 23, оружейников 7, господских служителей 35, солдат 12, всего 147.

С 1803 г. Главная народная школа поставлена в особые отношения к Московскому университету. 25 февраля того года губернатор предъявил в приказе отношение к нему министра народного просвещения графа Петра В. Завадовского* с прописанием именного Высочайшего указа об определении попечителем Московского университета и его округа г-на тайного советника Михаила Н. Муравьева*; по этому предъявлению здешний директор училищ должен был относиться по делам всех подведомых ему училищ в Московский университет*, — что, по определению приказа, принято к должному и непрременному по оному во всех частях исполнению.

Вследствие этих новых отношений к университету 4 ноября того же года директор представил в приказ предписание к нему товарища министра народного просвещения Михаила Н. Муравьева, чтобы он доставил в Главное правление училищ* ведомости, означив в них непременно, если не точно положительные, то, по крайней мере, по сложности многих годов ежегодные издержки училищ, находящихся под его начальством, а поелику все издержки для сих училищ производились из Приказа общественного призрения, то директор и обращался с просьбою к приказу снабдить его уведомлением, сколько денег ежегодно с самого открытия Главного народного училища издерживаемо было на содержание училищного дома, на жалованье учителям, на дрова, свечи, книги, мел и губки и на разные починки с платою сторожам. В приказе определено: «Соответственно представлению директора училищ, сделав по делам приказа надлежащая выправки, снабдить его просимым им сведением». Кроме экономических сведений по делам Главной школы Московский университет имел нужду осведомиться и о педагогических делах школы, что не обходилось без влияния на училище как в экономическом, так и в педагогическом отношениях.

В журналах приказа от 12 августа 1803 г. мы находим сообщение коллежского советника, члена утвержденного при Императорском Московском университете Училищного комитета, отправленного для обозрения училищ в Тульской и Калужской губернии профессора

университета Гейма^{*}, прибывшего в Тулу с данною ему от Михаила Н. Муравьева инструкцией, в которой значится, между прочим, что он, Гейм, «посоветывавшись с директором о всех нуждах училища, должен постараться предварительно ходатайствовать об них, если они требуют непосредственного исправления у г. гражданского губернатора, который, располагая суммами Приказа общественного призрения, может предпринять надлежащая меры, или должен донести о них университету при возвращении своем»; во исполнение чего 10 августа г-н Гейм, осматривая дом здешнего Главного народного училища вместе с директором, нашел в нем многие неисправности, требующие неотложного исправления, и обратился для исправления их в Приказ общественного призрения. По распоряжению его, приказ немедленно пригласил губернского архитектора сделать смету на поправление ветхостей дома. По смете потребовалось затратить на починку ветхостей дома 327 руб. 30 коп., чтобы можно было жить в нем следующую зиму, и приказ выдал требуемую на то сумму. В другом сообщении тот же профессор Гейм от 12 же августа пишет, что он, по данной ему инструкции, при обозрении училища нашел нужным определить на вакантное место учителя в 1 классе бывшего уже здесь учителем, а потом находившегося по желанию своему в г. Белеве квартальным надзирателем Петра Т. Правшина, о чем и сообщил Приказу общественного призрения, чтобы благоволено было определенному им учителю Правшину с 11 августа производить такое жалование, каковое получал его предшественник. Определено: «Означенному учителю Правшину производить в год от приказа жалования по 120 руб., начиная с вышеозначенного числа августа».

Одним словом, с 1803 г., по смыслу Предварительных правил народного просвещения, Главная народная школа в Туле поставлена в зависимость от Московского университета во всех отношениях, касающихся хозяйственных и учебных распоряжений, и находилась как бы в переходном состоянии к губернской гимназии.

Вместе с тем прекратились все благотворительные отношения приказа к Главной народной школе, и в ведении его осталось в Туле только одно Тульское уездное училище, как это видно, между прочим, из отношения Тульской губернской гимназии в Приказ общественного призрения от 30 сентября 1808 г.; в отношении этом сказано: «Оставшуюся от расхода прошлых годов сумму, принадлежащую гу-

бернской гимназии, 1000 руб., и таковую же сумму, принадлежащую Тульскому уездному училищу, 600 руб. Приказу общественного призрения имеем честь представить на безсрочное время с тем, чтобы она обращалась из 5% в пользу упомянутого училища». Подписались: правящий должность директора старший учитель философии доктор Покровский и старший учитель философии доктор Воскресенский.

Домашние школы г. Тулы

К числу благотворительных заведений в начале нынешнего столетия можно отнести домашние школы, открываемые с дозволения Приказа общественного призрения и находившиеся под ведением его, хотя содержавшиеся на своем иждивении.

Из ведомости о состоянии народных и домашних школ в Туле за последнюю половину 1799 г. видно, что домашних школ в городе осталось только две. 1) Благородный пансион, открытый на основании Наказа 4 пункта о содержании домашних школ, с дозволения приказа за 1787 г.^{*}, для французского и немецкого языков. Он находился в Павшинской части^{*} в петропавловском приходе. Преподавателем в этом пансионе был содержатель его Иосиф И. Жоли, родом из Франции, обучавшийся в Париже французской грамматике, арифметике, истории, географии, мифологии и рисовальному искусству. Учил он в своем пансионе только одному французскому языку по утвержденному от приказа плану за умеренную плату от родителей обучаемых им учеников. Всех учеников у него было 4 мужского пола и 2 женского пола. Из них на открытом испытании, бывшем 2 января 1800 г. в присутствии директора народных училищ, отличилось особенными успехами 2 человека. 2) Благовещенская школа, находившаяся в Павшинской же части близ Благовещенской церкви и открытая в 1790 г. 17 октября. Она состояла из одного класса, учителем которого был священник Никита Филиппов, получивший свое образование в Коломенской семинарии и определенный на должность домашнего учителя, по выслушании в Главной народной школе руководства учителям для 1 и 2 классов. Обучал он только одному русскому языку по предметам, обозначенным в плане, за определенную и умеренную плату. Всех учеников у него в 1799 г. было 11 мужского пола и 4 женского пола, а в 1800 г. 12 мужского пола и 9 женского пола.

Из них на открытом испытании, бывшем 9-го января в присутствии директора училищ, отличилось успехами 9 человек. Третья домашняя школа в Туле открыта была 1800 г. 14 марта в Чулковой слободе по прошению диакона церкви Рождества Христова Стефана Исакиева и писалась под именем Христорождественской, близ церкви того имени, или Чулковской. Она состояла также из одного первого класса, учителем в котором был означенный выше диакон, получивший свое образование в Коломенской семинарии и выслушавший в Главной народной школе руководство для учителей 1 и 2 классов. Обучение здесь происходило по утвержденному в приказе плану по всем предметам 1 класса, указанным в плане, и также за определенную плату. Всех учеников здесь было 16 мужского пола и 2 женского пола. На открытом испытании 12 января в присутствии директора школ из учащихся отличилось успехами 6 человек. Четвертая школа открыта была 9 апреля 1801 г. в доме диакона Староникитской церкви Андрея Федорова на тех же основаниях, на каких открывались приказом все подобные школы, с условием преподавать по вновь введенному методу и по книгам, изданным для народных школ по Высочайшему повелению.

Впрочем, приказ, открывая беспрепятственно домашние школы, тем только ограничивал свое благотворительное к ним отношение, что безмездно снабжал их руководствами, вообще необходимыми для учения книгами; самая же дирекция и надсмотр как над Главною народною, так и над домашними школами, на основании Высочайше утвержденных пунктов Устава (20-22) и Наказа (80), предоставлены были директору народных училищ, который поэтому обязан был представлять о них записки и ведомости в приказ и в Комиссию об учреждении училищ.

Уездные народные училища Тульской губернии

Открытие низших народных училищ по уездам Тульской губернии в начале нынешнего столетия принадлежало Комиссии об учреждении школ.

В отношении комиссии от 7 февраля 1800 г. на имя гражданского губернатора Тулы Николая Д. Граве говорилось, что она, рассматривая полугодовые ведомости, доставляемые из Приказа общественно-

го призрения о состоянии казенных школ, заметила, что со времени открытия, т.е. с 22 сентября 1786 г., в губернском г. Туле Главного народного училища, в уездных Тульской губернии городах ни одной такой школы поныне не заведено; а как в устроении оных по Высочайшему предположению есть польза общественная посредством образования юношества, по 384 же статье Учреждения о губерниях «в разсуждении школ Приказ общественного призрения долг имеет стараться, чтобы оныя были установлены не только по всем городам, но и во многолюдных селениях», почему председатель комиссии Петр С. Свистунов обратился с просьбою к губернатору «в столь благонамеренном деле, клонящемся к пользе общества, употребить свое посредство и содействие по долгу попечителя сих общественных заведений». Вследствие такого предложения Комиссии об учреждении уездных народных школ губернатор поручил Приказу общественного призрения сообщить о том к сведению и исполнению во все города Тульской губернии. Поэтому приказ 10 марта 1800 г. разослал во все города губернии предложение: «Внушить магистрату вместе с городничим жителям каждого города мысли правительства об открытии училищ и склонить их на заведение по городам и во многолюдных селениях для обучения юношества казенных школ, дабы они вошли в пособие приказу по недостатку его, и где кто и в чем именно изъявит желание на воспособление оным заведениям, взять от всех подписки и доставить в приказ».

Отсюда возникла обширная переписка разных присутственных мест с Приказом общественного призрения, как то, магистратов или ратуш, нижних земских судов* о получении предложения и уведомление об исполнении его. Переписка эта продолжалась целый год и обнаружила довольно характеричные¹ даже для того времени черты, которые мы приведем в подлиннике.

Новосильское общество купцов и мещан 1800 г. 18 марта «сделало градскому голове, который всемерно старался внушить и всячески склонить его на заведение казенной школы, отзыв единогласно, что в воспособление оному заведению даст пятьдесят рублей». Затем следуют подписки на благотворительное заведение в г. Новосили для обучения юношества казенной школы. От 9 июня общество едино-

¹ Так в печатном тексте. — Ред.

временно готово было пожертвовать еще 78 руб., но тогда, когда в городе начнет строиться казенная школа (июня 14).

Алексинский городничий Михаил Леонов от 29 марта уведомлял Приказ общественного призрения, что из «всех граждан г. Алексина, по отзыву магистрата, для школ и для вспомоществования Приказу общественного призрения никто ничего дать не в силах, никто из обывателей не предъявил на то желанья».

По отзыву одоевского городничего от 31 марта, все общество купцов и мещан, несмотря на внушение со стороны городничего оказать вспомоществование приказу, «никакой суммы дать не согласилось». То же самое подтвердил в своем отзыве и городской магистрат за подписью бургомистра Димитрия Новикова.

Из рапорта ефремовского городничего от 12 апреля видно, что «по сношению с городовым магистратом, всему ефремовскому обществу делал он внушение о воспособлении приказу в заведении школ, только никого доброхотных дателей, желающих завести школы из здешних жителей не явилось». То же видно из рапорта магистрата за подписью бургомистра Ивана Сухопарова.

Из донесения каширского городничего от 7 апреля видно, что он «неоднократно входил в здешний магистрат и говорил присутствующим и городскому голове об исполнении предложения Приказа общественного призрения, но ни магистрат, ни градской голова не исполнили его требования».

От епифанского городничего 5 апреля также получено известие, что «из всех жителей города не нашлось ни одного, желающего оказать приказу пособие к заведению казенных школ». С другой стороны и от епифанского исправника июня 13 получены сведения, что «никто из живущих в уезде дворян не изъявил желанья открыть школы и дать что-либо на школы».

Веневское общество от 16 апреля отнеслось к предложению приказа с сочувствием и с усердием «выполнило бы потребное количество суммы к учреждению благотворительного для целого города заведения, но по причине содержания в городе гусарского эскадрона и построения для него конюшен и манежа большого пособия дать ныне не в силах и положило дать только от купеческого общества сто рублей, а от мещанского пятьдесят руб., которые и собраны с того и другого

общества по подписке». О том же свидетельствует и донесение веневского городничего.

Каширский городничий от 14 апреля донес, что так «как в городе Кашире купечества и мещанства живет лишь малая часть, и город еще не успел исправиться со времени пожара, бывшего в 1784 г., то и казенной школы для обучения юношества завести не может и пособия за сими обстоятельствами оному приказу дать не в состоянии». То же подтверждает подлинный приговор граждан, начиная с градского головы Федора Доронина до последнего из мещан.

Из уведомления Белевского городского магистрата от 24 августа видно, что тамошняя «градская дума для доставления в Приказ общественного призрения на воспособление школ прислала в магистрат сей из градских доходов 50 руб.», которые магистрат и препроводил по назначению.

Чернское общество от августа 25 по подпискам дало самое ничтожное пособие на заведение по городам и многолюдным селениям казенных школ для образования юношества, т.е. 4 руб. 60 коп., которые потом при рапорте Чернской городской ратуши и отосланы в приказ октября 30.

Несмотря на все эти отзывы разных городов по поводу предложения приказа, губернатор сделал лично от себя предложение Белевской и Одоевской думе об открытии училищ в Белеве и Одоеве.

Предложение Одоевской градской думе сделано им в 1802 г. февраля 10 и было следующего содержания: «В настоящее мое обозрение г. Белева, вникая по обязанности моей во все части онаго, относящиеся до общественного блага, я с сожалением нашел здешнее юношество во все лишаемым средств не только к прямому образованию сердца его, но и к начальному просвещению грамотою, необходимо нужному для каждого доброго гражданина; чтобы дело такой важности не оставалось долее в постыдном небрежении, я отнесся с убеждениями моими к сердцам некоторых родителей и к радости всякого благомыслящаго открыл, что каждый из них усердно желал бы учредить здесь на добровольныя пожертвования граждан народное училище, согласно 384 ст. Высочайшаго Учреждения о губерниях, где сказано, чтобы оно состояло на первый случай: «в научении юношества грамоте, рисовать, писать, арифметике, катихизису для познания оснований православной веры, толкованию десяти заповедей Божиих для вкоренения нравоуче-

ния всеобщаго»; а как, по силе 167 ст. всемилостивейше пожалованной на права и выгоды городам Грамоты¹*, заведение в городах училищ не только возложено на должность городской думы, но ей же и предначертано стараться для того о приращении городских доходов, то, усердствуя с моей стороны к учреждению в здешнем городе училища, яко учреждения и для родителей полезнаго и для детей спасительнаго, предлагаю думе, войдя с почетными здешними гражданами в разсуждение и определив на общем совете капитал, необходимый для построения дома для училища и учителя и прочее начальное обзаведение, а также на ежегодное жалование учителю и проч., представить ко мне с таким твердым доказательством, по которому бы я мог сделать надлежащее и прямым пользам соответственное разрешение».

Такое же точно предложение губернатор сделал 13 февраля и Белевской градской думе.

На то и другое предложение от Одоевской и Белевской думы последовали немедленные рапорты следующего содержания: «Предложение вашего превосходительства о заведении в городе (Одоеве и Белеве) народного училища градская дума имела счастье получить; видя оццутительно предполагаемую от мысли вашей особы общественную пользу, она, дума, без малейшаго замедления, повестила о том почетнейших граждан, а сии, приглася с собою находящееся в наличности градское общество, явились тогда же в помянутую думу и все вообще внимательнейше выслушав полезное для родителей, спасительное для детей и трогательное для каждого убеждение вашего превосходительства, с радостным восторгом и наперерыв один против другаго по добровольному между собою согласию возжелали, постановили и подписом рук своих утвердили на следующий же день взнестъ в городскую думу единовременно на построение дома для народного в городе училища и с тем вместе для учителя, также на книги и все прочее начальное обзаведение тысячу рублей; и сверх того от начала утверждения того училища на все грядущия времена взносить пред началом каждого года по триста рублей, а если встретится необходимость в новой сумме для училища, то сверх того прибавлять потребное число без всякаго училищнаго обращения остановки со испрашиванием только для лучшаго и прочности и пользы основания,

¹ Исправлено из: грамоте. — Ред.

дабы и начальное того училища устройство и учреждение и самый круг существенной онаго деятельности соблагОВОЛИЛИ вы удостоить особенным вашим назиданием и покровительством; какой же точно по части впечатленного вашим превосходительством народного здесь училища постановлен обществом приговор, со онаго дума, за подписанием всех членов, подносит при сем точную копию, а подлинный, яко акт и памятник для потомства, определила сохранять в присутствии, прочитывая во времена общественного собрания для вщщаго возбуждения благомыслящих к толико полезному в полной мере распространению училищ».

Различие в рапорте Одоевской думы от Белевской заключалось только в том, что первая на содержание училища обязалась вносить по 300 руб., а последняя по 600 руб.

Получив приговор Белевской думы об учреждении училища, губернатор утвердил его и сделал ей новое предложение от 13 ноября, где, между прочим, сказано: «Я принял постановление Белевской думы о заведении в г. Белёве народного училища и о пожертвовании на оное единовременно 1000 и ежегодно по 600 руб., как способ к образованию юных сердец и к начальному просвещению для каждого гражданина необходимо нужный; посему относился в Комиссию об учреждении училищ с просьбою о снабжении училища, учреждаемого в Белёве, учителем и, по назначению ея, прислан ко мне коллежский регистратор Иван Гринёв (30 августа), котораго при сем отправляю с надлежащим количеством книг на счет определенной от общества суммы (за все 118 руб. 32 коп.), жалованья же ему Гринёву производить в год с 1 сентября по закону»¹ и проч.

Во исполнение предложения губернатора, от 13 ноября думою сделаны приличные приготовления к открытию в Белеве училища, и на первый случай было в готовности 16 юношей. 10 декабря назначено было для открытия училища отправить тульского директора училищ в Белев.

Такое же сообщение в комиссию, какое сделано об учителе² для Белевского училища, сделано и об учителе в Одоевское училище; вследствие сего в журнале приказа от 29 апреля 1803 г. предъявлено

¹ Закрывающие цитату кавычки отсутствуют. Поставлены предположительно. — Ред.

² Исправлено по смыслу из: об училище. — Ред.

от губернатора данное на имя его из комиссии известие, что «от 30 минувшаго генваря прислан избранный из учеников Харьковского главнаго училища добраго поведения и качеств из дворян Ефрем Ковалевский для определения его на открывающееся в Одоевском малом народном училище учительское место 1 и 2 классов; посему определено: дело об открытии в Одоеве малаго народного 1 и 2 классов училища и об отправлении онаго учителя Ковалевскаго с должным наставлением предоставить здешняго Главнаго народного училища директору Калзакову с тем, чтобы он, по открытии того училища, обстоятельно обо всем, соответственно данной с отношения г. действительнаго тайнаго советника графа Петра В. Завадовскаго копии от 25 февраля, отнесся куда следует»¹.

Директор училищ Калзаков, по открытии училища в Белеве, сделался болен и не мог ехать в Одоев для той же цели. Поэтому дано предписание открыть училище в Одоеве учителю высших классов Тульского главнаго народного училища Покровскому. В предписании от лица губернатора говорилось: «По заключению Тульскаго приказа общественнаго призрения препоручено было открыть в г. Одоеве малое народное училище директору училищ; но как он за болезнью отправиться для исправления сей обязанности ныне не может, а одоевский градский глава доносит мне, что к открытию того училища все нужное приготовление сделано, то по поводу сего рекомендую вам по принятии от г. директора потребных к открытию училища документов, отправясь в Одоев, сделать надлежащим порядком открытие училища и о том по начальству вашему дать знать».

По открытии в Одоеве училища, учитель Покровский сделал донесение о том гражданскому губернатору, который с своей стороны предложил его приказу; из донесения учителя Покровского видно, что в г. Одоеве малое народное училище им открыто 1803 г. 2 июня при многочисленном стечении народа с истинным ощущением радости и благоговения к монаршим благотворениям как со стороны благomyслия граждан, так и со стороны усердия дворянства; в училище на первый случай учеников, разделенных на два класса, поступило 28 человек; каким же порядком происходило сие открытие, о том подне-

¹ *Открывающие цитату кавычки отсутствуют. Поставлены предположительно. — Ред.*

сено к его превосходительству краткое описание, которое определено хранить в приказе при деле; а как в Высочайшем о народных училищах Уставе положено производить жалованье в малых народных училищах, где есть один учитель, в год по 150 руб., да за рисовальный класс по 60 руб. в год, то приказ «в большее поощрение учителю надеялся вознаградить его из своих сумм жалованьем и чрез то поселить в нем особеннейшее о питомцах попечение».

Таким образом, благодаря усиленным убеждениям губернатора Н.И. Иванова, одоевское и белевское общество склонилось к заведению у себя народных училищ, существующих до настоящего времени.

История открытия низших народных училищ Тульской губернии вообще показывает, до какой степени в начале нынешнего столетия была еще слаба инициатива частной благотворительности и как мало еще общество сравнительно с нынешнем временем проникнуто было сознанием необходимости и обязанности народного образования.

3) Тульский воспитательный дом

К числу благотворительных заведений г. Тулы, бывших в начале нынешнего столетия, относится и Тульский воспитательный дом, существующий теперь близ земской больницы при богоугодном заведении, под названием Сиропитательного отделения. Без преувеличения можно сказать, что это отделение представляет теперь жалкие остатки прежнего воспитательного дома. Мы не имеем в виду писать истории его для разъяснения того, что привело его к нынешнему положению. Мы желали бы показать, что в начале нынешнего столетия воспитательный дом в Туле, соответственно благотворительному своему назначению, заслуживал живейшего христианского участия. Он был основан из видов одного человеколюбия, с целью доставить приют несчастнорожденным детям, дать им средства к безбедной жизни, что и оправдывал на самом деле, и потому был предметом особенной заботливости со стороны Приказа общественного призрения. Для обеспечения ему полного успеха и развития, приказ не останавливался перед самыми значительными для себя расходами.

В Тульском воспитательном доме все служащие существовали для воспитания и содержания бесприютных несчастнорожденных детей, точнее для одного их физического питания и кормления, не задаваясь

умственными и нравственными задачами, какими задаются в других воспитательных заведениях; так как воспитание в нем ограничивалось самыми первыми годами жизни несчастнорожденных детей, а дальнейшая жизнь их продолжалась и оканчивалась не здесь, но или в Московском воспитательном доме, или в других приютах воспитания. Только для первоначального ухода за детьми служили в Тульском воспитательном доме надзиратель и надзирательница, няни и кормилицы, прачки и кухарки и все с определенными обязанностями; все должны были строго исполнять их и отвечать за малейшие упущения по должности. На обязанности надзирателя лежал прием воспитанников, выбор нянь и кормилиц и других служащих в доме. Он должен был ежемесячно выдавать в приказ рапорты и ведомости о нуждах и потребностях дома, о числе всех служащих в нем, о количестве младенцев, живых и умиравших. Отвечая за неисправности в доме и отвращая все, клонившееся к ущербу интересов заведения, он обязан был подавать другим пример богобоязненности, честности и трудолюбия, чтобы иметь право и от других требовать того же. Судя по усердию к службе и пользе для детей, приказ назначал ему большее или меньшее жалование. Сначала в 1800 г. он получал жалование всего 80 руб., но 29 декабря того же года в воздаянии за труды и большее поощрение ему прибавлено еще 50 руб. в год, с 17 мая 1801 г. он стал получать за свои неусыпные труды по 150 руб. в год; деятельность его по должности мотивировалась тем, что, со времени вступления его (Сергия Проселкова) в должность, воспитанников поступало в дом больше прежнего, а умирало, при лучшем присмотре, меньше. В случае же небрежности присмотра за воспитанниками, отчего они умирали больше обыкновенного, или в случае нерадения и беспорядка в доме, надзиратели немедленно увольнялись из службы, как было 3 августа 1800 г. с Винклером и 13 марта 1801 г. с Пашининым. Таким же образом приказ поступал и с надзирательницами. Их обязанности состояли в самом внимательном и нежном уходе за воспитанниками, в ближайшем и непосредственном надзоре за нянями и кормилицами. За точное и неупустительное исполнение своих обязанностей они получали жалованья по 50 руб. в треть, или по 150 руб. в год; при увеличении числа младенцев, как, например, в 1802 г. 16 сентября, приказ определил к ним¹ помощницу

¹ Исправлено из: к ней. — Ред.

с жалованием 30 руб. в год. Если же надзирательница имела мало попечения о воспитанниках, то из 150 руб. годовичного жалованья лишалась 50 руб., как было 13 марта 1801 г. с надзирательницей Авраменковою. Раз случилось, что и нянь удалили от должности «за неспособность к смотрению за питомцами, за непорядочное и распутное поведение», как было в октябре 1801 г. — Но это едва ли не единственный пример упущения ими по своей должности; большей же частью няни и кормилицы строго исполняли принятые ими на себя обязанности, за что первые получали по 1 руб. 50 коп., а последние по 2 руб. в месяц. Все означенные лица удовлетворяли собственно физическим потребностям детей в воспитательном доме.

Для удовлетворения же религиозным нуждам дома и вообще для исправления в нем всяких духовных треб 3-го января 1800 г. от Тульского духовного правления определены на год г. Тулы священники владимирский, что на Ржавце, Иван Федулов и георгиевский, что в Казенной слободе, Николай Иванов с жалованьем по положению 1765 г. Но в 1801 г. 14 марта священник Андрей Иванов вошел в приказ с прошением, где прописывал, что «он прошлаго 1800 г. 9 ноября по отношению бывшего губернатора Я.М. Томилова к его преосвященству Мефодию, епископу Тульскому и Белевскому, определен им для исправления всяких случающихся треб как при воспитательном и инвалидных домах и народной школе, так и при новом остроге; но жалованья ему до сих пор не положено, и потому просил о положении ему с вышесказанного времени соразмерного его трудам жалованья». Так как священник Андрей Иванов действительно исправлял без задержки случающиеся по должности его требы по всем заведениям, находящимся в ведении приказа, то в воздаяние за все его труды положено производить ему жалованья из сумм приказа по 75 руб. в год. По размерам своим оно приближалось к расчетам, показанным в указе Правительствующего Сената (в мае 1801 г.), в котором сказано: «Сделанное в 1765 г. положение за исправление мирских треб, согласно мнению Святейшего Синода и по уважению возвысившихся цен, дозволяется удвоить, и именно: за молитву родильницы взимать 4 коп., за крещение младенцев 6 коп., за свадьбу по 20 коп., за погребение возраст имеющих 20 коп., за погребение младенцев 6 коп., предоставляя на волю прихожан давать и больше того, без всякого однако ж со стороны духовных притязания и домогательства».

Вообще, все расходы на служащих в воспитательном доме производились из сумм приказа за службу их для детей; оплачивался всякий труд и уход за детьми. Служащие, со своей стороны, соответствовали благотворительной цели заведения, что доказывалось, между прочим, увеличивавшимся числом питомцев, хотя, к несчастью, по мере увеличения числа младенцев увеличивалась и смертность их; то и другое наглядно можно доказать цифрами, взятыми из журналов приказа. В январе 1800 г. из числа наличных 41 младенца умерло 10; в феврале из 44 умерло 18; в марте из 43 умерло 10; в апреле из 39 умерло 7; в мае из 41 умерло 7; в июне из 51 умерло 37; в июле из 23 умерло 8; в августе из 22 умерло 7; в сентябре из 31 умерло 16; в ноябре из 41 умерло 20; в декабре из 40 умерло 9. В январе 1801 г. из 37 умерло 18; в феврале из 41 умерло 14; в мае из 59 умерло 8; в июне из 76 умерло 31; в июле из 58 умерло 15; в августе из 63 умерло 25; в сентябре из 56 умерло 13; в октябре из 58 умерло 12; в ноябре из 59 умерло 14; в декабре из 54 умерло 14. В январе 1802 г. из 67 умерло 11; в феврале из 72 умерло 21; в марте из 67 умерло 10; в апреле из 85 умерло 19; в мае из 84 умерло 14; в июне из 87 умерло 15; в июле из 89 умерло 15; в августе из 89 умерло 35; в сентябре из 89 умерло 13; в октябре из 88 умерло 17; в ноябре из 93 умерло 23; в декабре из 90 умерло 9. В январе 1803 г. из 95 умерло 16; в феврале из 102 умерло 25; в марте из 112 умерло 27; в апреле из 105 умерло 22; в мае из 100 умерло 19; в июне из 105 умерло 15; в июле, за исключением 20, пересланных в Москву, из 110 умерло 32; в августе из 76 умерло 17; в сентябре из 83 умерло 9; в октябре из 92 умерло 18; в ноябре из 85 умерло 13; в декабре из 106 умерло 20 и т.д.

Столь значительный прилив младенцев в воспитательный дом и столь значительная смертность их требовали от приказа с одной стороны мер к размещению их, с другой, к ослаблению болезней и смертности.

Одною из важнейших мер в размещении младенцев было отправление их в Московский воспитательный дом. По положению, сделанному в приказе при учреждении этого дома, как скоро число их слишком увеличилось в доме и они достигли двух или трех лет, их следовало отправлять среди лета в учрежденный в Москве совет Императорского воспитательного дома; а так как в 1803 году в июне, судя по донесению заседателя приказа Д. Постникова, обязанного наблюдать

за состоянием младенцев, в Тульском воспитательном доме было взрослых младенцев мужского пола 4, а женского 16, то заседатель предлагал приказу, сообразно с прежними отправлениями младенцев в Москву, отправить их и теперь, поручив отправку их благонадежным людям и приняв на себя расходы на проезд туда и обратно. Соглашаясь с донесением заседателя, которое основано было на Высочайше утвержденном положении 1763 г., приказ определил, составив список имен младенцев с означением, когда они поступили, кем крещены, какие имеют приметы на теле и кому из них была привита оспа, отправить их с квартальным надзирателем Ступиным, надзирательницею Молчановою и четырьмя нянями в Опекунский совет Московского Императорского воспитательного дома*, на дорожные же расходы туда и обратно выдать из приказа 110 руб. по расчету за наем пяти кибиток, на случай дороговизны съестных припасов и на непредвиденные расходы. Г. Ступин, по возвращении в Тулу, обязан был дать приказу отчет как о доставлении младенцев, так и о затраченных суммах, по данной ему инструкции. Таким же образом отправлено было в Московский воспитательный дом 8 взрослых младенцев (6 мужского пола и 2 женского) 25 августа 1804 г., что стоило приказу по таким же расчетам 48 руб. и т.п.

Другой способ к размещению младенцев состоял в отдаче их временно на воспитание с определенной платой кормилицам, живущим на собственных квартирах, и разным лицам, изъявившим желание обеспечить младенцев без платы и на всю жизнь.

Рассматривая в августе 1804 г. ведомость воспитательного дома с означением, кто именно и кого из младенцев желал взять к себе на воспитание с платою и без платы, приказ относительно тех и других сделал следующее постановление: «а) Сделав свинцовые знаки с изображением на одной стороне литерами «П. О. П.», т.е. «Приказа общественного призрения», а на другой «Т. В. Д.», означающие «Тульского воспитательного дома», и, надев их на шею каждого младенца, ныне же раздать 9 желающим принять их в Туле с письменными от приказа свидетельствами, производя за каждого в месяц по 2 руб. 50 коп. Принявшие младенцев должны воспитывать их в своих домах, а для получения денег являться в сей приказ с теми младенцами ежемесячно или по третям года, кто как признает для себя за удобное; при выдаче же денег надзирателю воспитательного дома и казна-

чею свидетельствовать на приносимых младенцах знаки, форму которых хранить казначею в приказе; в случае смерти, в присутствии священника тот знак снять с младенца воспитывающему его и как о сем, так и о смерти, котораго числа скончался и похоронен младенец, взять ему от священника свидетельство, что такой-то младенец такого-то числа помер, знак приказа при нем снят и им похоронен; каковое свидетельство и знак всякий воспитывающий обязан представить в приказ, для отметки умершаго в списке и разчета в заплате денег за воспитание его; на каком же основании оные младенцы отдаются, о том дать знать всем городским полициям и земским судам, которые по обязанности своей должны с своей стороны давать сведение о том приказу; б) просящим на воспитание без платы денег трех девочек (в том числе служащему в воспитательном доме священнику Андрею Иванову Ласкину, изъявившему желание взять на воспитание Степаниду Васильеву одного года и трех месяцев), при письменном от приказа свидетельстве, отдать с обязательством, чтобы по воспитании водворили их по долгу христианства».

Вследствие такого постановления, когда надзиратель воспитательного дома от 7 октября, 7 ноября и 7 декабря того же года при рапортах представлял в приказ ведомости о кормилицах, желавших взять отсюда младенцев в свои дома и квартиры на воспитание с платою за каждого питомца по 2 руб. 50 коп. в месяц, в таких случаях приказ обыкновенно решал: «На основании сделанной в приказе резолюции истекшаго 10 августа о выдаче на оных младенцев свидетельств изготовить тем кормилицам свидетельства и, наложив на тех младенцев знаки, выдать их с росписками». Равным образом, когда разные лица, живущие в Туле, без всякой платы брали из воспитательного дома младенцев на всю жизнь, девочек с целью по воспитании выдачи в замужество, а мальчиков с целью усыновления, приписания их по воспитании к роду жизни и обеспечения на всю жизнь, тогда приказ решал дело по желанию просителей. Таких примеров особенно было много в 1807 и 1808 годах¹. Примеры последнего рода свидетельствовали и о частной благотворительности граждан, направленной в ту сторону, к какой склонялись их симпатии, и об обще-

¹ См. дела приказа 30 апреля, 5 июля и 13 августа 1807 г., 17 января, 23 апреля, 8 мая, 1 сентября 1808 г.

ственной благотворительности приказа, который старался поставить воспитательный дом в соответствие с его назначением.

Но при самых лучших намерениях приказ не мог не видеть, что воспитательный дом далеко не выполнял своего благотворительного назначения. Особенно приказ не мог не задумываться над значительным процентом смертности детей. Происходила ли она от небрежности и нерадения надзирателей, или неумения определить нравственную и физическую способность нянь и кормилиц, или несвоевременного привития оспы, или от недостатка специалистов надзирателей; но небрежных надзирателей приказ заменял другими, более внимательными к делу, в октябре 1802 г. временно вызывал каширского штаб-лекаря Бэра с поручением его привить оспу в воспитательном доме, с 1807 г. в должность смотрителя за домом пригласил специалиста — штаб-лекаря Пиняева; а между тем все эти меры мало имели значение в ослаблении причин смертности детей; неизвестно притом, обращалось ли тогда внимание на качество и количество воздуха в комнатах в отношении к числу жителей, а также на местные условия воспитания, тогда как современные медицинские авторитеты первую и главную причину громадной смертности детей признают невыразимо тягостную уличную пыль, которая окружает наши города истинно убийственной для детей атмосферой; здесь есть и кремь, и известь, и уголь, и разные соли, и глина, и пепел, и цветочная пыль, и шерстяные частицы из платья, и шерсть животных, и растительные грибы, и частицы кожи, и инфузории, — все это при освещении светом магния видно в уличной пыли, которая, входя в состав вдыхаемого воздуха, производит губительное действие не на одних детей, но и на взрослых. В отношении уличной пыли наш город не составляет исключения из других городов России, а Тульский воспитательный дом как раз находился на большой проезжей Киевской улице. Понятно, что столь неблагоприятные условия жизни не могли не действовать зловредно на питомцев этого дома.

Воспитательный дом в Белёве

Под ведением Тульского приказа общественного призрения в Белёве воспитывались несчастнорожденные дети ещё в прошлом столетии, только не в Градском воспитательном доме, которого тогда ещё не

было, но в частном доме одной женщины под наблюдением городского головы и городничего. То же было и в начале нынешнего столетия, что, между прочим, видно из рапорта городничего г. Белёва, от 29 февраля 1800 г., где сказано, что там «неизвестные люди ночью приносили несчастнорожденных младенцев к богадельням и домам частных людей, а жители тех и других приносили их к городничему, который отдавал их одной женщине, находящейся под надзором его и городского головы, с платой от градской думы по 4 руб. в месяц; но, как эта женщина, заботясь о своей собственной дочери-девице, не могла в то же время иметь надлежащий уход за многими приносимыми к ней на воспитание детьми, то дети у ней большею частию умирали, и к 25 января 1800 г. у ней осталась одна пятилетняя девица, да другая только что принесенная к ней девочка», а потому городничий просил у приказа позволения найти означенной женщине помощницу и отпустить для последней из сумм приказа на жалованье денег, сколько заблагорассудится. В ответ на просьбу городничего приказ от 3 марта того же года предложил ему употреблять всевозможное старание в приглашении белевских доброхотных дателей к содержанию тамошних несчастнорожденных младенцев и содержать на их иждивении пятилетнюю девочку Марию Иванову впредь до представления её в Тульский воспитательный дом. Городничий с своей стороны обещал исполнить предложение приказа и в то же время известил, что он на содержание и воспитание несчастнорожденных детей по подписке собрал только 32 руб. 94 коп. Итак, приглашение белевских граждан к добровольным пожертвованиям со стороны городничего едва ли было бы успешно, если бы не случилось обстоятельство, о котором прописано в журнале приказа от 31 июля 1801 г.; здесь сказано, что «его превосходительство, г. гражданский губернатор, видеv из рапорта магистрата от 19 июня того же года безпредельнейшую признательность белевского гражданства к милосердию Его Императорского Величества, излианному в ссуде 25 тысяч рублей на построение погоревшим онаго сочленам и прехвальный подвиг христианской любви к ближнему в постановлении и учреждении в Белеве воспитательнаго дома для несчастнорожденных младенцев, как хозяин губернии, обязывается изъявить за то белевскому гражданству признательнейшую благодарность, а при благовременном случае свидетельствовать о том пред священнейшим Его Императорского Величества престолом и просвещенным светом;

но чтобы в приеме младенцев по точным правилам учреждения Московского воспитательного дома со стороны г. белевского городничего преподаны были все возможные пособия, о том от его превосходительства дано ему особое предписание. Просвещенные испытатели сего заведения доказали, что самый лучший способ воздоения¹ младенцев — отдавать их поселянкам по деревням; в уверенности, что и белевское общество сему последует, его превосходительство предписал г. земскому исправнику заохочивать к тому поселянок обещанием награды и делает возможнейшее пособие в прискании их и наблюдении младенцев. Предложив о сем благонамеренном учреждении Тульскому губернскому правлению и Приказу общественного призрения во исполнение 392 ст. Учреждения о губерниях, он будет ожидать от г. градского головы полезнейших по оному успехов». Очевидно, таким образом, что воспитательный дом в г. Белеве приобретен от города только в 1801 г. О состоянии и успехах его мы находим краткие сведения в ведомости белевского городничего Хитрово, сохранившейся в журнале приказа от 10 октября 1803 г. Из нее мы узнаём, что с 1801 г., т. е. с самого начала существования в Белеве воспитательного дома, принято в него младенцев 120, из них умерло 112, затем осталось 8. Но так как в ведомости не показано было, сколько в том доме было здоровых младенцев, сколько и чем больных, и от чего они умирали, то приказ предложил городничему вместе с магистратом при поступлении вновь младенцев означать, какого они пола и возраста, и какого состояния, и такую ведомость за общим подписанием ежемесячно доставлять в сей приказ. С той поры белевский городничий вместе с городским магистратом ежемесячно подавал в приказ ведомости о наличных и умерших в то или другое время младенцах² Белевского воспитательного дома. Для примера возьмём ведомости за 1808 год. В декабре 1807 г. всех наличных младенцев было 23, умерло 8, в январе 1808 г. из 18 умерло 9, в феврале из 15 умерло 2, в марте из 26 умерло 12, в апреле из 20 умерло 6, в мае из 19 умерло 6, в июне из 18 умерло 4, в июле из 19 умерло 6, в августе из 19 умерло 5, в октябре из 21 умерло 9, в ноябре из 18 умерло 4, налицо осталось 14. Все наличные младенцы писались здоровыми, а отчего умирали, неизвестно.

¹ Так в печатном тексте. — Ред.

² Исправлено из: младенцев. — Ред.

В видах улучшения быта младенцев в Белевском воспитательном доме приказ желал бы привести в исполнение предложение губернатора — отдавать их на воспитание поселянкам, но таковых почему-то не являлось, и только некоторые из белевских купцов и мещан от 10 августа 1804 г. пожелали взять к себе на воспитание и усыновление немногих из числа находящихся в Белевском воспитательном доме младенцев. Вследствие их желания приказ предложил белевскому городничему Хитрово при отдаче из тамошнего воспитательного дома младенцев купцам и мещанам для воспитания наблюдать, чтобы каждый, принявший младенца, был в образе жизни известного поведения и с состоянием, и чтобы давал письменное обязательство, что он берет такого-то младенца по имени на воспитание и усыновление, и что он по совершеннолетию младенца имеет сопричислить его к образу жизни, «какой по мере его предъявится приличнейшим». Затем о каждом отданном младенце и сделанном обязательстве взявшие его на воспитание в то же время должны давать знать приказу для выдачи тому или другому младенцу письменного вида. Во исполнение этого распоряжения приказа белевский городничий от 15 сентября того же года отдал из тамошнего воспитательного дома одного младенца Илью Иванова купцу Борису Свешникову с письменным обязательством, что «по возрасту он сопричислен будет к роду жизни, какой по мере его приличнейшим предъявится», а приказ определил купцу Свешникову дать на усыновление младенца Иванова и по возрасту на причисление его к роду жизни свидетельство. Таким же образом младенцы Белевского воспитательного дома отдавались на воспитание и в последующие годы¹.

Воспитательные дома в Веневе и Крапивне

В начале нынешнего столетия по примеру Белевского заведен был воспитательный дом для несчастнорожденных младенцев в г. Веневе. Из рапорта веневского городничего, прописанного в журнале приказа от 18 марта 1804 г., видно, что в Веневе, во исполнение предложения губернатора от 10 сентября 1803 г., в отдельном воспитательном доме находится несчастнорожденных младенцев по 2 человека мужского и женского пола и для одного из них нанята кормилица с пла-

¹ См. журнал 4 января 1808 г.

тою по 1 руб. 50 коп. на месяц; а как она находилась при доме с 1 ноября прошлого года, и для прокормления всех младенцев за прошлые четыре месяца потребовалось истратить денег 6 руб., то городничий просил приказ прислать те и другие деньги на удовлетворение кормилицы и воспитанников, и приказ определил: «Отослать в Венев для выдачи показанной кормилице и за уход за младенцами, равно и на непредвиденные по той записи расходы 10 руб. денег с запискою на приход из сумм приказа и с роспискою к веневскому городничему». Такого же рода рапорты встречаются в делах приказа, например, и в 1808 г., когда веневский городничий от 21 февраля и 1 августа испрашивал от приказа выслать кормилице Веневского воспитательного дома в первый раз за полгода 9 руб., а в другой 8 руб., и приказ высылал эти деньги по просьбе городничего. Очевидно, что дом этот был под ведением приказа и получал содержание из его сумм.

Такой же воспитательный дом под ведением его был и в г. Крапивне, как видно из рапорта Крапивенской градской думы от 5 мая 1808 г., где сказано, что 3 мая того года ночью неизвестно кем принесён на крыльцо состоящего в том городе под ведомством думы воспитательного дома некрещёный младенец женского пола, которому при крещении дано имя Пелагии; но как содержание его в доме ничем не было обеспечено, то он и прислан был при рапорте в Тульский воспитательный дом.

Инвалидные дома в г. Туле

Под инвалидными домами г. Тулы, состоявшими в начале нынешнего столетия в ведении приказа, мы разумеем те же дома, которые и в прошлом столетии содержались на благотворительные его суммы: а) казенный инвалидный дом, состоящий теперь в ведении земства и известный под именем «богоугодного заведения» и б) частный, так называемый, Баскаковский дом, существующий и теперь на прежнем месте и под тем же именем.

а) Казенный инвалидный дом

По штату, сделанному в приказе ещё в 1778 г. и утвержденному тульским и калужским губернатором графом М.Н. Кречетниковым,

в Тульском казенном инвалидном доме положено быть 12 инвалидам. В последующие затем годы прошлого столетия приказ, по-видимому, не держался положенного числа инвалидов, допуская их в доме гораздо более штатного числа; тем не менее, и тогда можно было видеть, что число инвалидов, превышающее штатное число, было сверхштатным, пока действительно в половине 1793 г. не остановилось на штатном, как нормальном числе. С 1800 г. приказ буквально стал держаться первоначального штата инвалидов; с того времени только 12 инвалидов состояли на казенном содержании, получали порционные деньги, пользовались отоплением и освещением, одеждою и столом и назывались штатными; прочие же инвалиды, принимаемые в дом по особо уважительным причинам, пользовались только одним общим столом и, пока не открывалась вакансия, назывались сверхштатными. О числе, именах и званиях, нуждах и потребностях лиц, призреваемых в казенном инвалидном доме, надзиратели их ежемесячно подавали в приказ рапорты и ведомости, по которым в начале нынешнего столетия здесь значились только инвалиды из низших чинов военного звания после своей отставки, в болезни и старости не обеспеченных ничем и не имевших даже пристанища; лица же других сословий, как бы ни были бедны, уже не пользовались казенным содержанием в доме; теперь уже не было здесь ни бесприютных оружейников, ни каких-либо бездомных разночинцев под именем инвалидов. Когда же 20 марта 1807 г. один церковник, не владевший рукой и ногой, принят был сюда под предлогом, что он был в военной службе и вышел из ней по неспособности, то по журналу приказа, в котором значилось, что этот дом устроен для военнослужащих, он немедленно удален был отсюда и помещён в одну из богаделен, устроенных при церквях. Принимаемые в штатное число инвалиды, по вступлении в дом, снабжались всем нужным и обязаны были как платье, так и все, доставляемое им, соблюдать в чистоте и опрятности. Через надзирателя дома им выдавались порционные деньги на мелочные расходы ежемесячно от 2 руб. 32 коп. до 2 руб. 48 коп. На счет приказа они получали и отопление, и освещение, белье, обувь и одежду. Особенно приказ заботился об амуниции для инвалидов, на которую истрачивалось, например, в 1801 г. не менее, как 79 руб. 86 коп.; шинели шились им на три года, а тулупы на 6; когда, например, в 1800 г. в январе вышел срок тулупам, купленным в 1794 г., приказ, по рапорту надзирателя, разрешил купить 12 новых тулупов по 6 руб.

за каждый из процентной суммы добротных дателей. В случае смерти кого-либо из штатных инвалидов, при обеспеченности содержания в доме праздное место недолго оставалось незанятым; напротив, личный состав штатных инвалидов скоро пополнялся сверхштатными инвалидами по просьбам об определении их на вакантные места. В просьбах они указывали или на раны, полученные ими во время службы на сражениях, или на слабость зрения, мешавшую им снискивать дневное пропитание, или на болезни и старость, при которых они были лишены всякого пристанища; по таким причинам их принимали или в штат, или сверх штата, «чтобы только они по миру не ходили и милостыни не просили». В штат поступали по числу штатных вакансий, а число сверхштатных, принимаемых на пропитание, было неопределенно. В 1801 г. приняты в инвалидный дом сверх штата два инвалида, из которых первый прописывал в прошении, что, по 24-летнем бессрочном служении Его Императорскому Величеству в военном звании, он, по болезни, уволен из службы на собственное пропитание в г. Богородицк, но, возвратившись в дом, не застал в живых ни одного родственника и при слабом здоровье не только не был в силах приобретать себе пристанище, но и снискивать пропитание собственными трудами, как и действительно оказалось, что он, принятый в июне, умер в декабре того года, не дождавшись вакансии; а другой прописывал, что он после 8-летней службы на военном звании по болезни уволен был из службы на собственное пропитание здешней губернии села Сидорова, что в Чернском уезде, но по возвращении в дом тоже не нашёл уже там ни родственников, ни пристанища, а по причине лома в ногах не мог снискивать себе пропитание собственными трудами. Такие-то лица поступали на штатные места в казенном инвалидном доме и здесь большею частью оканчивали дни свои, или, как говорилось в рапортах надзирателей, «волею Божиею умирали». Но случалось, что иной инвалид после поступления в казенный инвалидный дом снова оставлял его по прошению родственников. Так, в 1800 г. 15 февраля отставной солдат Игнат И. Гуляев¹, только что принятый в этот дом по слепоте своей сверхштатным, того же дня по прошению брата его крестьянина села Радугуши Одоевского уезда Захара Гуляева отдан на пропитание его с тем, чтобы он, взяв-

¹ В печатном тексте: Беляев. Исправляем с учетом того, что далее он и его брат Захар несколько раз названы Гуляевыми. — Ред.

ши брата своего на пропитание, поил, кормил, обувал и одевал его и не допускал шататься по миру под опасением ответственности за нарушение принятого им на себя обязательства. Впрочем, когда это дело дошло до сведения Казенной палаты, то она ассигновала Игнату Гуляеву казенное жалованье, в размере 10 руб. в год, и предложила приказу, чтобы он по прошествии каждой трети требовал из Тульского казначейства* треть жалованья Гуляеву и пересылал оное по жительству его в Одоевский уезд для отдачи ему с распиской, а потом для более удобной пересылки означенного жалованья Казенная палата предписала, кому следует, выдавать Гуляеву жалованье по жительству его в Одоевском уезде из тамошнего казначейства. Но для инвалидов были важны не одни материальные жертвы приказа; заботясь об удовлетворении физических нужд, приказ не оставлял без внимания и нравственных потребностей их. В праздничные и воскресные дни они обязаны были ходить в церковь Божию для принесения Господу Богу усердной молитвы и должного благодарения. В доме они должны были вести жизнь миролюбивую и удаляться от всякого порока. Без позволения надзирателя они не должны были отлучаться из дома под опасением строгого выговора. Склонные к порокам и не терпевшие надзора или сами удалялись из дома, зная, что они не могли быть долее терпимы здесь (31 августа 1800 г.), или были увольняемы отсюда по донесению надзирателя (1807 г.). Те же из инвалидов, которые вели жизнь благонравную и подчинялись порядкам, заведенным в доме, могли по своим надобностям с позволения приказа удаляться из дома на более или менее продолжительное время, а потом, по прошествии срока, снова возвращаться на прежнее жительство. Приказ не отказывал никому из них в выдаче билетов для свидания с родственниками или для беспрепятственного путешествия ко святым местам (3 мая 1800 г.), только бы знать место их пребывания и время возвращения. Такая жизнь инвалидов нравилась людям, привыкшим к порядку и благонравию; по обеспечению и обстановке призреваемые в казенном доме инвалиды действительно находились в лучших условиях жизни, нежели жившие в общественной богадельне, отчего последние нередко с радостью поступали в казенный инвалидный дом¹.

¹ См. журнал приказа 1800 г. октября 27 и ноября 19.

б) Баскаковский инвалидный дом

Основательницами тульского, так называемого, Баскаковского инвалидного дома были две благотворительные женщины: вдова статского советника Прасковья П. Баскакова и дочь её вдова коллежского советника Марья В. Веницеева.

Из рапорта приказа от 30 июля 1795 года видно, что первая из них, г-жа Баскакова, изъявила тогда желание выстроить в Туле на Градской стороне близ кладбища инвалидный деревянный дом для помещения в нем и содержания на ее иждивении десяти инвалидов, для чего представила примерное положение дома с таким объяснением, что она доставила на место постройки все материалы для дома, приложила на прочие потребности 600 руб. и просила правителя наместничества устроить его под собственным надзором и, если 600 руб. будет недостаточно, то потребную в дополнение сумму, по получении о ней сведения, обязалась представить; на содержание же дома на первый раз полагала 676 руб. 69 коп., на ежегодное потом содержание инвалидов 432 руб. 7 коп., и в течение жизни своей обязывалась доставлять в год на каждого муки 24 пуда, круп по 2 четверика и 2 гарнца натурой, за что в положении ежегодно определялось 123 руб. 60 коп.; и за исключением сей суммы она имела вносить 553 руб. 9 коп., предоставляя попечение об инвалидах правителям наместничества; и когда положенная ею на случай возвышения цен и на непредвиденные расходы сумма умножится, то предоставляла приказу употреблять ее на пользу сих же инвалидов по своему благоусмотрению. На это желание г-жи Баскаковой правитель наместничества от 5 августа 1795 г. изъявил согласие и из представленных денег 600 руб. употреблено на устройство дома, из последних же 553 руб. 9 коп., 244 руб. 62 коп. употреблены на покупку нужных потребностей при первоначальном открытии сего заведения, а 308 руб. 47 коп. на устройство амунических вещей, белья и на содержание десяти инвалидов.

С этой поры до самой кончины своей, последовавшей 6 августа 1808 г., г-жа Баскакова с примерною аккуратностью ежегодно вносила определенную ею по завещанию 1795 г. сумму на содержание 10 престарелых воинов, именно, 308 руб. 47 коп., из которых каждый увечный и престарелый, проживавший в ее доме воин ежемесячно по-

лучал на харчи по 1 руб., кроме ежегодно доставляемого ею из села Скобочева натурой хлеба, муки и круп на сумму 123 руб. 60 коп., каковая сумма вместе с прежнею и составляла сумму 432 руб. 7 коп., ассигнованную ею на содержание всего дома с недвижимыми потребностями. Но уже при жизни г-жи Баскаковой суммы, назначенной ею для содержания инвалидов, далеко было недостаточно, и приказ затрачивал в 1801 г. на покупку материалов для годового количества белья 63 руб. 10 коп. и на устройство шинелей и прочего 151 руб. 80 коп. не из баскаковского капитала, а из капитальной суммы, приобретенной приказом из других источников; тоже продолжалось и в следующих затем годах, хотя недостаточность сумм на инвалидов почему-то не доведена была до сведения г-жи Баскаковой. После же смерти ее завещание по устройству дома для 10 инвалидов наследницей ее, г-жой Веницеевой, представлено на Высочайшее утверждение, которое и последовало 6 ноября 1808 г.

По завещанию г-жи Баскаковой оказалось, что она при жизни назначила еще 3 тысячи рублей на устройство каменной богадельни или дома для инвалидов, и деньги эти внесены в приказ 17 августа 1808 г. г-жой Веницеевою. Деревянный дом, выстроенный г-жой Баскаковою, мало-помалу действительно приходил в ветхость, и в 1819 г. 23 июля по поводу постройки нового каменного дома для баскаковских инвалидов из Министерства полиции * сделан запрос приказу, что, если нынешнее состояние устроенного статскою советницею Баскаковского дома требует исправления, и если теперешнее здание уже не способно для жительства, а требуется устроить вновь каменное или деревянное помещение, то не выгоднее ли поместить инвалидов в других зданиях приказа? На это приказ отвечал, что он имеет собственные свои здания, как-то, каменный дом, занимаемый ныне Александровским военным училищем до производимой отделки для того училища баташевского дома, и другой каменный же дом с флигелем, бывший прежде в содержании под аптекой, требующий небольшой поправки имеющихся в нем некоторых ветхостей. Следственно, инвалиды, по перемещении училища в баташевский дом и по исправлении другого дома, могли бы быть удобно помещены в каком-либо из сих зданий, а потому приказ и полагал до приведения зданий сих в надлежащий вид распоряжение в помещении инвалидов или в устройении для них особой каменной богадельни остановить, а поместить их в том

же занимаемом ими строении, требующем на поправку ветхостей незначительных издержек, о чем уведомил г-на управляющего Министерством полиции графа С.К. Вязмитинова* чрез гражданского губернатора г-на Оленина*, который и уведомил его о предположении приказа улучшить помещение инвалидов. Затем, в 1820-м году от 31-го мая, г-жа Веницеева отнеслась к г-ну гражданскому губернатору, что приказ на донесение ее дал ей знать, что устроенный родительницею ее для 10 человек инвалидов дом поправлять не имел он денег, но как, по завещанию родительницы, она внесла в оный приказ 1808 г. августа 17-го 3 тыс. для приращения на построение для богадельни каменного дома, коего не только не устроено, но даже никаких поныне материалов не доставлено, и вдобавок деньги, 3 тыс., в приказе расхищены, а потому просила с кого следует взыскать должное с процентами и обратить на построение каменного дома для богадельни. Губернатор предложил приказу, учинив выправку, принять должные меры к построению каменной богадельни. Когда произведена выправка и деньги взысканы с кого следует, г-жа Веницеева в 1822 г. ноября 22 просила приказ принадлежащий ему каменный дом, «состоящий под помещением Александровского училища и предполагаемый к продаже, оставить навсегда в своем ведении для помещения 10 инвалидов, содержимых по завещанию матери ее, и для присоединяемых к сему числу еще 10 человек на ее счет с тем, что она оставляет внесенные ею в 1808 г. на устройство каменной богадельни 3 тыс. руб., каковых составилось с процентами до 6 тыс., и сверх того на исправление флигеля и постройку бани, амбара и прочаго надворнаго строения обязывается внести в приказ 4 тыс.». Присутствие приказа находило это полезным, потому, что 1) «флигель сей и дом пришел в ветхость, отчего чрез продажу их настоящая сумма выручена быть не может, 2) потому, что сумма, внесенная г. Веницеевою в 1808 г., с процентами до 6 тыс. руб., останется безвозвратна, 3) потому, что предназначенное здание для инвалидов остается навсегда в собственности приказа, и 4) потому, что при исправлении флигеля неупустительно приказу придется исправить и самый дом, предназначенный для смирения людей», о чем было представлено чрез г-на губернатора к министру внутренних дел*; затем с утверждения его означенный флигель отдан для помещения инвалидов за 3 тыс. руб., а с процентами до 6 тыс., и, по устройстве его на представленные г-жой Венице-

евою деньги, помещены в нем содержимые на счет г-жи Баскаковой и Веницеевой престарелые воины 20 человек. Так покончилось дело об устройстве помещения инвалидов.

Оставалось устроить самую важную часть быта инвалидов — содержание их. Мы уже видели, что содержание инвалидов в Баскаковском доме представлялось не вполне обеспеченным суммами г-жи Баскаковой. Чем больше проходило времени, тем больше оказывалось недостатков в содержании. В 1818 г. октября 3 приказ нашел, что со времени учреждения богадельни цены на все жизненные припасы и вещи одни возвысились втрое, а другие вчетверо, отчего приказ при содержании Баскаковского дома потерпел убытков, по крайней мере, 3 тыс. руб., и «так как расход на одне выдаваемые в месяц по 1 руб. на человека порционныя деньги, годовую порцию дров и белье составляет уже цифру свыше определённой на то суммы, а прочия амуничныя вещи и потребности, также починку самого дома-богадельни производить не из чего, то приказ решил отнестись к г. Веницеевой, чтобы она благоволила или взять дом на собственное своё попечение и содержание, или вносить ежегодно сумму на все потребности, соответственно более и более возвышавшимся на них ценам, употребленные же приказом собственныя деньги 3 тыс. руб. по богоугодному заведению завещательницы благоволила бы внести в приказ; вследствие сего до отзыва ея, г. Веницеевой, всякое построение и издержки из сумм приказа на Баскаковскую богадельню остановить». Отвечая на отношение приказа, г-жа Веницеева вошла в подробное рассмотрение завещания своей матери с целью дать приказу строгий отчет в своих действиях и, между прочим, писала, что, по силе завещания, «по кончине родительницы ея приказ обязан был требовать положенную ежегодно сумму на содержание инвалидов от ея наследников из доходов, собираемых Одоевскаго уезда села Скобочева и деревень Угольной и Новой Слободы, как лично ею приобретенных, и сего недвижимаго имения ни они, ни потомки их дотоле не могут продать, заложить, ниже укрепить в какие-либо сделки и крепости, пока не внесут в приказ 8650 руб., проценты с которых должны составить ежегодное содержание инвалидов». По сему завещанию вносила она ежегодно предположенные деньги чрез г-на тульского гражданского губернатора, а муку и крупу прямо в богадельню и такое управление сей богадельни вверила она Приказу общественного

призрения и лично гражданскому губернатору с тем твердым упованием, что они не преминут обратить благодетельное внимание на содержание сих престарелых и увечных воинов, как достойно подвизавшихся за веру и отечество. «С 1809 г. поднесь кроме муги и круп по сему завещанию не далее 1 марта ежегодно я платила на инвалидов по 2708 руб., а с 1817 г. по 2908 руб., не взирая на то, что от села Скобочева еще с 1808 г. в ноябре месяце отрезано лично помещицей земли к даче смежного села Левенского 471 дес. И в сем исправном платеже свидетельствуюсь Приказом общественного призрения. Предположив все сказанное, осмеливаюсь донести приказу, что я о возвышении цен на содержание инвалидов по сие время ни от приказа сего, ни лично от г. гражданского губернатора никакого сведения не имела, а потому 3 тыс. руб., ниже другой какой-либо суммы, превышающей завещание покойной родительницы моей за силою 382 ст. Учреждений о губерниях¹ платить не обязана, ибо я должна платить ту единственную сумму, которая предположена в завещании и все милостивейше утверждена от Его Императорского Величества. Я даже не только не могу, но и не смею взять на себя содержания вышеписанных инвалидов, ибо по завещанию родительницы моей попечение о них вверено сему приказу или же правительственному наместнику. Но как успокоение престарелых и увечных воинов, подвизавшихся на поле брани за веру и отечество, предполагает богоугодную обязанность каждого богомыслящаго гражданина, и я всем сердцем желаю исполнить во всей точности вышеизложенное завещание моей родительницы, с другой стороны Приказ общественного призрения по силе тех же ст. 392 и 431 есть как бы источник, лиющий благодения несчастным и бедствующим* в Тульской губернии, имеющий все способы вспомоществовать оным, то я почтительнейше прошу, дабы благоволил приказ сделать прочное² исчисление соразмерно ныне возвысившимся ценам к содержанию и успокоению во учрежденной родительницею моею богадельне престарелых и увечных 10 воинов, доставить оное мне, дабы я вместе с наследником села Скобочева артиллерии подпоручиком князем В. П. Горчаковым, учинив согласное мне-

¹ Исправлено по смыслу из: об учреждении губерний. — Ред.

² Так в печатном тексте. Возможно, это опечатка — по смыслу уместнее точное. — Ред.

ние, могла изъяснить наше общее желание на ежегодный платеж из доходов села Скобочева суммы, превышающая завещание моей родительницы»¹. По просьбе г-жи Веницеевой, приказ, истребовав подробное сведение из Тульской градской полиции о существовавших тогда ценах в г. Туле на все материалы*, нужные к построению амуниционных вещей, и о плате рабочим людям, нашел, что кроме съестных припасов 10 человек стоить будут вообще содержанием каждый год 1062 руб. 62 коп., и уведомил г-жу Веницееву, что без вспомоществования ее, превышающего завещание покойной ее родительницы, приказ никак не может содержать 10 престарелых инвалидов; ибо все доходы его истощаются на содержание прочих благотворительных заведений, от него зависящих. А что касается до того, что г-жа Веницеева о возвышении цен не была прежде уведомлена, в том нынешнее присутствие его не считает себя причиною; но, как приказ от возвышения цен действительно потерпел убытки, то во вносе за оные денег, судя по богоугодному распоряжению завещательницы, не предполагал со стороны ее, госпожи Веницеевой, отказа, в том чаянии, что она не отречется оказать тем благодеяние, соответственное духу покойной завещательницы к незабвенной памяти ее, и что она, г-жа Веницеева, тем паче вознаградит сии убытки, дабы приказ имел более средств оказывать драгоценное пособие несчастным и бедствующим² в Тульской губернии. Все это сообщено было к сведению г-же Веницеевой и имело большое значение для дальнейшего хода дела. 1819 г. 23 июня из Министерства полиции в приказ прислано уведомление по просьбе г-жи Веницеевой, в которой она, изъясняя требование приказа, чтобы по причине возвысившихся на все потребности цен вместо определённых по завещанию матери её г-жи Баскаковой на содержание дома, устроенного в Туле для 10 человек инвалидов 308 руб. 17 коп., вносимо было 1062 руб. 63 коп., объявила согласие излишнюю против завещания сумму 754 руб. 16 коп. ежегодно вносить в приказ из собственных ее доходов, приобретаемых от села Скобочева, с тем, чтобы наследники ее означенную сумму на всегдашнее время представляли в приказ к 1 марта; но как означенное имение не

¹ Закрывающие цитату кавычки отсутствуют. Поставлены предположительно. — Ред.

² Исправлено из: бедствующим, несчастным и бедствующим. — Ред.

есть благоприобретенное, а досталось ей по наследству, притом же половинная часть сего имения принадлежит племяннику её князю Горчакову, то просит на предложение ее о вносе в приказ показанных денег испросить Высочайшее утверждение; а в отношении управляющего Министерством внутренних дел* от 29 ноября 1819 г. к этой просьбе прибавлено условие, чтобы «наследники показанного имения ни продать, ни заложить его не могли, пока не внесут в приказ 17500 руб., т. е. такой суммы, с которой проценты будут составлять содержание инвалидов, под опасением опеки». Комитет г. министров*, полагая, что «наследники г. Веницеевой, без сомнения, не откажутся добровольно от выполнения ее благотворительного распоряжения», в заседании 30 сентября, согласно желанию, оное утвердил, объявив ей о благотворительном ее подвиге монаршее благоволение, на что предполагал предварительно испросить Высочайшее соизволение, в заседании же 4 ноября объявлено комитету, что «Государь Император на сие соизволяет». О таком Высочайшем утверждении положения Комитета г. министров и сообщено г-ну тульскому гражданскому губернатору. Получив известие с объявлением г-жой Веницеевой монаршего благоволения за ее благотворительный подвиг, приказ по странному нерадению секретаря и повытчика объявил ей монаршее благоволение не ранее июня 1820 г., т. е. спустя три месяца по получении известия, за что виновные подвергнуты были законному наказанию.

Монаршее благоволение послужило для г-жи Веницеевой поощрением к новой благотворительности. Из соревнования к покойной своей родительнице она пожертвовала добавочные суммы на содержание ещё 10 престарелых и увечных воинов в Баскаковском доме.

Признавая вычисления приказа относительно прибавки денег на содержание десяти инвалидов Баскаковского дома основательными и соглашаясь на ежегодное прибавление вноса сверх прежде вносимой суммы ещё 754 руб. 16 коп., что составляло вместе с прежнею требуемою приказом суммой 1062 руб. 62 коп., г-жа Веницеева от 30 января 1819 г. довела о таком новом положении дома до сведения Государя Императора. По доведении о том до Высочайшего сведения, ей было объявлено монаршее благоволение за ее благотворительный подвиг. Но этим не ограничилась ее благотворительность. В 1823 г. она хотела было возложить ежегодный взнос 1062 руб. 62 коп. и хлеба нату-

рою на крестьян Тульского уезда деревни Крюковки, с этою целью 15 февраля того же года испросила Высочайшее разрешение на увольнение их в свободные хлебопашцы по особому с ними условию, по которому они получали от г-жи Веницеевой 365 десятин 1285 саж., за что по 5 пункту условия, по смерти помещицы, обязывались вносить в приказ на содержание 10 инвалидов ежегодно такую же сумму денег и такое же количество хлеба, как вносила помещица при жизни, т. е. 1062 руб. 62 коп. асс. и хлебом по 30 четвертей ржаной муки и 2 1/2 четверти гречневых круп. Но г-жа Веницеева как бы предвидела то, что случилось в сороковых годах, по случаю неурожая, именно, что крестьяне по разным непредвиденным причинам не всегда могли обеспечивать инвалидов, и потому в 1826 г. 30 ноября представила в приказ 10 тыс. руб. с тем, чтобы проценты с сего капитала для облегчения крестьян были употребляемы на содержание 10 инвалидов и вместе зачитаемы¹ в число условленных ею с крестьянами 1062 руб. 62 коп., а в 1830 г. 11 марта, представила на этот же предмет ещё 6 тыс. руб. и просила уведомить, сколько затем следует вносить ей ежегодно таких денег. Посему приказ, на основании правил на вклады и займы банковых установлений, изложенных в циркулярном предписании г-на министра внутренних дел 8 января 1830 г. *, объявил ей, что за взносом 6 тыс. руб. вдобавок к процентам ежегодно следует вносить по 162 руб. 62 коп., о чем известил г-жу Веницееву и донес управлению Министерства внутренних дел. По смерти г-жи Веницеевой, последовавшей в июле 1831 г., наследник ее имения князь Горчаков в 1832 г. 24 марта сделал запрос приказу: поставляется ли ему в неперемнную обязанность платить ежегодно надбавочную сумму, когда в Комитете гг. министров сказано, что «наследники г. Веницеевой, без сомнения, не откажутся и добровольно от исполнения благотворительного ея распоряжения»? По справке с полным завещанием г-жи Баскаковой, приказ отвечал, что князь Горчаков обязан ежегодно 1 марта вносить 2768 руб., да на пересылку их по принадлежности 10 руб. и добавочных на содержание 10 престарелых воинов 754 руб. 15 коп., всего же 3472 руб. 62 коп., а чтобы составился такой капитал из процентов, должно быть положено капитала 86815 руб. 50 коп., или по 5% должен быть капитал в 69482 руб. 40 коп. Этот последний капитал,

¹ Так в печатном тексте. — Ред.

по случаю залога имения Скобочева князем Горчаковым, он и просил Опекунский совет доставить в сей приказ на счет князя Горчакова. Московский опекунский совет действительно и доставил такую сумму в приказ, и проценты этой суммы с той поры, согласно завещанию г-жи Баскаковой, приказ употреблял на благотворительные издержки 2410 руб., а 1062 руб. 62 коп. на содержание инвалидов, кроме ржаной муки и крупы. В ноябре того же года князь Горчаков, кроме денег, полученных приказом из Московского опекунского совета, внес в приказ все деньги, назначенные по завещанию вместе с добавочными, сначала 2900 руб., а потом и остальные 572 руб. 62 коп. Дальнейшая судьба существования и содержания Тульского Баскаковского инвалидного дома принадлежит новому времени и не входит в наши планы и соображения, а потому обращаемся к другим благотворительным, так называемым, богоугодным заведениям г. Тулы в начале нынешнего столетия.

Тульская больница

Основанная по примеру Московской Екатерининской больницы, Тульская больница принимала таких же больных, каких принимали в Екатерининской больнице. «Намерение Екатерины II при учреждении больницы в Москве, как видно из указа московскому обер-полицеймейстеру Архарову*, состояло в том, чтобы сею благодетельствующею милостию воспользовались бедные безгласные, как то, оставшие на свое пропитание солдаты, приказные и духовнаго чина неимущие и жены их, также увечные и престарелые обоего пола, не могущие никакой производить работы и никому не принадлежащие; в эту больницу принимать всех вышесказанных чинов больных, не возбраняя лечиться и добровольно приходящим или отдаваемым от обывателей, но с заплакою употребленных издержек». На этом основании и Тульская больница, учрежденная по примеру Московской, была, можно сказать, больницею для всех сословий и для всякого рода болезней. Но, как само собою разумеется, средства Тульской больницы были далеко не те, что в Москве, и потому Тульская больница едва-едва напоминала Московскую. По силе ст. 394 п. 9 Высочайшего Учреждения о губерниях, наша больница учреждена для призрения и пользования всякого звания бедных и неимущих людей безденежно,

а прочих и господских людей за плату, и содержалась, как и другие благотворительные заведения, на суммы Приказа общественного призрения, а не из государственных каких-либо доходов; потому она не была госпиталем, или гражданским лазаретом, которые были особыми казёнными заведениями, но именно гражданской всесословною больницею, куда принимаемы были без платы и с платою лица всех сословий, по силе же указов из Военной коллегии от 29 апреля 1798 г. — штатные военные команды, и бывшей Медицинской коллегии от 26 февраля того же года — воинские проходящие команды и рекрутские партии, для которых лекарства употреблялись по особому каталогу дешевле прочих и с возможною бережливостию. Неизвестно заподлинно, сколько в больнице могло помещаться кроватей и был ли какой-либо штат для больных, но видно, что большинство больных в начале нынешнего столетия принадлежало воинским командам и тем уподобляло больницу военному лазарету. По временам в рапортах надзирателей указывалось число больных, но это число не было штатным и определённым; так, например, в рапорте от 15 января 1802 г. в больнице с 1-го по 15 ежедневно больных состояло от 24 до 28 человек; в марте того же года с 6-го по 22 число их было от 26 до 34 человек; с 22 марта по 8 апреля от 19 до 26 человек и т. д. На расходы для такого числа больных приказ употреблял собственные суммы и выдавал их под расписку смотрителю Богдановичу; на это требовалось в месяц от 50 до 100 руб. Другое дело, когда в больнице пользовались военно-служащие команды, солдаты и рекруты; так как число их было несравненно больше других больных и приказ не имел средств содержать и лечить их на своём иждивении, то по указу Правительствующего Сената от 9-го апреля 1795 г. все эти команды должны были пользоваться в больнице на счёт суммы, ассигнованной на чрезвычайные расходы по губернии, каковая сумма по требованию приказа и доставлялась из Тульской казённой палаты. Обыкновенно приказ затрачивал на них свои суммы, потом по истечении каждой трети по счетам, представленным из аптеки и смотрителя, получал их из Казённой палаты для покрытия затраченных сумм; таких сумм, по рапорту смотрителя больницы от 25 января 1802 г., затрачено на лечение военных команд с 1800 до 1802 г. 379 руб. 81 коп. По выписке из аптекарских счетов, составленных по рецептам штаб-лекаря Пиняева, с 1803 г. по 1806 г. значится лекарств, отпущенных вообще

в больницу, на следующие суммы: в 1803 г. за январскую треть 120 руб. 86 коп., за майскую 113 руб. 67 коп., за сентябрьскую 107 руб. 97 коп., в 1804 г. за январскую треть 124 руб. 55 коп., за майскую 154 руб. 80 коп., за сентябрьскую 161 руб. 35, в 1805 г. за январскую 147 руб. 49 коп., за майскую 130¹ руб. 5 коп., за сентябрьскую 221 руб. 66 коп.; в 1806 за январскую и прочие трети для больницы и воспитательного дома вместе показано расходов на 612 руб. 84 коп. Кроме военных команд в больницу с платою принимались все дворовые люди с предписанием смотрителю больницы, чтобы он рапортовал, «сколько времени тот или другой из них пробудет в больнице до своего выздоровления, сколько на него употребится порций и медикаментов и на какую сумму для взыскания за него с кого следовало», причём не всегда соблюдалось положение взыскивать в больных вперёд за месяц, но большею частью известная сумма взыскивалась впоследствии. Принимаемые за лечение больных деньги записывались на приход в число капитальной суммы, приобретённой приказом, хотя она в то же время тратилась на порции и медикаменты для других больных, лечимых без платы, и шла на жалованье служащим при больнице. Плата за их содержание и лечение взималась в размере действительного расхода по этим статьям, для чего самым точным образом записывалось время поступления в больницу и выписка из неё, т. е. от кого, кто прислан, когда именно и какую болезнь заболел, с какого числа стал выздоравливать, сколько на него употреблено денег на порции и медикаменты. Обо всём этом должен был доносить приказу смотритель больницы для зависящих от приказа дальнейших распоряжений. Из журналов приказа от 20 апреля, 15 мая, 16 июля, 19 июля 1801 г. видно, что по распоряжениям его взыскивалось с помещиков за содержание и лечение именно дворовых людей за месяц вперёд по 8 руб. 17 коп. В случае чьей-либо смерти в больнице, как видно из рапорта смотрителя больницы от 29 мая 1801 г., взыскивалось также с помещиков за всё время пребывания в больнице принадлежавших им людей. Насколько была удовлетворительна Тульская больница в начале нынешнего столетия, об этом, между прочим, свидетельствовала ревизия г-на гражданско-

¹ В числе, показывающем рубли, последняя цифра неотчетлива. Вариант прочтения: 139. — Ред.

го губернатора в 1801 г. от 13 марта; по ревизии его оказалось, что «в больнице наблюдался тогда как за больными, так и во всем надлежащий порядок» и смотрителю её Богдановичу «за его усердие и особенное призрение его к больным прибавлено к получаемому им жалованью (150 руб.) ещё 50 руб.». В 1802 г. 3 ноября г-н гражданский губернатор объявил, что, так как по Высочайшему Учреждению о губерниях и штату, в нём напечатанному, при больнице назначен главный надзиратель, которого дотеле ещё не определено, а состоял при ней только один смотритель, исправляя его должность, то, желая по сей части установить лучшее устройство и порядок, находит способным быть главным надзирателем находящегося в сем приказе у прихода и расхода сумм титулярного советника Прокопорского, который и определён к сей должности с производством жалованья по 250 руб. в год, о чём и дан указ смотрителю больницы Богдановичу. Облечённый доверием губернатора, Прокопорский действительно привёл больницу в лучшее против прежнего устройство и порядок, как видно из дел приказа. После него в 1805 и 1806 г. дела по управлению больницею изменились. Из рапорта штаб-лекаря Андрея Пиняева, определённого главным надзирателем больницы с 23 августа 1806 г., видно, что в 1808 г. он собрал за пользование господских, экономических и других людей недоимок 309 руб. 45 коп., но немало недоимок оставалось ещё на людях ведомств Казённой палаты и Обер-форшмейстерской канцелярии*, с которых и просил взыскать эти недоимки по прилагаемой ведомости, именно, с разных ведомств 245 руб. 87 коп., с экономических крестьян 82 руб. 2 коп., с Обер-форшмейстерской канцелярии 112 руб. 70 коп., за ратников 48 руб. 27 коп. и рекрутов 297 руб. 89 коп. Недоимки эти в течении времени накопились не на тех больных, которые имели право лечиться в больнице бесплатно, как то, вышеозначенных отставных солдат, приказных, лиц духовного звания, увечных и престарелых, никому не принадлежащих людей, но на лицах состоятельных и принадлежащих к другим сословиям, которых, по положению, позволялось принимать в больницу с платой за их содержание и лечение. Правда, в больнице существовало правило — брать с больных деньги вперёд за месяц при самом поступлении в больницу, хоть бы иному больному и не пришлось быть месяца в больнице; но опыт показал стеснительность этой меры для больных, и приказ, имея всегда возможность взыскать недоимки с состоятель-

ных больных, содержал их и лечил на свой счёт впредь до выздоровления или до смерти, а после взыскивал за них накопившиеся недоимки. Таким образом, уже одним содержанием и лечением в долг, из любви к делам благотворительности, приказ обязывал больных к благодарности, чем и больница, устроенная на благо страждущего человечества, оправдывала своё назначение.

Что касается до другой больницы, построенной приказом в 1799 г. на проценты с ссудной суммы собственно для оружейников и на Оружейной стороне, то, хотя она была устроена со всеми принадлежностями и аптекою, хотя приказ определил было к ней главного надзирателя, бухгалтера и смотрителя, тем не менее она в начале нынешнего столетия, как и Оружейная школа, была устроена еще не вполне по причине возникших у приказа с Оружейным правлением споров о процентах с ссудной суммы и нерешенных в начале нынешнего столетия, а до решения этих споров приказ старался устроить Оружейную больницу с большими против прежнего удобствами, и больных оружейников принимал бесплатно в общую городскую больницу. Ещё в 1798 г. мая 26 здешняя Врачебная управа* представила в приказ копию с указа из Государственной Медицинской коллегии* о восстановлении и устройстве повсеместно госпиталей, где в 10 пункте примечаний сказано: «При больницах, если место позволяет, разводить сады». Поэтому приказ 1 апреля 1802 г. заключил контракт с оружейником Иваном Г. Зубовым о посадке плодового сада данными от казны рабочими людьми при больнице, зависящей от приказа и состоящей в тульской Зарецкой части*, за каждую сотню из посаженных различных плодовых деревьев по 20 руб. О бесплатном же содержании и лечении больных оружейников в общей Градской больнице мы находим ясное указание в журнале приказа от 30 июля 1803 г., где, между прочим, сказано, что «так как ссудная, пожалованная оружейникам сумма в числе 25 тыс. с процентами, по Высочайшему повелению, с 1780 г. должна обращаться в приказе на пользу разных заведений приказа, то в общей больнице все оружейники принимаются безотлагательно и пользуются лекарствами бесплатно», а потому в делах приказа в начале нынешнего столетия мы не находим ни журналов об Оружейной больнице, ни ведомостей о числе больных оружейников, ни свидетельствования сумм, словом, ничего, что бы доказывало открытие означенной больницы.

В делах приказа мы находим сведения об открытии в начале нынешнего столетия при Градской больнице такого отделения для больных, на которое нельзя не смотреть, как на плод глубокого сострадания к страждущему человечеству, как на свидетельство истинно христианского усердия к делам благотворительности, — разумею отделение при больнице, потом особый дом для умалишённых. Некоторые подробности о нём, думаем, не лишены своего рода интереса для разъяснения того, что уход за ними требовал истинно христианского человеколюбия, без которого, казалось, можно было бы потерять с ними всякое терпение, особенно при неоднократных побегах, делаемых сумасшедшими.

Лишённые ума поступали в больницу так же, как и обыкновенные больные — бедные бесплатно, а состоятельные с платою по 8 руб. 17 коп. в месяц, с тою лишь разницею, что обыкновенные больные поступали сюда без предварительных уведомлений со стороны подлежащих ведомств, а сумасшедшие при уведомлениях и рапортах или Губернского правления, или нижних земских судов. Так, в 1800 г. от 18 мая прислан был в больницу для лечения один сумасшедший, обвиняемый в поджоге, при уведомлении Губернского правления по решению Тульской палаты суда и расправы. Таким же образом прислан сюда и для той же цели 1801 г. от 14 мая другой больной Новосильского уезда села Пшева пономарь Николай Иванов, в припадках сумасшествия убивший собственную мать, за что, если бы совершил такое убийство в здравом уме, по силе указа 1754 г. сентября, подлежал бы смертной казни, в виду же дознанного Врачебною управою сумасшествия и в предотвращение того, как бы он ещё кому-либо не причинил зла, решено заключить его в дом умалишённых, для излечения и для лучшего над ним надзора. С 20 декабря того же года число больных в отделении умалишённых значительно увеличилось. Причина того заключалась в особом распоряжении Губернского правления, по указу которого от 18 ноября того же года велено всем нижним земским судам губернии, «буде окажется где в селении находящийся в сумасшествии, то таковых представлять чрез Нижний земский суд для отсылки в сей приказ». Более других и скорее всех воспользовался этим распоряжением Нижний земский Новосильский суд, который с той поры то и дело присылал в приказ умалишённых, но, по-видимому, без надлежащего разбора. При уве-

домлении от 15 января 1802 г. он прислал под караулом в сей приказ села Скородного казака В.С. Петелина, который «по временам (в декабре прошлого года) будто бы делался сумасшедшим, как то, в зимнее время скидал с себя рубашку и нагой бегал ночью по селению, производил крик от безумия и убил собственную свою лошадь обухом до смерти и, хотя по временам и редко приходил в здравый смысл, но чтобы он во временном повреждении ума не сделал жителям какого-либо вреда или закону противного поступка, оный суд и препроводил его в приказ для излечения в больнице»; когда же Петелин в приказе не только не признал себя сумасшедшим, но и не имеющим в себе никакой болезни, то послан для освидетельствования в больницу, где врач не признал его сумасшедшим, и потому Петелин опять возвращён был в Новосильский земской суд 5 февраля. Подобного же больного Новосильский земской суд прислал в декабре 1801 г. То был сын казака деревни Бездонной Сергей Фёдоров, который хотя был принят в больницу на излечение, но в конце января 1802 г. отец его подал в приказ просьбу, в которой прописывал, что «сын его, присланный в больницу под именем сумасшедшего, бывает одержим болезнью, по просторечию названною родимцем, каковая болезнь случалась с ним уже около 30 лет, и до заключения его в дом умалишенных ни от кого из селения просьб в присутственные места не было, чтобы он, сын его Сергей, в своем припадке кого-либо обидел», и потому приказ по просьбе отца и на его ответственность снова возвратил припадочного Сергея в родное его жилище. В другие времена Новосильский земской суд присылал в приказ под караулом действительно сумасшедших, и, между прочим, прислал одного из таких 22 декабря того же года — крестьянина Н.С. Мартьянова, который, подобно вышеозначенному пономарю, в припадках сумасшествия убил свою мачеху, и также подлежал бы смертной казни или жестокому наказанию кнутом и ссылкой; но так как оказалось, что он совершил это преступление в сумасшествии, в котором находился постоянно, то, чтобы он ещё не сделал кому-либо вреда, по решению уездного суда, определено заключить его в отделение умалишённых для лечения. Такой же действительно сумасшедший прислан сюда тем же Новосильским земским судом 28 декабря 1801 г. Это был крестьянин села Михайловского М. Осипов, который, однако ж, пробыл в больнице с 12 по 17 декабря и умер,

а по смерти похоронен на счёт его господина. К 17 февраля 1802 г. всех умалишённых в больнице осталось только 3 человека, и все они помещались вместе с обыкновенными больными, не обращая на себя внимание, как признанные больными неизлечимой болезнью. О ненормальности такого положения сумасшедших в больнице приказ заметил из рапорта смотрителя больницы, из которого видно, что штаб-лекарь Харахорин оставлял их без всякого внимания, не употреблял на них никаких лекарств и в присылаемом в больницу ежедневном реестре порций вовсе не назначал их сумасшедшим, а смотритель уже по своему человеколюбию давал им казённую порцию и бельё с прибором, также казённое, наряду с прочими больными из принимаемой на них суммы; но, чтобы не войти в противоречие с отчётами штаб-лекаря, смотритель просил приказ сделать о трёх сумасшедших в больнице и всех им подобных, имеющих поступать в неё, какое-либо особое распоряжение. Принимая во внимание, что один из трёх означенных выше сумасшедших прислан из Новосильского земского суда (Корней Максимов), а другие два (пономарь Николай Иванов и крестьянин Никита Мартинианов) из Губернского правления на содержание и лечение в доме умалишённых при больнице, а от приказа особого дома для них ещё не устроено, приказ решил, что они и должны оставаться на жительстве в больнице наравне с другими больными, так, однако ж, чтобы смотритель больницы отделил сумасшедших от других больных, содержал их пищую, принадлежащею их состоянию, показывая в ведомостях, какую именно употребляют они пищу, а для взыскания, с кого следует, издержек за всё время пребывания их в больнице, обязан доносить приказу по третям года. Таково было распоряжение приказа, которого смотритель больницы должен был держаться на будущее время по отношению ко всем умалишённым, какого бы звания, сословия и состояния они ни были. Всецело разделяя свои заботы о них с штаб-лекарем, он должен был одинаково заботиться обо всех, тем более о тех, кто вверялся особенному его попечению. В отделение умалишённых поступали по несчастным обстоятельствам лишившиеся ума священники и пономари, купцы и мещане, однодворцы и крестьяне. В июле 1803 г., по определению Тульской консистории, утверждённому Мефодием, епископом Тульским и Белевским, сюда поступил повреждённый в уме Тульского уезда села Грецова священник Иван

Иванов, по бедности своей на безмездное содержание и лечение, с тем, чтобы по излечении прислать его обратно в консисторию, и с просьбою к приказу приложить особое попечение об излечении его; просьба была уважена, больно́й отослан из приказа к смотрителю больницы и штаб-лекарю Пиняеву с поручением приложить особеннейшее старание об излечении его от сумасшествия, возвратить же его по излечении в консисторию не пришлось; в феврале следующего 1804 г. он был ещё в больнице и не видно, чтобы получал надежду на выздоровление; так как в это время отец больно́го Иванова священник же Алексинского уезда села Симонова Изан Михайлов по прошению брал его из больницы для богомолия сроком на две недели и потом опять представил его в больницу в прежнем виде. Такой же несчастный священник Епифанского уезда села Богоявленского Феофилакт Авдиев прислан был в больницу в 1807 г. по распоряжению консистории, с утверждения преосвященного Амвросия*, также с целью излечения, но также безуспешно. В марте того же года, по распоряжению же консистории, прислан был в приказ для помещения в больницу умалишённый пономарь села Горелок Тимофей Никифоров с просьбою содержать и лечить его, как неимущего, безденежно, и приказ не отказал в просьбе. Тогда же без взыскания денег принят был в больницу по просьбе диакона Николоржавской церкви Ивана Карпова сумасшедший сын его, приписанный в тульское мещанство. За содержание же и лечение умалишённых, имевших состояние, взыскивались деньги или по смерти их с помещиков, которым они принадлежали, как в декабре 1801 г., или при жизни их с родственников, которые в последующее время по прошению брали их из больницы, как было в январе 1802 г., или когда смотритель больницы, по истечении известного времени пребывания в ней больно́го, не находил в нём дальнейших сумасшествия и припадков и потому чрез приказ и чрез Нижний земский суд возвращал его обратно в вотчину, как было в августе 1803 г. В следующем 1804 г. число сумасшедших в больнице всё более и более увеличивалось: земские суды разных уездов присылали сюда своих больных, стараясь, как видно, освободить селения и общества от вреда, наносимого сумасшедшими. Но в то время, когда все здоровые так много заботились о здоровье больных, последние сами не осознавали своего нездоровья и бегали из больницы. Так, по донесению смотри-

теля Богдановича, крестьянин Корней Максимов, присланный из Новосильского нижнего земского суда в декабре 1801 г., убежал из больницы в апреле 1802 г. и более в неё не возвращался; по сему приказ решил предложить означенному земскому суду, чтобы он представил больного крестьянина в больницу, если только последний возвратился в вотчину своего господина. Особенно такие побегі стали делаться часто в 1808 г. В январе убежала отсюда одна крестьянская сумасшедшая жена Марфа Тимофеева; в апреле убежал отсюда бывший в сумасшествии коновал Василий Степанов; в июне тоже был побег сумасшедшей женщины, но она опять была возвращена в больницу; в сентябре один сумасшедший купеческий сын два раза был заключаем в здешний дом умалишённых, и хотя убежал было и в третий раз, но снова был пойман в Епифани, родном своём городе, по прошению отца его Степана Семилеткина, который старался отдать в дом умалишённых сына своего Ивана, «помешанного умом и обращающагося в воровстве и пьянстве не сообразно с человечеством», и во уважение его просьбы Епифанский магистрат в третий раз прислал сумасшедшего Семилеткина под крепким караулом и просил¹ приказ о крепчайшем надзоре. Несмотря, однако, на побегі сумасшедших, некоторые из них могли бы получать выздоровление от болезни, если бы пробыли в больнице побольше; так, в 1807 г. однодворец Матвей Артем. Данилов сначала было выздоровел, но скоро, по уведомлении Епифанского земского суда, опять оказался сумасшедшим, и потому приказ опять поместил его в дом умалишённых. Большинство сумасшедших принадлежало к крестьянскому сословию, как к мужскому, так и к женскому полу. Иные из сумасшедших действительно выздоравливали и «по выпользовании от болезни получали свободу», как, например, известно в 1804 г. о тульском мещанине С.Н. Гаврилове, присланном в приказ полицеймейстером при рапорте из Градской части; впрочем, кратковременное пребывание его в больнице (всего дня четыре) делает и выздоровление его сомнительным; скорее можно предполагать, что больной прислан в больницу без надлежащего освидетельствования его умственного повреждения и просто по недоразумению — вроде того, как в июне того же года тот же полицеймейстер прислал в больницу для излече-

¹ Исправлено из: прося. — Ред.

ния от сумасшествия одного отставного коллежского регистратора (Петра Безрукова), который «по прибытии в больницу, по свидетельству лекаря Пиняева, только по временам бывал подвержен помешательству единственно в случаях неумеренного употребления крепких напитков, в другое же время оказывался не имеющим никакой болезни и помешательства в уме, почему штаб-лекарь Пиняев не находил нужным употреблять на него лекарства и пищу казенная, и приказ отослал его к полицеймейстеру». Такие случаи бывали и прежде, когда под именем сумасшедших помещались в больницу припадочные (как, например, в январе и апреле 1802 г.), но как они в припадках никого не обижали и вреда обществу не наносили, то их приказ отдавал обратно тем, кто брал их на свою ответственность. В больнице же собственно оставались те умалишённые, которые наносили явный вред семействам и обществам и которых иначе не представлялось возможности лишить средств быть вредными для городов и селений. Но так как и в больнице не было для них особого дома, отдельного от общей больницы и нельзя было иметь над ними особо строгий надзор, от недостатка которого происходили неоднократные побеги сумасшедших из больницы, то приказ октября 28 1808 г. решил назначить для помещения сумасшедших один из трёх каменных больничных корпусов, разделив его на несколько отделений, соответственно различным родам сумасшествия. С той поры дом этот существует и доныне.

Смирительный дом

Говоря о смирительном доме, некоторые смешивали его с рабочим домом¹, а другие даже с острогом², на том, вероятно, основании, что в смирительном доме преступников иногда посылали на работы, как в рабочем доме, а в крайних, хотя редких, случаях заключали и на цепь, как в остроге. На самом же деле смирительный дом, как благотворительное заведение, состоял под ведением приказа и имел целью исправление преступника, тогда как рабочий дом не был в чис-

¹ 1800 г. 13 сентября и 1804 г. 9 июля.

² 1800 г. 19 мая и 20 августа.

ле богоугодных заведений приказа, но состоял под ведением полиции и устроен был для наказания преступников. Правда, в смирительном доме посылали их на работы, но опять для нравственного исправления, а не с тем, чтобы содержать их на заработанные деньги, тогда как в рабочем доме посылали их на работы не только с тем, чтобы заработать деньги и заработанными деньгами вознаградить других за сделанную преступниками кражу или уплатить сделанные ими долги, но и с тем, чтобы и содержать их на те же деньги. Вот что на этот счёт сказано в указе 1736 г. 19 июля: «Ежели должники долго задержаны не были, а употреблялись в работу, то бы всякий долг скорее уплатить, дабы, по освобождении, своего пропитания искать могли». В рассуждении установления рабочих домов приказ, по силе ст. 399 Высочайшего Учреждения об управлении губерний, обязан был только строго наблюдать, чтобы такое учреждение совершенно соответствовало тому намерению, для которого предписывалось заводить такие дома, а именно, чтобы работою доставить прокормление немущих*. Оттого для уплаты долга заработною платою в рабочем доме и для пропитания самого должника городской магистрат посылал его в приказ для помещения в рабочий дом и для заработка здесь должной суммы, а приказ отсылал его к тульскому городничему, в ведении которого находился рабочий дом, с тем, чтобы городничий, по зареботке должником известной суммы, прямо от себя пересылал его с деньгами в магистрат и проценты с денег обращал в пользу рабочего дома. С другой стороны, острог не был в ведении приказа, кроме времени постройки¹, и хотя в смирительном доме преступников лишали свободы, содержали их под строгим надзором, но никогда не заключали в кандалы, как в остроге, а был только один случай заключения на цепь в 1808 г. от 18 сентября, и вот по какому поводу: каширский мещанин Василий Лицкий прислан был к смотрителю дома штаб-лекарю Пиняеву для заключения в смирительный дом на три года за неповиновение родителям. Когда же его стали посылать на работу, то он вдруг начал отговариваться от ней, представляя, что отец будто бы скоро опять возьмёт его из смирительного до-

¹ Постройка острога наравне со всеми общественными постройками лежала на ответственности приказа только в прошлом столетии (См. журнал 1789 г. декабря 21).

ма. Напрасно Пиняев уверял его, что без повеления приказа отпустить его никак нельзя; Лицкий не поверил тому, бросил работу, оделся и ушёл со двора. По распоряжению Пиняева, конечно, его удержали. Тогда он наговорил своему смотрителю много дерзостей, а против удерживавших его людей пришёл в такое раздражение, что грозил убить их топором, если бы он только попался ему в руки. Чтобы и действительно в злобе не произошло от него какого-либо несчастья, Пиняев нашёл себя вынужденным удержать его на всю ночь до утра цепью, в намерении утром представить его в приказ за упорство и усилие бежать с работы, как ослушника и опасного человека, к содержанию под стражею. Но намерению Пиняева не суждено было исполниться. Лицкий в ту же ночь убежал из смиренного дома с цепью и нигде потом уже не был найден. Тем дело и кончилось. Очевидно, происшествие это было исключительное и потому не могло служить возражением против благотворительного назначения смиренного дома.

Прежде, чем познакомимся мы с благотворительным назначением смиренного дома из журналов приказа, решим, на основании их, следующие вопросы: кто, кого и за что имел право заключать в смиренный дом?

По силе ст. 391 Высочайшего Учреждения об управлении губерний, «в смиренный дом не иначе должно было принимать на время, или навсегда, как по прошению родственников, помещиков или хозяев; родители, родственники, помещики и хозяева сами должны сосланных в смиренный дом содержать, без чего смиренный дом сосланных не принимает или принятых освобождает». Все, имевшие право заключать кого-либо в смиренный дом, должны были за утверждением своего права обращаться с просьбами в присутственные места, по приговорам которых кого-либо заключали в этот дом; помещики же и их управляющие за утверждением своего права относительно заключения крестьян могли не обращаться никуда. Потому все преступники поступали сюда то по приговору Тульского уголовного суда¹, то по приговору Тульского городского магистрата, утверждённому Уголовною палатою суда и расправы², то по

¹ 1801 г. 28 июля, 1802 г. 17 января.

² 1800 г. 9 июня, 1802 г. 27 мая.

приговору Тульского уездного суда¹, то по распоряжению Консисто-рии при уведомлении тульского городничего², то по просьбе како-нибудь настоятеля монастыря³, то по приговорам иногородних ма-гистратов: Епифанского⁴, Каширского⁵, Крапивинской городской ратуши⁶ и проч., то по приговорам иногородних нижних земских судов: Новосильского⁷, Епифанского⁸ и проч., то по распоряжению помещиков⁹ и их управляющих¹⁰, например, по распоряжению управляющего имениями графа А. Г. Бобринского¹¹, то по просьбе отца с утверждения губернатора¹², то по просьбе матери с утвержде-ния Губернского правления¹³ и проч. Все означенные лица и места, имевшие право заключать преступников в смирительный дом, могли также и освобождать их отсюда не только по истечении срока, но и до истечения его, по разным причинам, как то, по одиночеству, болезни жены, малолетству детей, оставшихся без призрения¹⁴, по причине рабочей поры для полевых работ¹⁵, особенно же по при-чине исправления преступников¹⁶. Если освобождали их по истече-нии срока, смотритель сообщал о том приказу для пересылки их в надлежащие места и для взыскания с них кормовых денег; в случае же освобождения их до срока и внесения денег вперёд, удерживались только деньги, следующие по расчёту за содержание их по пяти ко-пеек в день, а прочие возвращались по принадлежности под распис-

¹ 1804 г. 8 февраля, 1807 г. 18 октября.

² 1800 г. 7 и 20 июня.

³ 1804 г. 13 декабря.

⁴ 1803 г. октября 10.

⁵ 1800 г. 10 июля.

⁶ 1803 г. 7 декабря.

⁷ 1803 г. 10 октября.

⁸ 1804 г. апреля 16.

⁹ 1800 г. 21 июня.

¹⁰ 1804 г. июля 2.

¹¹ 1801 г. 8 января.

¹² Там же. 14 ноября.

¹³ 1800 г. 27 июня.

¹⁴ 1801 г. 1 марта.

¹⁵ Там же. 23 марта.

¹⁶ Там же. 20 декабря.

ку¹. Только в виде исключения, по особому распоряжению Высочайшей власти — по всемилостивейшему манифесту от 20 апреля 1801 г. 4 п. — разрешено «сделать свободными от суда и следствия всех находящихся под оными в разных местах и разного звания людей по делам, не заключающим в себе смертоубийства, разбоя и лихоимства»; и под этот манифест подведён венёвский мещанин Борис П. Хирин, заключённый было в смирительный дом с 6 марта того года и освобождённый отсюда 4 ноября, значит, за пять месяцев до истечения полного года.

Кого именно можно было заключать в смирительный дом, ясно определялось той же 391 ст.² Высочайшего Учреждения об управлении губерний, где позволено «принимать в смирительный дом людей непотребного, неистоваго и соблазнительнаго жития, наносящих обществу стыд и позор». Следственно, в силу означенного закона сюда принимались преступники всякого звания, состояния и обоего пола. И кого, кого там не бывало в разные и одни и те же времена! Там бывали и дворяне, забывшие честь и достоинство своего звания³, и дворовые люди⁴, и крепостные крестьяне⁵. Там бывали и лишённые сана священники⁶, монастырские⁷ и архиерейские служители⁸. Там бывали купцы⁹ и купеческие дети¹⁰, мещане¹¹, ямщики¹² и однодворцы¹³. Там бывали подпоручики¹⁴, унтер-офицеры¹⁵ и простые солдаты¹⁶. Там бывали и женщины всякого

¹ Там же. 1 марта, 9 октября и проч.

² Исправлено по смыслу из: тем же 391 п. — *Ред.*

³ 1804 г. 21 июля.

⁴ Там же. 16 февраля.

⁵ 1804 г. 12 июня.

⁶ 1800 г. 2 июня.

⁷ 1803 г. 13 декабря.

⁸ Там же. 10 октября.

⁹ 1808 г. 27 ноября.

¹⁰ 1800 г. 8 октября.

¹¹ Там же. 11 сентября.

¹² 1802 г. мая 8.

¹³ 1804 г. 24 марта.

¹⁴ 1800 г. 12 ноября.

¹⁵ Там же. 4 октября.

¹⁶ Там же. 27 июня.

звания и состояния¹, особенно вдовы и жёны простых солдат². После сего можно представить себе, сколь разнообразно было это общество жителей смирительного дома по той общественной среде, из которой оно сюда прибывало! И всё это разносословное общество являлось сюда на разнообразные сроки, на более или менее короткое время, отчего ни в какой месяц нельзя было показать определённого числа его, и смотрители дома действительно не подавали приказу ведомостей о числе его жителей. Приказ, впрочем, и без ведомостей знал число жителей смирительного дома, а в отчётах о содержании их не имел нужды, так как они содержались на свой счёт, и сколько следовало с каждого из них кормовых денег в том случае, если они не вносились вперёд, нетрудно было учесть по окончании срока заключения. Но если бы кому пожелалось знать по журналам приказа подлинное число жителей этого дома, для статистики преступлений г. Тулы на данное время, то и тогда подлинная перечень их была бы бесполезна в виду того, что сюда заключали не всех преступников, а только немногих, выходявших из ряда обыкновенных, тогда как другие, совершивши те же преступления, оставались по разным причинам в своих обществах, не возбуждая против себя преследований.

Спрашивается: за что или за какие проступки заключали в смирительный дом? Проступки, за которые заключали сюда, не были уголовными, подвергавшими заключению в тюрьму и острог, но проступки, наносящие обществу стыд и позор, нарушающие счастье и даже спокойствие семейств. Трудно перечислить все преступления, за которые редкий день не заключали людей в смирительный дом, но большею частью это были преступления против обязанностей к родителям, супругам, к общине, особенно во времена крепостного права — против власти помещиков и их управляющих. Вот, между прочим, пороки, подвергавшие виновных к заключению в смирительный дом: непослушание и непочтение к родителям³, грубости и неповиновение к помещикам⁴, побег из вотчины и распутное житие⁵,

¹ 1802 г. 17 января, 17 февраля.

² 1807 г. 18 октября.

³ 1800 г. 20 июня.

⁴ Там же. 20 января, 18 февраля.

⁵ Там же. 7 июня.

самовольная без паспорта из города отлучка и неплатёж государственных податей¹, самовольная отлучка детей из дома, распутство и мотовство, соединённые с непочтением к родителям², бесчиние и вообще поведение, противное добронравию и благочинию³, пьянство, угроза поджогами и развратная жизнь⁴, пьянство и леность к работе⁵, образ жизни, противный чести, бесстыдная и зазорная жизнь⁶, денежные долги, не оплачиваемые займодавцам⁷, вообще дурное поведение и постыдное ремесло⁸, распутное житие и пьянство⁹, кража, побег и неисправление ямских повинностей¹⁰, не позволенная отлучка из дома во время рабочей поры, грубости, непослушание¹¹, развратная жизнь¹², воровство¹³, «чинимое против всего общества неустройство, не укротимое буянство, раздоры и неплатеж накопившихся повинностей»¹⁴, вздорный и не покорный начальству характер¹⁵, не подтверждённое сознанием преступницы и не доказанное следствием убийство незаконнорожденного младенца¹⁶, умышленный поджог¹⁷, крайне безобразная и соблазнительная жизнь и неимение письменного вида¹⁸, сквернословие, грубости и пьянство¹⁹. Среди всего этого разнообразия пороков чаще всех встречаются распутство и пьянство, за которые то и дело заключали в смири-

¹ Там же. 9 июля.

² Там же. 21 июля.

³ Там же. 27 июня.

⁴ Там же.

⁵ Там же. 25 октября.

⁶ 1801 г. 3 января.

⁷ Там же. 22 марта.

⁸ 1802 г. 17 января.

⁹ Там же. Апреля 28.

¹⁰ Там же. 18 февраля.

¹¹ 1803 г. 10 октября.

¹² 1804 г. января 26.

¹³ Там же. 24 марта.

¹⁴ Там же. Марта 17.

¹⁵ Там же. 13 декабря.

¹⁶ 1807 г. октября 18.

¹⁷ 1808 г. 4 августа.

¹⁸ Там же. 27 ноября.

¹⁹ Там же. 8 июля.

тельный дом; но и другие пороки повторялись и там, и здесь и из года в год.

Цель, с какою заключали сюда столь разнословное общество преступников и с столь разнообразными пороками, была истинно благотворительная. Не из каких-либо других видов, но только из видов благотворительности, приказ давал каждому из них даровое помещение, отопление, освещение и все возможные удобства жизни. Каждого из них заключали здесь, «дондеже исправится», или иначе, «пока не придёт в надлежащее по званию своему исправление, пока не придёт в сознание своей виновности, не почувствует своего дурного поведения и не приведет себя на будущее время в лучшее состояние». Значит, приказ и общество, помещая преступников в смиренный дом, смотрели на них не как на отчаянных, неисправимых злодеев, для которых потеряна надежда на исправление, но как на людей, одержимых нравственными недугами, для которых возможно раскаяние или перемена худого образа жизни на хороший. Независимо от места заключения, от них требовалось собственное, свободное самоисправление, расположение себя к полному, искреннему и чистосердечному раскаянию. Но одно помещение в смиренном доме едва ли бы достигало цели, если бы не было за ними особого надзора. Здесь приходилось вести борьбу с тою средою, где жил преступник, приходилось вырывать из него корни, которые она пустила в него, чтобы возвратит его на путь добродетели — задача, не лёгкая для всякого исправительного заведения! Потому смотрителю дома смирения вменялось в обязанность никого из заключённых в нём от себя не отлучать, пьяных не допускать пьянствовать, в ленивых не поддерживать лености, но упражнять их в работах и всех вообще удерживать от беспорядков¹. Там, где были бессильны любовь и уважение к долгу, советы, увещания и убеждения, оказывались успешными угрозы продолжительного заключения, лишение свободы в действиях, невозможность совершать прежние проступки, особенно физическая работа. Влияние труда на быт и нравственность преступников благотворно в том отношении, что он наполняет праздную жизнь их, сосредоточивает их незанятое воображение на предметах определённых, упражняет их силы и образует в них привычки к пра-

¹ 1802 г. 18 февраля.

вильным занятиям. Не менее благотворное влияние оказывали на преступников и угрозы продолжительного заключения в смирительном доме. Для доказательства, вместо умозрений, приведём факт. В ноябре 1800 г. подпоручик Фёдор С. Лихарев за самовольные действия против имени Лопухиной, за драку с крестьянином Иваном Матвеевым и за дерзости против исправника на основании Военного артикула 3 главы 34 п. приговорён Тульской палатою суда и расправы к заключению в смирительный дом* на семь дней, и, по прошествии времени заключения, велено подтвердить ему с подпискою, чтобы он «впредь на подобные поступки не отваживался под опасением вящшаго по законам наказания». Угроза эта, хотя была высказана в общей форме, возымела своё действие. В последствии времени подпоручик Лихарев уже не доводил себя до заключения в смирительный дом. Не все, конечно, подобно ему, исправлялись. Одного не раз заключали в рабочий и смирительный дом, а он всё же не исправлялся¹. Другой не только не исправлялся, но и убегал от работ и из смирительного дома². Тем не менее, некоторые исправлялись от прежних беспорядков и даже от пьянства³, бывали случаи исправления в непочтительности к родителям. Так, в декабре 1800 г. тульский купец Иван А. Шапошников принёс жалобу на родного своего сына Максима и жену его Елену, обвиняя их в непочтении к нему и неповиновении, за что они, с согласия губернатора, заключены были в смирительный дом с 14 ноября на один месяц. Но когда оканчивался срок заключения их, отец заметил, что сын его с женою не только не хотели признаться в своих погрешностях, но и хвастались, что оплатят ему каким-либо злом, в отвращение которого и для приведения их в сознание своей виновности, отец опять просил оставить их в смирительном доме ещё на месяц. Между тем приближался праздник Рождества Христова, и в виду его обвиняемые в непочтительности принесли своему отцу чистое, по выражению его, раскаяние с обещанием впредь не делать против него никаких грубостей и непослушания, за что он и простил их 24 декабря. Такие случаи исправления были не единственные в своём роде

¹ 1800 г. 28 июля.

² 1808 г. 18 сентября.

³ 1800 г. октября 9.

и не исключительные, хотя, может быть, и редкие; ими то смиренный дом и внушал к себе доверие в семейной и общественной жизни; ими и оправдывалось его назначение, как благотворительного заведения.

Богадельни

В заключение наших очерков сделаем несколько замечаний на счёт богаделен, бывших под ведением Тульского приказа общественного призрения. При учреждении приказов в прошлом столетии все богоугодные заведения, в том числе и богадельни, из ведомства полиции поступили в ведение приказов под главным управлением губернаторов. Так было и в Туле, где все богадельни, большею частью основанные при церквях, в сущности оставаясь церковными¹, по внешности долгое время находились под ведением приказа, имевшего обязанность заведовать престарелыми, увечными и больными, которые не в состоянии были кормиться своим трудом, и о которых никто, кроме его, не мог иметь попечения. Между тем ещё под конец прошлого столетия оказалось, что никто в свете, тем более приказ, не в силах обеспечить их всех собственными средствами, и в сентябре 1798 г. в ведении его осталась лишь одна мужская богадельня, под именем общественной богадельни, при церкви Всех Святых, а в 1800 г. и она отошла опять, как было прежде, в ведомство Тульской градской полиции, с чем вместе прекратились и прежние отношения приказа к богадельням. Вследствие чего, когда в 1800 г. Тульское губернское правление, вероятно, не получившее ещё сведений об отчислении богаделен в ведомство полиции, препроводило в приказ для зачисления в богадельню здешней губернии отставных нижних чинов 11 человек, то приказ отвечал, что их следует поместить в кладбищенскую богадельню*, отошедшую в ведомство тульского городничего. Равным образом, когда в ноябре 1803 г., по решению Одоевского уездного суда, последовавшему на указ Тульской уголовной палаты, некоторые крестьяне, по ст. 387 Высочайшего Учреждения об уп-

¹ Самое слово существительное *Богадельня* произошло от церковнославянского прилагательного *богадельнь* — священный, церковный (Буслаев*).

равлении губерний, присланы были тоже в приказ для помещения их в богадельню, то по справкам оказалось, что все состоявшие в г. Туле богадельни с 1800 г. отошли в ведомство градской полиции и потому присланные в приказ крестьяне отосланы отсюда к тульскому полицеймейстеру. Ясно, что прежние отношения приказа к богадельням заменились отношениями к ним полиции.

**ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ
И АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ
И СОЦИАЛЬНОГО ПРИЗРЕНИЯ**

*** * ***

ЗАМЕТКИ

О благотворительных учреждениях нашего времени

Благотворительность в прошлом 1862 г. не раз была занимательным предметом литературного обсуждения: «Православное обозрение» за ноябрь прошлого года в статье «О благотворительности в первые времена христианства» раскрывает те начала, из каких выходила благотворительность христианского общества первых веков и те формы, в каких она проявлялась и действовала. Мы, впрочем, не можем приводить, вместе с автором статьи много мест из сочинений отцов и писателей церкви, где изображается общение любви, господствовавшее между христианами, как дело благотворительности, произведённое христианством, не будем приводить и рассуждений автора о так называемых агапах, или вечерях любви, посредством которых христиане помогали бедным. Но «мы должны, — говорит «Православное обозрение», — обратить внимание на то значение, какое имели для цели общественной благотворительности христианские посты... Все проповеди, произносимые постом в первые века, суть проповеди «о благотворительности и о благодарении Богу». «Бог дал вам урожай на ваших нивах и виноградниках, — говорит Лев Великий* по случаю уборки плодов, — Он благословил ваши труды для того, чтобы вы помогали тем, кои ничего не получили от своих, чтобы и они и вы благословили Бога за плодородие земли. Он хотел, чтобы в этот десятый месяц был пост для того, чтобы каждый был воздержан для себя и щедр для братии». «Не забудем, — говорит св. Амвросий*, — питать наших братий тем, что пост сбере-

жёт из нашей пищи», Кроме того, «потребности христианской благотворительности положили начало церковным имуществам в пользу бедных, и затем достаточные люди после своей смерти оставляли значительные дары для дел благотворительности...». «Обладая большими средствами, церковь имела возможность устраивать и содержать много заведений для благотворительных целей...». «Попечительность церкви о всех, имевших нужду в помощи, располагала благотворительных людей соревноваться в пожертвованиях...»¹. Наконец, — говорит «Православное обозрение», — мы должны указать на одно явление, важное в истории древней христианской благотворительности: это полное отречение от собственности в монашестве! Таковы главные мысли статьи «Православного обозрения» о благотворительности в первые времена святой церкви! Что касается до благотворительности в наше время и в нашем отечестве, то газета «День», в противоположность излишней официальности и одним только утилитарным побуждениям в деле христианского милосердия к бедным в нескольких статьях прошлого года защищает «право, свободу и достоинство личного милосердия». Так, в последнем номере прошлого года «День» о благотворительности, между прочим, выражается так: «Никто не помешает нам собираться в общество, отыскивать нищих, давать им работу, действовать на нравственность человека, но ничуть не должно ставить в обязанность человеку подавлять сердечные влечения и заменять милосердие жестокосердием. Много очень ратуют теперь против грошовой милостыни, но если я не в состоянии дать больше, что же мне делать? Кто обильнее всех на подаяние грошовой милостыни? Наш народ, или почти такие же бедняки, как сами эти нищие. Так на эту-то грошовую милостыню нападают критики! Но если я в состоянии помочь не грошом, я помогаю. Если же я не могу дать больше гроша, то должен ли отказать человеку, протягивающему руку с надеждою на помощь?»²... Нет, «отказать просящему — не позволяют человеку не только христианские обязанности, но и гуманность».

¹ Начало цитаты не обозначено. Указано нами предположительно. — Ред.

² Закрывающие цитату кавычки отсутствуют. Поставлены предположительно. — Ред.

З А М Ъ Т К И.

*О благотворительныхъ учрежденіяхъ нашего
времени.*

Благотворительность, въ прошломъ 1862 г., не разъ быма занимательнымъ предметомъ литературнаго обсужденія: «Православное обозрѣніе» за Ноябрь прошлаго года въ статьѣ: «о благотворительности въ первые времена христіанства,» раскрываетъ тѣ начала, изъ какихъ выходила благотворительность христіанскаго общества первыхъ вѣковъ и тѣ формы, въ какихъ она проявлялась и дѣйствовала. Мы, впрочемъ, не можемъ приводить, вмѣстѣ съ авторомъ статьи, много мѣстъ изъ сочиненій отцевъ и писателей церкви, гдѣ изображается общеніе любви, господствовавшее между христіанами, какъ дѣло благотворительности, произведенное христіанствомъ, не будемъ приводить и разсужденій автора о такъ называемыхъ агапахъ, или вечерахъ любви, посредствомъ которыхъ христіане помогали бѣднымъ. Но, «мы должны, говорить» Православное Обозрѣніе,» обратить вниманіе на то значеніе, какое имѣли для цѣли общественной благотворительности Христіанскіе посты... Всѣ проповѣди, произносимыя по томъ въ первые вѣка, суть пропо-

Одно из самых действительных средств помочь бедным — это приюты. «Северная пчела» в № 327 за 1862 год вот что говорит об этом предмете: «У нас в России лживых нищих более 80%, и для помощи истинно погибавшим в настоящее время более, нежели когда-нибудь, можно сделать истинно благодетельное дело призрения неимущих, вменивши в обязанность всем волостным управлениям* иметь при селах приюты убогих под надзором гг. посредников*, священников и волостных голов*. Для снабжения средствами этих приютов нужно бы выбрать по каждой волости одного из зажиточных людей в казначеи, с тем, чтобы он за свою ответственность посылал по волости раз или два в неделю за сбором с кружкою; а чтобы приохотить убогих жить в приютах, то не давать им видов для проживания в прочих местах». Нет сомнения, что эта мера относительно убогих, приведённая в исполнение, была бы одним из самых важных средств к уменьшению нищенства, особенно в больших городах, где и без сельских бедных есть много своих нищих. Случаи, порождающие здесь нищих, самые разнообразные: внезапная потеря имущества, тяжкая болезнь, раннее круглое сиротство и бездомовство. Все эти случаи, правда, могут быть и в сёлах, но не обязана ли каждая община смотреть на благосостояние своих членов, как на своё собственное благосостояние, что бедный человек общины подрывает оное и ему потому надобно помочь, чтобы, поправившись, он мог жить, так сказать, не мешая другим? Чтобы убедить в этом волостные правления, «Северная пчела» говорит: «Есть у нас название «погибший», и за спасение таких от смерти при утопании, от огня и многих смертных случаев правительство награждает знаками отличия. Но кто более заслуживает от неба награды: тот ли, кто спасает одного от смерти, или кто возвратит нравственные начала подобному себе человеку и удержит его от проступка — торговать именем своего искупителя — Господа?»...

В отчёте Комитета, Высочайше утверждённого для разбора и призрения нищих*, в № 181 «Северной почты» за прошлый год, между прочим, сказано: «До обнаружения положений 19 февраля* призрение крепостных людей, пришедших в невозможность кормиться работою, и недопущение их до нищенства лежало на обязанности помещиков; а теперь обязанность эта возложена на общественное крестьян-

ское управление. Средством для сего служат, с одной стороны, меры общественного призрения бедных, не способных доставлять себе пропитание собственным трудом, с другой, меры взыскания, которым могут быть подвергаемы те из временнообязанных крестьян, кои уличены будут в прощении нищенским образом милостыни по лени, привычке к праздности или даже в виде ремесла. Обсуждение мер, которые необходимо принять для призрения действительно бедных и немощных, подлежит ведению сельского* и волостного сходов*. Наблюдение за тем, чтобы не произошло нищенства по тунеядству, возлагается на волостных старшин* и сельских старост*, которые обязаны вообще наблюдать за сохранением порядка и которые, по закону, подвергаются ответственности, в случае выдачи паспортов таким лицам, которые не могут доставить себе пропитание собственными трудами».

Всё это, в исполнение Высочайше утверждённого положения Главного комитета об устройстве сельского состояния*, сообщено циркулярно начальникам губерний для надлежащего исполнения. Но неизвестно, приводятся ли в исполнение меры общественного призрения бедных сельскими и волостными сходами и строятся ли ими приюты для убогих. По крайней мере, «узаконения, воспрепятствующие нищенству, поставляются теперь на вид вновь образованным волостным управлениям и сельским обществам временнообязанных крестьян».

Богадельни в г. Туле

Пока волостные управления и сельские общества временнообязанных крестьян, сколько нам известно, ещё не успели устроить приюты для нищих и убогих, а между тем немаловажные образцы для сих в этом отношении представляют издавна существующие в нашей епархии богадельни для бедных лиц обоого пола. Мы не имеем в виду говорить о всех таких приютах для бедных в разных городах нашей епархии. Скажем только несколько слов о богадельнях, находящихся при тульских церквах¹, равно о тех приютах для бедных, которые су-

¹ В № 3 «Современной летописи» М. В. за 1863-й г. помещена статья под названием «Христарадники», направленная против ложных нищих, но, по-

ществуют в Туле независимо от церквей. Те и другие приюты послужат наглядным доказательством деятельного участия тульского общества в судьбе меньшей братии о Христе.

1) В г. Туле находится весьма замечательный по удобству и обширности помещения дом призрения престарелых, убогих и увечных; — и устроен князем Голицыным¹, бывшим тульским губернатором в 1841-м году². * и известен в нашем городе под именем богадельни. Теперь в нём призревается старцев мужского пола 22, а женщин 60 человек. При нём же находится и церковь, где беспомощная старость находит духовное утешение и молитвами благословляет имена благотворителей. Содержание дома и церкви вполне обеспечено уже одними операциями Александринского банка*. Ежегодные отчёты его не оставляют в этом никакого сомнения. Известно, что основного капитала для принимаемых в богадельню и на расходы по церкви её хранится в кредитных учреждениях 26 тысяч руб. серебром. К получаемым с этой суммы (голицынской) процентам уделяется на те же предметы из процентов с капиталов Товарищества Александринского банка до четырёх тысяч рублей серебром. Но, кроме того, бывают ещё и ежегодные пожертвования в пользу дома и церкви. Каждый из двух старшин, служащих при церкви, ежегодно вносит в неё по 300 руб. серебром. Причт церкви состоит на жалованьи. Священник получает в год 221 руб. 40 коп., диакон 108 руб., пономарь 72 руб. сер.

2) При Николаевской церкви, что за валом, иждивением церковного старосты мещанина Евфимия А. Неглинского в 1851 и 1856 годах выстроен каменный двухэтажный дом с таким же флигелем вместо бывшей одноэтажной богадельни. Нижний этаж одного дома на-

видимому, не отличающая от них истинно бедных. «Христарадники, говорится в ней, разделяют себя на храмовников, церковников тож, на сидячек и кусочников. Храмовники обыкновенно толкутся на паперти во всякое время, когда только появляется народ в церкви: заутреня, обедня ли идет, крестят, хоронят ли кого, свадьба ли приехала, они уж тут как тут и голосят без умолку, прося подаюния...; некоторые из них даже и квартирами-то пользуются бесплатно христаради, как, например, богаделенки при некоторых церквах». Это в Москве, но у нас не совсем так. Наши храмовники ходят в церковь наравне со всеми православными, как и в Москве, но при крестинах редко, а при свадьбах и вовсе не бывают.

¹ В оригинале: Галицыным. — Ред.

² «Губернские ведомости». 1859 г. № 5.

значен собственно для богадельни, а верхний этаж и весь другой дом для отдачи в наймы в пользу церкви, причта и богадельных бедных. В разных отделениях богадельни теперь помещается 20 человек обоего пола (5 мужчин и 15 женщин). Сначала эта богадельня по желанию строителя назначалась вообще для бедных и бесприютных. Но в прошлом 1862 г., вследствие прошения вдовы одного священника о помещении её в какую-нибудь градскую богадельню, состоялся указ консистории, по которому эта, а не другая какая-либо богадельня, признана самою удобною для помещения в ней бедных духовного звания; строитель её изъявил готовность помещать и уже поместил в ней из духовных два лица женского пола и одно мужское. Посему духовное начальство распорядилось впредь «помещать в Николозавальской богадельне те лица духовнаго звания, кои будут просить об отдельном от родственников призрении, или коих начальство признает за нужное поместить в богадельню, но при этом на содержание каждаго таковаго лица назначать из сумм попечительства, по разсуждению онаго, достаточное пособие»¹.

Другие тульские богадельни при церквях не имеют обеспечения и значения предыдущих двух, но в них, по крайней мере, находят кров и приют немало бесприютных бедных, которых уже потому, что они живут в необеспеченных почти ничем богадельнях, нельзя отнести к числу праздношатающихся нищих по ремеслу. Так:

3) При Успенской церкви в Павшинской слободе есть каменная богадельня и в ней живут теперь 12 человек мужского пола*.

4) При Петропавловской церкви — деревянная с 6 человеками мужского пола.

5) При Всесвятской кладбищенской церкви недавно выстроена также деревянная на 10 человек мужского пола.

6) При Христорождественской Зарецкой церкви каменная богадельня построена ещё в прошлом столетии или заводчиками Демидовыми, или Баташевыми на 10 человек, сгоревшая в пожар конца прошлого столетия; она, после хотя и поправлена, но осталась сырою и холодною, отчего в ней с немалым трудом живут лишь 8 человек женского пола.

¹ Указ консистории. 1862. № 8996.

7) При Вознесенской церкви есть также каменная богадельня с двумя отделениями, впрочем, довольно ветхая снаружи и бедная внутри. Сначала, в 1754 г., она была назначена для лиц мужского пола¹. Но как прежде жили, так и теперь живут в ней одни бедные женщины. Теперь их всего 6 человек. Все они, как и все бедные предыдущих богаделен, на содержание своё не получают никакого оклада, пропитываются своими трудами и милостынею.

8) При Богородице-Рождественской, или Пречистенской, церкви каменная богадельня, покрытая железом, выстроена вместе с церковью в начале нынешнего столетия на церковной земле (на 16 человек женского пола). Теперь в ней всего 10 человек. Кроме милостыни на содержание своё они получают проценты с 100 руб. серебром, внесённых в Александринский банк г-жою Анной Кандидовою в 1858 году.

9) При Святодуховской церкви, или Георгиевской, что на Хопре*, издавна существовала каменная богадельня, в которой совершалось богослужение при постройке теперешней церкви. После построения церкви прихожане сломали каменную богадельню и думали перенести её в другое место, чтобы не стеснять церкви², но мысль их осуществилась только в настоящее время. Теперь усердием прихожан для Георгиевской богадельни выстроен каменный двухэтажный дом с значительными удобствами помещения. По окончательной отделке его вполне определится, на сколько лиц он выстроен, и какие лица будут иметь право жить в нём.

К числу приютов для бедных, находящихся вдали от церкви, можно отнести дом трудящихся, существующий в Туле с 1857 года. Здесь особенным комитетом от городского общества кроме старых бедных нищих призываются дети, взятые из самых бедных классов, большею частью с улицы. Они обучаются домашнему хозяйству, могут сами приготовить для себя всё необходимое, а в свободное от занятий по домашнему хозяйству время получают достаточные сведения в чтении, письме и счетоводстве. «Можно сказать, что это заведение, — как писали в № 19 «Губернских ведомостей» за 1860 г., — обязано своим успехом Всемиловитейшему воззрению Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Александр-

¹ Консistorский архив. 1754. № 14.

² См. Консistorский архив. 1757 июля 23.

ровны^{*}. В 1858 г. Ея Императорскому Величеству благоугодно было поместить сюда одну сироту на свое иждивение». С тех пор обеспечение дома трудящихся год от году улучшается и увеличивается, как видно из отчётов его за 1859, 1860 г. и проч., помещённых в «Губернских ведомостях».

Кроме того, оружейное общество имеет Михайловский дом призрения — свою богадельню и приют, где призрываются бедные старцы и воспитываются также бедные дети оружейников.

Наконец, по завещанию тульского купца Ивана Игнатова Петрова (†1857 г.) каменный дом его на Никитской улице со временем тоже должен быть обращён в богадельню для бедных, престарелых и увечных, под именем «Богадельни купца Петрова». На содержание этой будущей богадельни определены проценты с 30 тысяч руб. серебром^{*}.

Двадцатипятилетие Комитета нищих в Санкт-Петербурге

Размеры нашей тульской провинциальной благотворительности, едва достаточные сами по себе, конечно, мало идут в сравнение с благотворительностью столиц. Действия столичных комитетов несравненно более разнообразны, многосложны и полезны для общественной жизни. Так, 4-го ноября прошлого года в С.-Петербурге исполнилось двадцатипятилетие существования Комитета, Высочайше утверждённого там для разбора и призрения нищих. По этому поводу в № 259 «Северной почты», обозначив кратко историю комитета с 1837 г., пишут: «Нищие при устройстве их участи делятся на четыре разряда. К первому причисляются те из них, кои впали в убожество от стечения несчастных обстоятельств, сиротства, старости, дряхлости и болезней и кои, по состоянию своего здоровья, не могут уже собственными трудами снискивать себе пропитания. Ко второму разряду относятся те нищие, кои, по сиротству, временной болезни и другим несчастьям пришли в нищету; по летам же и крепости сил могли и желали бы еще собственными трудами приобретать себе пропитание, но не имеют ни случаев, ни способов к работе и занятиям. К третьему разряду причисляются те нищие, кои по летам, состоянию здоровья и сил, хотя и могли бы трудиться, но по лености, привычке к праздности и дурному своему поведению бродяжничают, составив

Кузовлевская богадельня в Туле

Здание, пожертвованное заводладельцем А.Р. Баташевым для размещения в нем Тульского Александровского училища для детей малоимущих дворян

себе из прошения род ремесла. К четвертому разряду относятся такие нищие, кои временно и случайно впали в нищенство от стечения непредвиденных несчастных обстоятельств, т. е. люди, по болезни, безграмотству и другим подобным причинам лишившиеся возможности содержать себя, и люди, находящиеся в отдаленности от домов своих, и лишившиеся от болезней денег и мест...»¹. Со времени открытия действий комитета представлено было полициею к разбору оногo нищих 41875 человек обоего пола, и все они по вышеозначенным категориям распределены были самым благотворительным образом, так что к 1862 г. в Доме призрения нищих разного звания людей находилось только всего 214 человек, и столица более или менее предохранена от наплыва нищих, и тем немало предупреждено увеличение преступлений. Наличное число нищих в С.-Петербурге помещается в каменном двухэтажном доме с садом и домашнею церковию. На обязанности священника при доме нищих лежит назидание призренных в правилах веры и христианского терпения с внушением могущим трудиться, чтобы, гнушаясь праздности, они снискивали пропитание честным трудом. Средства Комитета нищих следующие: «сверх отпускаемых из Государственного казначейства 2785 руб. и из городских доходов по 14285 руб. ежегодно, поступило пожертвований от разных лиц в течении 25 лет всего 193139 руб. 63 коп.».

Комитет нищих в г. Туле

Тульский комитет нищих, основанный в 1850 г., состоит при доме трудящихся. Членами его предназначались из граждан высшие правительственные лица светские и духовные, но есть между служащими в комитете и почётные из купечества. Средства комитета по сравнению с средствами других подобных комитетов не слишком велики, но достаточно обозначают попечение его о нищих. Из отчётов, помещённых в № 281 «Северной почты» за прошлый год, видно, например, что в 1861 г. Тульский комитет 13 больных нищих поместил для излечения в Градскую больницу; 17 иногородним лицам оказал пособие для возвращения на родину; 5 старым и слабым нищим назначил пособие; 20 вдовам чиновников, 3 отставным чиновникам, одному не-

¹ Конец цитаты не обозначен. Указан нами предположительно. — Ред.

служащему дворянину, 18 солдатским вдовам и 23 мещанам выдал в пособие 294 руб. Сверх сего, согласно воле благотворительницы вдовы Елены К. Кузовлевой, из процентов на пожертвованный ею капитал выдано на приданое вышедшим в замужество трем бедным девицам по 40 руб. каждой¹. Чтобы понять последнее из сих распоряжений комитета, надобно припомнить, что благотворительница Кузовлева, о которой шла речь в отчете, в 1853 г. в распоряжение означенного комитета пожертвовала на вечныя времена значительный капитал с тем, чтобы из процентов его ежегодно выдавать 3-м беднейшим девицам на замужество по 50 руб., в день Страстной Пятницы на выпуск одного, содержащегося за долги, 40 руб. и раздавать нищим и бедным в праздник Рождества Христова и Пасхи также 40 руб. Она же пожертвовала в 1859 г. в пользу дома трудящихся 1000 руб. Но, без сомнения, не одна благотворительница Кузовлева принимала живое и деятельное участие в увеличении средства комитета. В этом можно убедиться, читая «Губернские ведомости» за прошлые годы, где не раз заявлялась комитетом благодарность разным жертвователям. Впрочем, есть основание думать, что, может быть, ещё не все средства комитета приведены во всеобщую известность. По распоряжениям его в 1853 году учреждены были кружки по церквям для сбора пособий от доброхотных дателей. С того времени имеются в каждой церкви кружки за печатью комитета и ежемесячно относятся в комитет для высылки. Но сколько именно каждый раз высылалось из кружек, и как велик был сбор пособий в пользу нищих, это было неизвестно епархиальному ведомству до прошлого года; только в 1862 году, по отчётам консистории, суммы, собранной по кружкам в пользу нищих, оказалось всего 91 руб. Итак, по-видимому, средства комитета, хотя понемногу, но увеличиваются. Жаль только, что приходская благотворительность не видит у себя в церкви непосредственного применения действий Комитета нищих. Бедные по-прежнему толпятся в притворах церковных и, кажется, в самом городе нимало не уменьшаются, а ещё умножаются...

¹ Здесь в печатном тексте стоят открывающие цитату кавычки. Снимаем их, т.к. закрывающие отсутствуют. — Ред.

Не лучше ли вместо формальной или официальной помощи поручить бедных каждого прихода исключительно его попечению? Приход может знать своих бедных и найти средства помочь им. Приходская благотворительность может служить выражением той любви, с какою в первые времена все верующие относились друг к другу. Здесь больше, чем в безличном участии в судьбе других людей, возможно тёплое, сердечное внимание к нуждам бедных, промышленные о своих, паче же о домашних¹. * Вот почему в прошлом году Москва положила начало приходским благотворительным обществам, а в С.-Петербурге эти общества получили полный организованный вид! «Православное обозрение» за 1862 г. в №№ 4 и 6 извещало об учреждении двух попечительных советов для приходских бедных. Первый устроен в приходе Казанской церкви, что у Калужских ворот; второй при церкви Риз Положения, на Донской улице. Цель их — вспомоществование приходским бедным посредством добровольных пожертвований членов общества, состав — местный священник, церковный староста и выборные из прихожан по одному или по два из каждой улицы. Во втором из этих советов признано необходимым не только облегчать нужды бедности уже существующей, но и предотвращать развитие нищеты в будущем, посредством воспитания малолетних в бедных семействах. — Кроме того, в октябрьской книжке «Православное обозрение» сообщило к сведению известие о Петербургской благотворительной общине при Благовещенской, на Васильевском острове, церкви и тогда же заметило, что устав этой общины заслуживает особого внимания. В интересе подобных учреждений оно сочло не лишним сообщить и самый устав своим читателям². Главные его положения состоят в следующем: 1) Цель общества — «оказывать вспомоществование всем истинно бедным, отделяя истинную бедность от промышленного нищенства, происходящего от привычки к праздности и бродячей жизни. Общество оказывает помощь нуждающимся как денежными пособиями, так и деятельным участием в их положении, т. е. помещением в училища, мастерские, богадель-

¹ 1 Тим. 5: 8*.

² Декабрь.

ни, доставлением работы...». 2) Состав общества. «Оно состоит из членов: благотворителей, сотрудников, попечителей или распорядителей. Благотворители — это лица, изъявившие желание делать ежегодно денежные пожертвования в пользу приходских бедных. Члены сотрудники — лица, изъявившие желание оказывать помощь бедным личными своими трудами (врачи, ремесленники). Члены попечители — лица, принимающие на себя обязанность собирать сведения о бедных, удостоверяться в действительной нужде их...»¹. 3) Средства общества. «Кроме денежных пожертвований общество принимает пожертвования и вещами: одеждою, обувью, бельем, даже съестными припасами, дровами и вообще жизненными потребностями. Одни из этих пожертвований хранятся в особом помещении при церкви (одежда, белье и обувь), другие (припасы, дрова) поступают прямо от жертвователей в руки бедных, по назначению совета попечителей...». 4) Порядок действий общества. «Совет имеет общее собрание однажды в месяц; и совещания, и действия совета производятся без всяких письменных формальностей... Один из членов совета принимает на себя обязанности казначая и ведет приходо-расходную книгу, которая открыта во всякое время для прихожан. В конце года казначей составляет краткий отчет о действиях общества».

*По поводу вопроса о приходском призрении
бесприютных и нищих*

Уничтожение нищенства и призрение бедных могли бы состояться только при взаимном, дружном участии в истинной нищете и бедности со стороны местного духовенства и местного общества. В таком именно смысле рассматривается приходская благотворительность в «Воскресном чтении» и «Духе христианина». Автор статьи «Воскресного чтения», напечатанной в №№ 4 и 6 1862 г. под приведённым выше заглавием, сначала даёт понятие о нищенстве, как об одной из опаснейших язв нашего времени, требующих безотлагательного, деятельного и терпеливого врачевания, говорит, что огромная масса людей, потребляющих, но непродувающих, весьма вредна в полити-

¹ Конец цитаты в газетном тексте не отмечен. Указываем предположительно. — Ред.

ко-экономическом отношении, что нищенство — болезнь наследственная, идущая почти в правильной возрастающей прогрессии, что оно пользуется святым для нас именем меньшей братии Христа Спасителя, скрывая в себе, вопреки истинной бедности, праздность и лень, подтверждаемые фактами¹. Но потом автор так рассуждает: «Вопросом о нищенстве с той стороны, с какой мы теперь смотрим на него, до последнего времени занималась почти исключительно наша светская литература... Равным образом общественные учреждения и заведения, какие есть у нас доселе по делу о нищенстве, носили и носят на себе характер гражданский, административный, светский. Нельзя сказать, чтобы эта литературная работа и эти учреждения по вопросу о нищенстве не принесли никаких благих плодов; но что они далеко еще не достигли своей цели, в этом они сами охотно сознаются в своих отчетах и распоряжениях. При таком положении дела Комитет для разбора нищих нашел необходимым обратиться к православному духовенству и у него поискать участия и содействия в своем деле. В видах сокращения нищенства, он предлагает в отчете за 1860 год: просить епархиальное начальство, не будет ли поручено местному церковному духовенству (в С.-Петербурге), чтобы оно, по званию пастырей, делало внушения о вреде тунеядства тем из толпы нищих, кои, по своим летам и состоянию здоровья могли бы пропитывать себя честным трудом»². Так светская литература и общественные учреждения по вопросу о нищенстве, сознав свою недостаточность для цели, просят помощи у церковного ведомства³. «Мы надеемся, — говорит «Воскресное чтение», — что духовенство русское не останется глухим к этим требованиям нашего общества, что оно примет возлагаемые на него надежды не только к сведению, но и к сердцу». Что в этом деле необходимо дружное участие не одного общества, но и духовенства, это доказывает и «Дух христианина» в своей летописи за март 1861 и 1862 г. «Мы, — говорит он, — совершенно согласны с этим мнением» и думаем, что «самая общая форма духовно-общественных отношений во всей России — приходская. Приход — предста-

¹ См. № 17 «Сына отечества» и месяц март «Духа христианина» за 1862 г.

² См. «Северную почту» № 10.

³ В печатном тексте здесь стоят кавычки, закрывающие цитату, начало которой не обозначено. Не исключаем, что перед нами вообще не цитата, а авторский текст, кавычки же попали в набор по ошибке. — Ред.

витель местной общины в религиозном отношении; приходское духовенство — представитель местного духовного управления. Мы не знаем отношений ближе тех, какие существуют между приходским духовенством и прихожанами. Каждый приходской священник, обязанный входить в духовные и материальные нужды своих пасомых, более других людей знакомится с нуждами приходских бедняков, и по обязанности проникает даже в такие подвалы, углы и потолки, в которые никогда не проникает ничей сострадательный взор. Следовательно, если кому, то приходскому священнику чаще всех приходится слышать вопли и стоны истинной нищеты, нередко в наполненных водою подвалах влачащей тяжёлые дни свои. Эта нищета не слоняется по папертям церковным; потому что каждый церковный нищий имеет своего рода общее нищенское помещение. Эта нищета не обращается с просьбою ни к каким комитетам мужским и дамским, ни к каким человеколюбивым обществам* ; потому что никогда и не слыхивала о них. Забытая всеми, она нередко грызёт те сухие корки хлеба, какие приносят ей те же нищие или бедные соседи по подвальному помещению... Вот какой беспомощной бедности, известной только приходскому священнику, и надобно помогать. Но чем и как помогать?» «Здесь, — по мнению «Духа христианина», — требуется общая приходская помощь. Приходская христианская община, проникнутая любовью ко Христу, обязана заботиться о своих бедствующих согражданах. Из ежегодных взносов от всех приходских домовладельцев в пользу приходских бедных может составиться постоянная приходская касса», которая даст средства в одном здании устроить «богательню, приют, больницу, библиотеку для бедных»...

О применении проектов приходских благотворительных обществ к приходам г. Тулы

Нельзя не согласиться, что попечение о бедных по проекту «Духа христианина» в нравственном отношении было бы полезно и для самих благотворителей. В приходских благотворительных заведениях любовь к страждущим братьям находила бы для себя возбуждение и поддержку. Благотворители человечества на самом деле увидели бы, кто из них, чем, где и как может быть полезен бедным. Ещё осязательнее была бы польза от приходских благотворительных обществ

для бедных и нищих. Приходские кассы на вспоможение приходским бедным предохранили бы размножение нищеты. Приходские приюты и школы для детей нищих противодействовали бы другому источнику нищенства — раннему сиротству и нравственной запущенности. Учреждение же приходских богаделен и больниц могло бы ослабить в нищих наклонности к бродячей жизни. Наконец, духовно-нравственная библиотека была бы учреждением очень полезным не для одних бедных, но и для местного духовенства. Впрочем, на первый раз приходские благотворительные общества, кажется, могли бы ограничиться характером чисто общинным, народным, без излишних формальностей, без больниц и библиотек, именно так, как описано одно из них в «Душеполезном чтении»¹. Здесь сказано, что ревнители приходских благотворительных обществ при одной церкви в Москве сначала подумали насчет попечительных советов о приходских бедных, потом, изложив правила деятельности совета в прошении к высокопреосвященнейшему Филарету, митрополиту Московскому*, получили от него следующее решение: «Бог благословит человеколюбивое предприятие, и принявших, и имеющих принять в нем участие и да дарует ему благий успех. Распространение предприемлемаго образа действия в сравнении с случайным подаванием в неизвестныя руки, без сомнения, удобнее и вернее может открывать, отличать и облегчать истинно нуждающихся, а других располагать и направлять к посильным полезным занятиям, да не туне чужой хлеб ядят». Затем, по молитве к Богу, собраны пожертвования для бедных особю подпискою — и дело пошло в ход. Отсюда можно вывести заключение, что во всех местах, по выражению «Воскресного чтения»², «нельзя устроить обществ призрения бедных по одному образцу и на одних правилах, что в разных местах они могут устроиться различно, смотря по местным и нравственным условиям общества, что удобное в больших городах не легко идет к делу в городах малых и селах». Такое заключение о городских благотворительных обществах имеет для нас, жителей Тулы, важность по следующей причине: у нас приходы не сосредоточены в одном месте близ своих приходских церквей и не расположены по ближайшим кварталам, как, например, в Москве;

¹ За февраль и март 1862 г.

² № 6 1862 г.

прихожане каждой церкви у нас рассеяны, как говорят, по всему городу нередко на довольно значительном расстоянии. Оттого можно сказать, что удобное в столицах оказывается не совсем легко идущим к нашему городу. При настоящем состоянии наших приходов, в проектах о благотворительных обществах мы мало видим к себе приложимого. Можно, например, согласиться, что «всякий приход нравственно и христиански обязан призывать своих бедных и нищих, как семейство обязано заботиться о своих членах». Но в применении к нашим приходам эта истина кажется непонятною.

У нас нет тесного сближения прихожан по месту жительства, нет его и по духу. О бедных прихожанах знает у нас лишь один священник, тогда как, по идее общественной приходской благотворительности, о них должен знать весь приход, что, очевидно, невозможно при многосложности и разобщённости наших приходов. И то, что один священник знает о бедности некоторых прихожан, едва ли существенно для них полезно. Что он может сделать для них с своим знанием? Дать записку к благотворителям о бедном прихожанине? Расположить их к посильной помощи? Но эта помощь, хотя бы не было возможности злоупотреблять подобными записками, будет только временная и потому случайная. Иное дело, когда бы приход, как христианская община, знал своих бедных. Его помощь была бы совсем другого свойства. Она не была бы «случайным подаянием в неизвестные руки», не была бы даже обязательством, рассчитывающим на благодарность, а обязанностию каждого прихожанина, основывалась бы на живом сознании бедности других, как бы она была его собственная бедность. «Вместо приходской, общинной благотворительности, — скажут, — может быть, у нас заведены кружки в пользу нищих?» Но и эти кружки не могут служить доказательством возможности применения к нашему быту учреждений приходской благотворительности. Сумма денег, доставляемая ими, как известно, слишком ограничена для великого множества наших нищих. Слабые и беспомощные содержатся отчасти при Комитете нищих на пособиях от кружек, заведённых при церквях, или же переводятся на более достаточное содержание в богадельню, учреждённую князем Голицыным, разумеется, если в ней найдётся для них место. Но достаточно ли для нашего города подобной благотворительности, и нельзя ли повести её для бедных наших собратий несравненно лучше, нежели как она доселе веде-

на была? Предыдущие исследования отчасти показывают недостаточность её для нашего города, и если, при содействии приходском, можно повести её иначе, то вопрос об общинной приходской благотворительности остаётся поставить в таком виде: или проекты о ней решительно не применимы к нашему быту, как мечтательные, чего, однако ж, никто не скажет, судя по простым понятиям о христианской благотворительности, или уже наконец настало время жителям нашего города осуществить давнюю мысль, завещанную как бы нашими предками, — сосредоточиться близ своих приходских церквей и для сего свободно согласиться на разделение приходов по кварталам!

*Разные попытки соединения тульских приходов близ церквей
и распределения приходов по кварталам*

Мысли о сосредоточении приходов около приходских церквей новы для жителей г. Тулы. Всё, что можно сказать за и против этих мыслей, давно уже было сказано, хотя и не по поводу рассуждений о христианской общинной благотворительности, а по другим соображениям. Теперь нужно только познакомиться с давно минувшим ходом дела о соединении приходов близ градских наших церквей, чтобы вывести справедливое заключение о ближайшем будущем ходе того же дела. Для примера возьмём два акта консистории 1793 и 1804 годов. Тульское духовное правление от 6-го мая 1793 года доносило преосвященному Афанасию, епископу Коломенскому и Тульскому, за № 165 (110): «От вашего высокопреосвященства 18-го апреля 1793 г. резолюции указом велено оному правлению в г. Туле к каждой приходской и соборной, приходские дворы имеющей, церквам толикое ж, сколько при которой церкви ныне в наличии имеется, число приходских дворов отвести из состоящих вокруг их дворов; где ж сего по положению города и церквей, в близости между собой состоящих, учинить будет невозможно, то отвести к таковым церквам дворы в одном месте отдельно от других приходов». На этот указ Тульское духовное правление отвечало, что «по предписанию указа в г. Туле расположение приходов сделать и утвердить не токмо трудно, но почти и невозможно, а по истечении некотораго времени нынешнее расположение будет и не действительно; ибо, первое, что по Высочайше апробованному плану город сей обширнейший по частям

выстроивается и вновь прожектированные улицы открываются, а по-сему и граждане многие с настоящих на другия места переселяются; но гораздо еще превосходнейшая часть города существует в старом положении, которое со временем по плану будет переменено; второе, оружейники, живущие на Купеческой стороне, по тому ж Высочайше апробованному плану, должны переселиться на Оружейную сторону*, так как и купцы с оной на свою. Что же касается до треб мирских, то от прихожан на священников, якобы в неотправлении и остановке¹ треб, а особливо нужных, в сем Духовном правлении не только письменных, но и словесных жалоб нет; да и прихожане по давней привычке каждой к своей приходской церкви больше привязан, хотя бы и далее другой состояла». И потому правление просило преосвященного Афанасия «расположение приходов ныне архипастырски оставить до времени, когда сей город выстроится по плану, и дворы по частям и кварталам в виду будут». На этом прошении написано: «Консistorии, сие обстоятельно рассмотрев, об основательности или неосновательности резонов представить с своим мнением». Когда же консистория обстоятельно рассмотрела «резоны» и изложила против них свои соображения, то на докладе её преосвященный написал: «Поступить по сему докладу». А доклад консистории был следующего содержания: изложив сначала прописанное в отношении Духовного правления, консистория склоняется в пользу распределения приходов по кварталам 1) потому, что многолюдные города тогдашней Коломенской епархии — Коломна, Тула, Белёв, Серпухов, Крапивна, Венёв, Зарайск уже были выстроены тогда «по новым планам, с разделением дворов на части и кварталы; причем многие прихожане разных церквей состояли в отдалённых от них частях и кварталах, отчего приходским их священно-церковнослужителям во исправлении в домах их всяких треб происходит затруднение»²; 2) распределение приходов по кварталам нужно и потому, что того требует исправление самонужнейших треб без всякого замедления, чего опять нельзя исполнить при отдалённости прихожан от своих церквей; 3) самые интересы каждой приходской церкви требуют, по мнению консистории, то-

¹ В оригинале: остановки. — Ред.

² Начало цитаты не обозначено. Указываем предположительно. — Ред.

го, чтобы «прихожане ходили в свои приходские церкви, а не в другая, ближайшая к ним»¹. Против таких положений консистории Духовное правление могло бы, вероятно, сказать (если бы ему позволено было тогда говорить), что г. Тула тогда ещё не был выстроен по новому плану, что в исправлении треб причты не находят особых затруднений, заменяя иногда один другого, что самые интересы каждой церкви на всегда поддерживаются исключительно одними ближайшими прихожанами, что, следовательно, распределение приходов тогда было ещё как будто преждевременным. Но консистория считала вышеизложенные свои резоны основательными и полагала, что тогда же следовало начать новое расположение приходов в Туле. При этом расположении благочинные городов должны руководствоваться указом и ещё следующими соображениями: так «как при новом расположении приходов могут поступить к иным церквам от других в приход дворы богатых жителей, а вместо оных к тем другим дворы бедных жителей, то в отвращение могущаго последовать оттого неудовольствия в причте, к которому вместо дворов богатых жителей поступят в приход дворы бедных жителей» — нужно «сделать уравнение в рассуждении качества дворов отведением на место одного двора, где сие возможно, богатаго жителя двух или трех дворов бедных жителей..., с тем, чтобы сделаннаго ныне расположения приходов впредь не перемениать; и в которой приход какой двор поступит, того жителям в том приходе и быть, владельцы ли они тех дворов или постояльцы, также те дворы построены ли или впредь имеют по плану строиться...». Что касается до резонов Тульского духовного правления о невозможности применить все такие соображения к тульским приходам, то консистория нашла их неосновательными и недействительными, 1-й — потому, что строящимся по новому плану жителям Тулы, особенно недостаточным, хотя дозволено жить в прежних дворах, выстроенных ими по старому положению, но как город разделяется же на части и кварталы, в которых назначаются места каждому из граждан, места, на которых они со временем должны построиться в нём: то и нет ни малой трудности сделать новое расположение приходов, сообразуясь тому разделению и назначению. 2-й резон Тульского ду-

¹ *Начало цитаты не обозначено. Указываем предположительно. — Ред.*

ховного правления о невозможности разделения тульских приходов по кварталам выведен, по мнению консистории, из первого и потому также неоснователен, как и первый. 3-й резон правления о том же предмете «в число резонов внесен по убеждению священников, сиящихся, для своих частных видов, остановить учреждаемое правительством для общаго благоустройства». В настоящее время тульских священников едва ли можно было бы упрекнуть последним намёком, потому что теперь едва ли не все пожелают удобнейшего распределения приходов по кварталам, если бы мысль об этом была предложена на их рассуждение. А в 1793 году консистория, вероятно, находила основание делать им такие упреки и, отвергнув доводы правления, она отвергла и общее заключение его, по которому, будто бы, после некоторого времени новое расположение приходов будет недействительно; при том же мнением своим положила за неосновательное представление сделать правлению строгий выговор и потребовать от него немедленного исполнения по указу, чрез сношение с Тульской управой благочиния. По силе таких замечаний на свои мнения, Тульское духовное правление отнеслось в Тульскую управу благочиния, с требованием, «дабы она благоволила для учинения расположения вновь в здешнем городе приходов, достовернейшие в непродолжительном времени высправясь о разделении по плану города на части и кварталы, ... доставить правлению именную ведомость о гражданах, имеющих жить на новых местах». Тульская управа, с своей стороны, сообщила правлению, что «как де г. Тула на части и кварталы разбит только одними главными линиями, а жители по оному расположению еще не уформированы»¹, то Управа благочиния требованию Тульского духовного правления удовлетворить не может, ибо не может знать «не только, кто должен жить на котором месте, но и в каком именно квартале». Консистория, извещённая о ходе своего дела, просила Тульское наместническое правление понудить Управу благочиния к скорейшему доставлению вышеозначенной ведомости, и тем дело кончилось, хотя, очевидно, согласно с мнением Духовного правления.

Видно, правление выражало действительные и основательные резоны на то, что в 1793 г. ещё не настало время разделения приходов по кварталам и близ приходских церквей. Но энергическая мысль

¹ Конец цитаты не обозначен. Указываем предположительно. — Ред.

консistorии о новом расположении их не осталась бесследною. В 1800 г.¹ один из присутствующих Тульского духовного правления доносил епархиальному начальству, что «если благоволено будет по г. Туле приходы разделить по кварталам, то при двухприходной Чулковской церкви* может быть и третий священник». Особенно же эта мысль занимала преосвященного Амвросия. В 1804 г.² он дал такое предложение консистории: «Известно нам, что при церквах в епархиальном нашем г. Туле находящихся, приходы состоят не в порядке, так, что почти каждая из оных церковь, имея поблизости себя жителей, не имеет их в своем приходе, а состоят оные в приходах к другим церквам, отстоящим от них в дальнем разстоянии, от чего как приходским людям в призывании к себе для исправления самонужнейших мирских треб священников, так и священникам в хождении в приходы, так что они во исправлении треб и успевать почти не могут, настoит совершенная надобность; ибо состоящая на Оружейной стороне за рекою Упою церкви имеют в приходах своих жителей, находящихся на Градской стороне, позадь даже Киевских ворот на выезде города, и в Чулковой слободе. ... Многие прихожане имеют жительство в разных местах разстоянием от приходских церквей версты на три и больше. Мы, имея в виду такую неудобность прихожан в призывании к себе для исправления мирских треб священников, за благо признали приходы здешних градских церквей привести в порядок: так чтобы каждая церковь имела оный в одном месте и не в дальнем от себя разстоянии, без затруднения в исправлении треб. Для того консистория, избрав шестерых из приходских священников, сделает им о росписании приходов препоручение: 1) чтобы они таковое приходов к церквам росписание делали, руководствуясь исповедными каждой церкви росписьюми и советуясь с приходскими священниками. 2) Если будут лучших прихожан двory отходить от одной церкви к другой, то вместо оных назначать взамен по два и по три двора по разсмотрению. 3) Потребовать, чтобы они сочинили ведомости, сколько по сему росписанию при каждой церкви будет состоять приходских дворов». 4) Все то должно исполнить в самоскорейшем времени и представить в консисторию, которая с мнением своим должна «предста-

¹ Консistorский архив. № 6.

² Консistorский архив. № 19.

вить к нам на утверждение». Во исполнение предписания преосвященного, выбраны были надёжные шесть священников для приведения приходов в порядок и росписания их к ближайшим церквам. К сожалению, эти надёжные священники чрез два года ничего не сделали, и консистория вынуждена доложить о том преосвященному, который в ноябре 1806 г. предписал: «Избранных для росписания приходов священников, выслав в консисторию, держать в оной до того времени, доколе не сделают они всего на них возложенного». Вследствие сего священники обязались чрез три месяца исполнить определение преосвященного. Но прошло несколько годов, а дело всё не подвигалось вперёд. В 1811 г. консистория решилась от тех же священников потребовать надлежащие ответы, почему именно каждый из них не учинил требуемого росписания. В ответах своих священники показали, что они росписания приходов не представили по неимению плана, по которому бы они, при описании доставшихся на часть их дворов, могли бы верно выставить число кварталов. Наконец, в том же 1811 году представлены были и росписания приходов, только и эти росписания не повели ни к чему, потому что оказались составленными не по указному предписанию. Таким-то образом, несмотря на серьёзные попытки соединить тульские приходы близ своих церквей, ни одна из них доселе не приведена в исполнение, потому что необходимость соединения их ещё не вызвана сознанием граждан, не засвидетельствована общими их желаниями, а без того есть много средств обойти самое строгое предписание, не исполнить самого обязательного требования. Так действительно и было на самом деле! Вызвать сознание граждан по рассматриваемому нами вопросу, конечно, нельзя с первого раза. Если есть, по-видимому, равнодушные к тому, кого из них по начальственному распоряжению к каким церквам назначат, — то это дотеле, пока не подвергли испытанию на деле это равнодушие. Стоит лишь напомнить им об удалении от своих приходов и избрании других, в случае общей необходимости разделения приходов, как они покажут себя слишком не приготовленными к таким переменам. Другие, усерднейшие из прихожан, могут с большим сознанием дела соединение приходов представлять не в надлежащем свете; в основание своей привязанности к приходам могут указать на свои пожертвования, на вклады в пользу своих приходских церквей. Основание очень важное и стоящее полного внимания. Но, если соединение приходов

близ церквей для всех и каждого несомненное благо, и если, бесспорно, все подобные блага не обходятся без личных пожертвований в пользу общества, то общее, свободное согласие усердных прихожан на расположение своих приходов по кварталам, как самое удобное для нравственных целей, было бы венцом всех бескорыстных их пожертвований. Как поэтому было бы желательно, чтобы они беспристрастно обдумали все доказательства в пользу вопроса о расположении приходов по кварталам!

*Мысль о школах при тульских церквах
по связи с приходскою благотворительностию*

Духовное сближение пастырей с пасомыми, деятельное влияние их на приход, лучший успех их проповеди, а также, что собственно относится к предмету благотворительности, облегчение истинной нищеты между гражданами, уменьшение нищенства в худом его смысле — вот те нравственные цели, которым могло бы содействовать предполагаемое расположение тульских приходов по кварталам. Этого мало. Оно было бы благотельно для учреждения приходских школ близ церквей или в домах священнослужителей, следовательно, способствовало бы сколько-нибудь к просвещению собственно массы граждан. При настоящем быте наших приходов всякая школа, основанная правительством или учреждаемая духовенством, имеет дело с детьми, более или менее обеспеченными в жизни, а большинство, масса бедных и бесприютных детей, по-прежнему, остаётся в невежестве и с предрассудками. Дети богатых родителей могут получать дома хоть первоначальные познания, а дети бедных без общественного призрения вполне лишены средств сделаться людьми и христианами. Не то было бы с ними, если бы приходы наши были сосредоточены поблизости своих церквей и имели бы частные свои средства для школ бедности. Тогда крайняя бедность, нашедши для себя приют, поспешила бы воспользоваться даровою грамотностью. Тогда наше общество самым удобным образом могло бы содействовать распоряжениям правительства. Нельзя не поблагодарить промысл Божий за то, что теперь наше правительство поощряет самых частных лиц в деле первоначального обучения. Теперь только литература иногда обнаруживает «побуждения желать совершенного отсутствия монополии ду-

ховенства в деле народного воспитания», но и она не выражалась бы так, если бы приняла в соображение нужды прихода, сосредоточенного близ своей церкви и желающего видеть самых бедных своих членов способными понимать богослужение Православной Церкви; а правительство наше далеко от всех поверхностных суждений литературы, оно нимало теперь не стесняет, а даже возбуждает призвание к просвещению в ком бы то ни было. Сравнивая такое направление нашего правительства с некоторыми документами прошлого времени, можно заключать, что тогда действительно было ещё рано помышлять о соединении приходов вокруг церквей. В 1786 году, когда ещё вопрос о соединении наших приходов только поднимался, вот что писал генерал-губернатор Тулы Михаил Никитич Кречетников к преосвященному Феодосию: «До приведения Тульской народной школы, учреждённой с Высочайшего соизволения, для преподавания юношеству учения по правилам, утвержденным Коммиссиею о народных училищах, в таковое состояние, что все граждане тульские могут изучение детей своих чтению и письму заимствовать из оной безпрепятственно, не относился я к вам просьбою моею о воспреещении священно- и церковнослужителями города Тулы иметь в домах своих школы для обучения юношества российской грамоте, которое как преподается не по правилам, принятым Коммиссиею о народных училищах и утвержденным Ея Величеством, почему и употребляемо быть уже не должно: ныне же, видя не токмо в цветущем состоянии школу, но и плоды от оной, нахожу¹ ваше преосвященство моею покорною просьбою о преподании мне вспомоществования вашего в доставлении г. Тулы юношеству учения по правилам Коммиссии о народных училищах воспреещением священно- и церковнослужителям иметь в своих домах школы, которыхя его высокопреосвященством архиепископом Московским по отношению моему запрещены уже в Калуге; равно как и сделано его высокопреосвященством в оном городе поделение приходов по апробованному плану городу Калуге, каковым² к каждой церкви приход назначен из окружных домов, чем преграждено то неудобство, что церковными потребями жители города заим-

¹ Пропуск в подлинном документе; по смыслу здесь следует читать: «нужным утруждать».

² Исправлено из: к каковым. — Ред.

ствуются¹ из церквей, отдаленнейших от самых домов. Ежели вам, милостивый государь мой, как по сему предмету, так и в разсуждении изъясненных школ, каковыя нужны будут пособия от меня, то оными всеусерднейше служить располагаюся, яко пекущийся о заведении всего общепользаго во вверенных мне губерниях и желающий особеннейше благоугождать вам». По этому письму преосвященный Феодосий из консистории своей послал указ всем причтам г. Тулы «о неимении им отныне впредь в домах своих вышеозначенных школ под неупустительным в противном случае штрафом» и об обязанности к тому тульских причтов «наикрепчайшими подписками». Подписки, как и следовало по указу, собраны были от всех тульских причтов и отосланы в консисторию. Таковы то были у нас предписания назад тому каких-нибудь 76 лет!²

О бедных духовного звания

Под сим заглавием в «Православном обозрении» за ноябрь 1862 г. помещено не лишнее значения «письмо из Лифляндии». Без сомнения, не безынтересно для христианского милосердия найти новые средства к действительному облегчению бедности во всякой приходской общине, а еще ближе к нам духовным положение бесприютной старости, вдов и сирот духовного звания; о нем нам нужно говорить больше. «Общими силами», по мнению автора письма, «обсудится дело основательней; чего не доскажет один, то дополнит другой... Из многих отзывов о пособии бедным духовного звания можно составить добрый проект, благодетельный для несчастных». С целью сказать полезное для бедных духовного звания и автор письма подает свое мнение о средствах пособить им. Какое же его мнение? «Ближайшее попечение о бедных духовного звания, — говорит он, — лежит на Епархиальном попечительстве, которое и учреждено собственно для того, чтобы заботиться о духовных вдовах и сиротах*». Каждое попечительство, по мере средств, оказывает некоторую помощь бедным. Но это средство не соответствует тем нуждам, которым оно должно удовлетворять. Если попечительство располагает только сот-

¹ Исправлено по смыслу из: не заимствуются — Ред.

² См. Консistorский архив. 1786. № 55.

нями рублей на сотню же бедных, то какое пособие оно может дать своим бедным просителям? Редкия вдовы с детьми получают пособия по 30 руб. в год, а обыкновенно по 10 руб. в год и менее...». «Если же главное средство к вспомоществованию бедным — попечительство — далеко не удовлетворяет нуждам их, то и посторонние средства, принимаемые епархиальным начальством, не могут простираться на всех бедных; мы разумеем определение вдов и сирот на места просвирен при церквах, определение на места, которые занимали отцы осиротевших семейств...». Затем в письме из Лифляндии, как на самое первое средство оказать действительную помощь бедным духовного звания, указывается на улучшение быта духовного звания, которое представляется еще впереди, а также на пожертвования со стороны лиц духовного звания; «священник может, например, пожертвовать из своих доходов по 5 рублей серебром, диакон по 3 и причетник 1 рубль. Сбор этот в начале каждого года можно представлять благочинному, который будет отсылать его в попечительство» для выдачи пособий в соответствии денежному приходу. Средства, предполагаемые здесь для облегчения участи бедных духовного звания, кажется, очень важны, однако ж, не новы. Первым из них занято теперь само духовное правительство, имея все необходимые условия для изыскания их и выполнения на деле; а второе можно бы несколько видоизменить, именно так: назначив минимум принимаемых от духовенства пожертвований в пользу своих бедных хотя бы тот, который¹ принял упоминаемый проект, затем повышение размера пожертвований сообразно средствам и усердию предоставить свободному щедродательству священно-служителей. Но ни в коем случае от пожертвований в пользу бедных священно-служителей, заштатных и престарелых нет причин устранять частную благотворительность светских лиц той местности, где они проходили свое служение на пользу общества. Того требует внимание к необеспеченному их состоянию и некоторая признательность к их трудам, хотя уже минувшим. И мы знаем², что Московская епархия благодаря частной благотворительности имеет теперь «дом призрения для заштатных священников и диаконов, где престарелые и лишенные средств жизни священнослужители Мос-

¹ Исправлено по смыслу из: хотя то, которое. — Ред.

² См. «Православное обозрение» за декабрь 1861 г.

ковской епархии будут находить себе приют и содержание. Дай Бог, чтобы первый опыт такого небывалого, но очень важного благодеяния, — говорит «Православное обозрение», — нашел сочувствие в других благотворителях». А что, если заштатные и престарелые священнослужители, умирая, оставили многочисленное семейство, без надлежащего обеспечения? Не обязано ли тогда духовное общество, по духу христианского милосердия, принять меры к предупреждению гибельных последствий нищеты в некоторых членах своего звания? Сироты-девицы из духовного звания также должны найти себе приют и образование, подобно тому, как находят его сироты-мальчики, поступая в духовных училищах на казенное содержание. Во многих епархиях, в числе их и нашей, существуют уже духовные приюты для девиц нашего звания. Желательно, чтобы они заведены были еще во всех епархиях и в больших размерах. В недавнее время заявлена мысль о необходимости учреждения особого благотворительного общества для вспомоществования бедным девицам духовного звания, лишившимся родителей¹. И есть основание думать, что она так или иначе осуществится на деле.

*Тульское богоугодное заведение,
имеющее быть в доме 1-жи Кузовлевой*

Указывая на дом призрения для заштатных, престарелых и бедных священников и диаконов в Москве, как на первый опыт такого небывалого благодеяния, «Православное обозрение», вероятно, имело в виду одну Москву во всей России. Подобно тому и мы жители Тулы имеем в виду некоторые благотворительные учреждения, первые у нас в том же роде. Не говоря о богадельне Николо-Завальской церкви, сначала назначенной для бедных лиц всех свободных состояний и уже впоследствии ставшей принимать бедных духовного звания, остановим внимание наших читателей на богоугодном заведении, имеющем быть в доме Екатерины К. Николаевой, или, что почти тоже, в доме Кузовлевой. Ход учреждения богадельни для бедных духовного и недуховного звания в этом доме был следующий². Назад

¹ «Православное обозрение». Май. 1862 г.

² См. Консistorский архив. 1858. № 36.

тому четыре года жена губернского секретаря Екатерина К. Николаева письмом к начальнику нашей губернии Петру Михайловичу Дарагану* обязалась предоставить в распоряжение губернского начальства дом свой, состоящий с прошлого столетия в г. Туле, за рекою*, с тем, чтобы, по смерти живущей в этом доме крестной ее матери жены коллежского советника Елены К. Кузовлевой и сестры ее Марфы К. Бабаевой, было устроено в нем богоугодное заведение, именно: женская богадельня с церковью для призреваемых, на что г-жа Кузовлева обязалась представить к начальнику губернии двадцать тысяч рублей серебром. «Поводом к тому была немощная старость, лишаящая ее возможности посещать приходскую церковь. По уважению этой причины и добрых намерений г-жи Кузовлевой» начальник губернии просил преосвященного Алексия* оказать свое содействие «к устройству церкви в обитаемом г-жею Кузовлевою доме». В то же время он представил к преосвященному и письмо самой Кузовлевой, в котором значилось, что она «согласна осуществить желание г. Николаевой и жертвует в распоряжение начальника губернии вышеозначенное число денег с тем, чтобы насчет процентов с них было содержание 20 человек женского пола всех свободных состояний бедных вдов, престарелых, или увечных, не имеющих средств к своему существованию. А как за размещением этого числа в доме, по его обширности, должно остаться еще много места, то в нем могут быть размещены призреваемые насчет Приказа общественного призрения, который нанимает для них частные здания. В таком случае суммы приказа, обращенные на наем частных зданий, могут быть употреблены для увеличения числа призреваемых в богадельне»¹. Кроме того в письме к начальнику губернии предлагается все то, что нам известно уже из его письма к преосвященному. Затем в прошении к преосвященному Алексию г-жа Кузовлева предлагает некоторые новые мысли, которых не было в прежнем письме ее. Сказав, что она, «имея преклонные лета и слабое, летами разрушенное здоровье, лишена великаго услаждения в жизни быть в храме Божиим, почему возымела намерение устроить в пожертвованном доме храм Божий, чрез что имела бы возможность усладиться слушанием слова Божия в последние дни

¹ *Начало цитаты не обозначено. Указываем предположительно. — Ред.*

своей жизни, кои сочтены уже у Господа, а чрез это самое предоставила бы ту же великую усладу и будущим хилым обитателям сего дома», она продолжала: «При таком моем последнем намерении, я пришла еще и к тому благому желанию, чтобы из числа означенных 20 призреваемых, половина того, т. е. 10-ть, если же со временем обезпечится число призреваемых большее, то и более 10, призревались бы престарелые из духовнаго звания, а именно: заштатные священники, диаконы и причетники Тульской епархии, с тем, чтобы ими, по возможности, совершаемо было и богослужение в имеющейся устроиться церкви при оной богадельне». Посему просила архипастыря, «приняв участие в исполнении ея желания, войти в сношение по предмету призревания духовных лиц с г. начальником губернии, а по предмету устройства церкви в означенном доме — с Святейшим Синодом». К сему сочла необходимым дополнить, «что назначение кандидатов к призреванию из духовнаго звания должно вполне зависеть от местного тульского архиерея, а наблюдение за призреванием тех кандидатов должно быть под попечительством местных архиерея и губернатора». По первому письму г-жи Кузовлевой консистория отнеслась к начальнику губернии, прося зависящих от него распоряжений об утверждении жертвуемого дома и принятии капитала на вновь устрояемую богадельню. Равным образом и по второму письму на имя преосвященного она просила также начальника губернии об отзыве его соответственно настоящему ходу дела, и на то и другое свое отношение не встретила от него никакого препятствия. Потом епархиальное начальство, с прописанием обстоятельств дела, обратилось к ходатайству пред Святейшим Синодом о разрешении на устройство храма в том доме во имя Владимирской иконы Божией Матери, согласно желанию, изъявленному г-жой Кузовлевою. В ходатайстве пред Святейшим Синодом приняты во внимание 1) «преклонная лета вдовы Елены Кузовлевой (имевшей тогда 87 лет) и болезненное ея состояние, от котораго лишилась она возможности посещать церковь; 2) благочестивая жизнь ея, усердие к храму Божию и человеколюбивое ея намерение успокоить беспомощную старость и безприютное сиротство в богадельне, устроиваемой ею в пожертвованном доме не только с определенным содержанием, но и с удобством слышать слово Божие и церковное богослужение; 3) желание ея, чтобы в числе призреваемых лиц половинное число было из престарелых священни-

ков, диаконов и причетников Тульской епархии». По уважению этого ходатайства епархиального начальства, Святейший Синод разрешил «устройство церкви в доме, занимаемом г. Кузовлевою и состоящем в г. Туле». Для зависящего же распоряжения по сему предмету прислан из Святейшего Синода указ, при котором возвращен утвержденный им план церкви, предполагаемый в оном доме, с чертежом иконостаса. Это было в январе 1859 г.^{*} Немедленно по получении указа, приступлено к работам внутри дома сообразно его новому назначению и особенно в той части оного, которая назначена для домашней церкви, которая скоро была приведена в должное благолепие с позлащением иконостаса, и 4-го апреля того же года освящена бывшим епископом Тульским преосвященным Алексием. На внутреннее устройство дома вместе с церковью, говорят¹, пошло не менее пяти тысяч рублей сер. Зато в этом доме имеют находить себе признание духовные лица, заштатные и престарелые. Здесь будут они оканчивать дни свои, совершая, по мере сил своих, священное богослужение в новоустроенном храме Божиим. В слове на освящение его, преосвященный Алексей, между прочим, сказал: «Мы имеем особенное утешение в том, что здесь найдут приют многие из престарелых служителей церкви, здесь услышат ежедневно церковную службу и не только услышат, но и сами, по мере остатка сил, будут участвовать в священнодействии и таким образом сами, продолжая приближаться к Господу храма, будут руководить и прочих призреваемых к божественному успокоителю, глаголющему: “Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии и Аз упокою вы”»². Освящение храма совершилось почти за год до кончины Елены К. Кузовлевой, умершей 23 ноября 1860 г. В связи с ее кончиною становятся многозначительны те слова в прощении, что дни ее уже сочтены у Господа и слова архипастыря, указующего ей на божественного успокоителя. Она еще при жизни сподобилась видеть исполнение желания своего сердца — совершение Божественной службы в новоустроенном ею храме и еще здесь узрела начало вечного успокоения своего в Боге. Еще при жизни ее также начало осуществляться другое желание ее — относительно того, чтобы были призреваемы и духовные лица в устроенном

¹ См. «Тульские губернские ведомости». 1859 г.

² Матф. 11: 28.

ею богоугодном заведении. Там, где покойная Елена К. Кузовлева провела большую половину жизни, где она любила, вместе с своею сестрою, собирать вокруг себя бедных и бесприютных, еще при ней начали жить и теперь живут на полном содержании и достаточном обеспечении престарелые: священник и диакон с причетником и почти ежедневно отправляют в домово́й церкви священное богослужение*.

ДОПОЛНЕНИЕ

Г.И. Панов

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВО О БЕДНЫХ ДУХОВНОГО ЗВАНИЯ ТУЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ

*Средства обеспечения бедных духовного звания Тульской епархии
пред открытием попечительства*

Отчеты Попечительства о бедных духовного звания нашей епархии ясно обозначают количеств суммы, отпускаемой на так называемую богадельню, состоящую из самых бедных лиц духовного звания. По Высочайше утвержденному положению, с 1799 г. по 1823 г. казначейство отпускало в пользу их штатное жалованье или сиротские деньги не выше 71 руб. 42 коп. серебром и не ниже 130 руб. ассигнациями. Штатная сумма обыкновенно поступала к эконому архиерейского дома^{*}, а эконом представлял ее в консисторию, которая чрез местных благочинных два раза в год выдавала оную бедным и сиротам в духовенстве под расписки. Само собою разумеется, что такая выдача денег по количеству не могла быть значительна и далеко не соответствовала количеству бедных духовного звания целой епархии. Сиротское жалованье выдавалось не многим и притом за полгода всего от 3 руб. 94 коп. до 7 руб. 88 коп. ассигнациями. За 1817 год в списке всех богадельных лиц во всей епархии состояло только 13 человек обоего пола, и штатного жалованья на них за полгода полагалось только 65 руб. ассигнациями¹. И пусть, с одной стороны, неко-

¹ См. Консисторский архив. 1817 г. № 1526.

торые из сирот духовного звания до 1823 г. получали от правительства хоть что-нибудь, хоть десять рублей в год; но огромное число других бедных того же звания, судя по спискам их в последующие годы, не получало от него и вовсе ничего; о наших бедных кроме местных архиереев, как бы никто не знал или, может быть, знали многие, но мало оказывали им сострадания; вследствие чего полное число бедных духовного звания до учреждения попечительства не могло быть даже известно епархиальному начальству. С другой стороны, если правительство оказывало пособие бедным духовного общества, то само наше общество деятельным участием в судьбе своих бедных, по-видимому, нисколько не соответствовало правительству, как будто вся забота о бедных нашего звания должна была лежать на одном правительстве, а не на обществе вместе. Общество наше, конечно, не доводило своих бедных до крайностей пауперизма, вообще неизвестного в России. У нас никогда не было недостатка в примерах благотворительности. Тем не менее, многие бедные духовного ведомства, как видно из списков последующего времени, проводили жизнь нищенским образом, были бесприютными сиротами, не имевшими ни малейшего обеспечения в жизни. Причина сему могла быть в том, что благотворительность в нашем обществе не всегда бывала постоянным правилом жизни, но иногда являлась только следствием минутного мягкосердечия, случайной сострадательности. Несостоятельность такого порядка вещей была очевидна с первого взгляда. Правительство наше знало о нуждах духовного звания и решилось открыть новые, обильнейшие источники обеспечения наших бедных. Назначением вновь утвержденной штатной суммы на призрение бедных духовного ведомства правительство желало только положить инициативу для общественной нашей благотворительности, пробудить сострадание к своим бедным в самом нашем обществе.

Учреждение Духовного попечительства Тульской епархии

Состояние бедных духовного звания с небольшими переменами, зависящими от более или менее лучших условий жизни, равно почти во всех епархиях. Многолюдные епархии, конечно, могли иметь и больше бедных, но от бедности собственно ни одна из них не свободна. Посему правительство в 1823 году особенным указом положило начало

призрению бедных духовного звания в таких размерах, о которых прежние его пособия не давали почти никакого понятия. Сущность указа Святейшего Синода от 23 сентября 1823 г. за № 1897 состоит в следующем: «Государю императору Александру Павловичу, — пишется в указе, — благоугодно было Высочайше подтвердить представленные Синодом положение о призрении бедных духовного звания и росписание, сколько из доходов, поступающих в Комиссию духовных училищ* и отделяемых ежегодно на упоминаемый предмет 150 тыс. руб., назначается в каждую епархию». Почему Комиссия духовных училищ из своего капитала ежегодно 150 тыс. руб. положила отсылать в распоряжение Святейшего Синода, и он составил расписание, по которому из показанной суммы на призрение бедных духовного звания и особенно на канцелярию во все епархии приходится всего 57 тыс. 916 руб. 33 коп. ассигнациями. Всех епархий, на которые расчислена эта сумма, в 1823 г. было 27, и каждая из них подведена под какой-нибудь один из трех классов. Наша Тульская епархия, по расчислению Святейшего Синода, отнесена к 3-му классу, и на призрение бедных духовного звания нашей епархии назначено всего 3 тыс. руб. ассигнациями, да особо на канцелярию 670 руб. ассигнациями. По получении указов Святейшего Синода о положении и расчислении суммы на бедных духовного звания вменено было в обязанность всем епархиальным архиереям: «1) Отправить Господу Богу благодарственное молебствие о здравии Его Императорского Величества за милость, дарованную духовенству; 2) в каждой епархии приступить к утверждению и открытию попечительств; 3) отослать в оныя из консисторий именные списки о тех духовных, их вдовах и сиротах, коим производилось уже денежное пособие; 4) выдачу пособий производить пополугодно или по третям года, на каковое удовлетворение поступят в попечительство суммы из консисторий, если есть, в билетах, потом от подписок и кружек при церквях, также от других подобных пособий...». В докладе же Святейшего Синода, Высочайше утвержденном от 12 августа 1823 г., значилось: «По случаю вступивших в Синод представлений от некоторых епархиальных архиереев, которые испрашивали разрешения на сбор добродотного подаяния для пособия в содержании священно-церковнослужителям, увольняемым от должностей по старости лет и болезням, а по смерти их сиротам обоюбого пола», Синод, постановив правила, на основании коих предполагается прини-

мать пожертвования для пособия увольняемым от должностей священнослужителям, их вдовам и сиротам, представил оные на Высочайшее утверждение. В последствии времени министр духовных дел и народного просвещения*, изъясняя Синоду, что число вдов и сирот духовного ведомства увеличивается, следовательно, и расходы, а сумма остается такая же для тех, коим положено производить из оной пособия, да и обязанность в оказывании пособия поступающими на места мужей и отцов их вдов и сирот, по возвышающейся на все дороговизне, а также по собственному у них семейству, не выполняется по видимой невозможности, предлагал¹ о предписании епархиальным архиереям сообщить свое мнение к изысканию средств более достаточных, которые, сохраняя служителям церкви достояние их, могли бы обеспечить их помощь в летах старости и доставить надежное призрение вдовам и сиротам. Точное сведение местных обстоятельств и благодетельная попечительность, без сомнения, откроют сии источники, если не во всех, то, по крайней мере, в некоторых епархиях. На предписание вследствие сего из Синода ко всем епархиальным архиереям доставлены от них мнения, в коих большею частию полагается существующие ныне средства для пособия священно-церковнослужителям, увольняемым от должностей, и их вдовам и сиротам употреблять и впредь, частью представляются некоторые новые средства; в некоторых же епархиях почти никаких средств к сему не оказывается. «Синод, рассмотрев существующие донныне средства призрения бедных духовного звания, а также и из полагаемых к тому мнениями епархиальных архиереев избрав соответственные с целию и удобныя к употреблению, составил положение о призрении бедных за старостию и болезнями увольняемых священно-церковнослужителей и их вдов и сирот»². Таковы были распоряжения высшего нашего правительства об учреждении духовных попечительств в разных епархиях! Когда везде были получены о них указы, епархиальным начальствам оставалось только привести их в исполнение. Так они и сделали. Так и в нашей епархии немедленно по получении указов Святейшего Синода, согласно с его предписаниями, открыто Попечительство о бедных духовного звания — учреждение новое и весьма благодетельное по своим действиям!

¹ Исправлено по смыслу из: предлагали. — Ред.

² Начало цитаты не указано. Указываем предположительно. — Ред.

Состав попечительства

По смыслу указов Святейшего Синода и обыкновенному иерархическому порядку, первым попечителем о бедных духовного звания был сам преосвященный Дамаскин *, при котором и учреждено попечительство, и который, может быть, находился в числе епархиальных архиереев, испрашивавших у Святейшего Синода разрешения на сбор добротных пожертвований в пользу вдов и сирот духовного звания. Помощниками его или собственно членами попечительства, непосредственно относящимися к бедным духовного звания, были избраны по его усмотрению лица достойные всякого доверия со стороны духовного общества. После преосвященного первым членом попечительства был покровский протоиерей Иоанн Романов, бывший потом с 1837 года секретарем попечительства и умерший в 1850 году. На место его определен Воскресенской церкви протоиерей Михаил Прудовский, без должности секретаря*.

КОММЕНТАРИИ

В настоящий сборник включены работы Г.И. Панова, посвященные истории благотворительности в Тульской губернии за период, начиная с 80-х гг. XVIII в. по начало 60-х XIX-го. Все они были опубликованы в «Тульских епархиальных ведомостях» (далее ТЕВ) и впоследствии, насколько нам известно, не перепечатывались.

Первый раздел образуют два очерка середины 1870-х гг., в которых рассмотрена деятельность благотворительных учреждений Тулы и губернии, действовавших в конце XVIII — первой трети XIX вв. Второй составили посвященные проблемам благотворительности более ранние, начало 1860-х гг., статьи Г.И. Панова, объединенные автором под общим названием «Заметки». Из этой серии его публикаций представлены три первые, наиболее, по нашему мнению, интересные в контексте вопросов, затронутых в очерках. В приложение включен фрагмент статьи Г.И. Панова 1863 г., тематически примыкающий к одной из тем, обсуждавшихся в «Заметках».

Принципы публикации в основном соответствуют общепринятым. В той степени, в которой они допускают свободу выбора, мы ей воспользовались. Ее границы устанавливали, исходя из следующих соображений.

«Текстология новой литературы твердо признает лишь один основной текст», заявляет С.А. Рейсер, присоединяющийся к этому подходу, но расширяющий его, строго говоря, только на художественную литературу. «Ни в каком другом виде словесного творчества (скажем, в тексте научном, публицистическом и пр.) эта точность (точность в согласовании элементов текста и их воспроизведении при его тиражировании. — И.Ю.) не достигает такой максимальной требовательности». Говоря о нехудожественном тексте, автор признает, что «замена в нем одного слова другим — синонимичным, изменение расположения абзацев или другие детали едва ли исказят мысль автора. Не то в словесном искусстве» (Рейсер С.А. Палеография и текстология. М., 1970. С. 91, 92).

Из сказанного, по нашему мнению, вполне допустимо сделать следующий вывод: если для художественного текста в принципе должен существовать

только один основной (установленный в процессе текстологической подготовки) текст, то в большинстве прочих случаев допустимо сосуществование различающихся текстов, при том, что принципы допускаемого в ходе эдичионной подготовки вмешательства в них должны быть ясно сформулированы, и всякое не регламентированное ими вмешательство — безусловно, запрещено. Установление точного текста произведения (первая задача текстологии) применительно к научной прозе при таком подходе может быть сведено к установлению текста, а) без искажения передающего авторскую мысль, б) сохраняющего значимые элементы авторской формы, в) с учетом типа и целей издания в границах допустимой вариативности, по возможности, облегченного для восприятия. Осознаем недостаточную однозначность этого определения, более того, определенную опасность подобных «формул», способных оправдать неприемлемо глубокое вмешательство в текст. Но опасность не следует преувеличивать. На практике операций, которые осторожный С.А. Рейсер признавал в общем безопасными для смысла нехудожественного текста (замена слов синонимами, изменение разбивки на абзацы), мы, разумеется, не предпринимали, ограничиваясь неизмеримо более осторожным и уважительным к нему отношением.

Текстологическая подготовка осуществлена в соответствии со следующими принципами.

Очевидные опечатки исправлены без указания на них. Текст в цитатах из документов воспроизведен без модернизации орфографии — по принципу «буква в букву», не считая изменений, неизбежных в связи с заменой букв, исключенных из алфавита. Орфография основного (авторского) текста, а также цитат из современных автору периодических изданий, приближена к современной. В случаях, когда использование устаревших форм не безусловно запрещено современными правилами, предпочтение отдавалось авторскому написанию, по нашему мнению, отчасти отражающему речевую практику среды, к которой он принадлежал. Большинство слов, которые автор писал различно (*сидельщики, сидельники, сидельцы*), оставлено без унификации. Исключения носят единичный характер: *январь/генварь* — унифицировано *январь*; *грошовый/грошевый* — *грошовый*. *Александринский/Александрийский* (в названии тульского банка) — *Александринский*.

Приближена к современной пунктуация, причем изменения затронули не только авторский текст. Действующие правила издания исторических документов (1990 г.) для текстов XVIII—XIX вв. рекомендуют простановку новой пунктуации. По вопросу, допустимо ли распространять это требование на уже опубликованные тексты (в том числе цитаты из них) при их переиздании, однозначных рекомендаций нет. Если бы была уверенность в точности передачи в цитатах оригинальных документов, мы бы скорее всего предпочли сохранить эти цитаты в форме, точно передающей не только орфографию, но и пунктуа-

цию первого издания. Но выборочное сравнение цитат и их источников для нормативных документов выявляет определенные разночтения. Кроме того, в газетном тексте часто отсутствует один из ограничивающих цитату знаков (обстоятельство, вызвавшее множество затруднений при подготовке текста), так что не всегда понятно, является ли та или иная группа слов цитатой или авторским текстом. С учетом этого было принято решение по отношению к цитатам из документов распространить на закавыченный текст правила постановки пунктуации, принятые при издании исторических источников.

Использование строчных и прописных букв в названиях учреждений соответствует практике, принятой в авторитетных современных специальных изданиях (в частности, в словаре-справочнике *Государственность России*. Кн. 1-5. М.: Наука, 1996-2005). Слова *Высочайший (-ая)*, словосочетания *Его (Ее) Императорское Величество* и производные от них в исходном тексте в соответствии с общепринятой в то время нормой напечатаны с прописной буквы, что отражает официальное, а для большинства подданных и личное отношение к монарху в самодержавной России. Оснований сомневаться в том, что эта норма противоречит авторской воле Г.И. Панова, у нас не имеется — напротив, все его тексты позиционируют автора как человека, для которого самодержавная идея абсолютно органична. Учитывая это, а также то, что в некоторых современных, в том числе научных, переизданиях текстов XVIII—XIX вв. эти слова печатаются в соответствии с исторической традицией, в данном издании она также восстановлена. То же — в отношении слов *Государь* и *Император*, когда они заменяют имя монарха. Некоторые особенности в употреблении прописных связаны также с эдиционными нормами, сложившимися в изданиях Русской Православной Церкви.

По сравнению с исходным текстом в данном переиздании несколько увеличилось количество подстрочных примечаний. К фрагментам, оформленным в виде примечаний самим автором, присоединены немногочисленные внутренние примечания (как правило, ссылки на использованные источники), выделенные в исходном тексте скобками. Труднее оказалось решить вопрос со множеством рассеянных по тексту «Благотворительных заведений» заключенных в скобки дат, которые в своем большинстве являются указанием на соответствующие им (датам) записи в журналах Приказа общественного призрения. Учитывая, однако, что в ряде случаев они могут соответствовать еще и дате упоминаемого в тексте события, и в силу этого органично связаны с основным текстом, мы не решились отправить их в подстрочные примечания — за исключением, впрочем, случаев, когда перед датой стоит слово «Журнал» или «Там же», однозначно превращающие ее в обычную ссылку. Кроме того, в порядке исключения полностью переведены в подстрочные примечания заключенные в скобки даты в разделе «Смирительный дом» вто-

рой части «Благотворительных заведений». Такое решение было принято как по причине значительного числа присутствующих в одном с ними ряду ссылок, оформленных с использованием оборота «там же» (что позволяет всю их совокупность интерпретировать в качестве ссылок на журналы), так и из-за затруднений в восприятии материала, возникающих при сохранении исходного оформления столь большого числа ссылок в тексте малого объема.

В виде подстрочных примечаний оформлены некоторые сведения, касающиеся текстологии публикуемых работ; все они отделены от авторских прибавлением в конце пометы *Ред.*

Авторские сокращения в своем большинстве раскрыты. Исключения многочисленны и касаются сокращений, в настоящее время используемых или повсеместно (см. — смотри, проч. — прочее, т.д. — так далее, т.е. — то есть, т.п. — тому подобное), или относительно широко в специальных изданиях (св. — святой или святая, ц. — церковь, п. — пункт, ст. — статья). Буква *г.* в газетном тексте используется для замены трех разных слов: «год», «город» и «господин» (-жа»). В первых двух случаях сохраняем сокращение без изменения. Слова «господин» (-жа»), а также «рубель» и «копейка» сокращались Г.И. Пановым различно: *г.* и *г-н*, *г.* и *г-жа*, *р.* и *руб.*, *к.* и *коп.* По всему тексту унифицировано в формах *г-н*, *г-жа*, *руб.*, *коп.* При отсутствии уверенности в правильности раскрытия сокращение сохраняли. Особенностью взятого за основу печатного текста является своеобразная форма передача имен, при которой собственно имя и фамилия приводятся полностью, а отчество сокращается до инициала. Не имея возможности восстановить все отчества, воспроизводим исходную форму, по мере возможности раскрывая отчества в указателе имен.

Разбивка на абзацы — авторская.

В публикации «Благотворительных заведений города Тулы с 1784 г. по 1800 г.» текст разбит на не имеющие заголовков, выделенные одними номерами главы. С целью облегчить навигацию в материале и сблизить оформление этой и продолжающей ее статьи Г.И. Панова, каждой главке в содержании даны названия, взятые в угловые скобки. В публикации «Благотворительных заведений г. Тулы в начале нынешнего столетия» главы пронумерованы и поименованы, но их нумерация прерывается на № 3, которым обозначен раздел, посвященный Тульскому воспитательному дому. В содержании передаем этот номер более общей теме «Воспитательные дома» (заголовков наш, заключен в угловые скобки), и, начиная со следующего раздела, с указанной выше целью восстанавливаем прерванную нумерацию. В авторский текст эти изменения не включены.

При подготовке комментария использована разнообразная справочная и научная литература, частично перечисленная ниже. Задача исчерпывающе

прокомментировать все упомянутые в тексте реалии не ставилась; общеизвестные имена и факты, как правило, не комментировались. Вместе с тем, допуская возможность обращения к книге более широкой, чем чисто научная, читательской аудитории, в комментарий были включены характеристики реалий, едва ли хорошо известных неспециалистам — в частности, сведения о государственных учреждениях XVIII—XIX в., должностях в их штате и чинах.

Литература, использованная при подготовке комментария

Документальные публикации

Кутафин О.Е., Лебедев В.М., Семигин Г.Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. 2. Период абсолютизма. М.: Мысль, 2003. 848 с.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-ое. Т. 1-45. СПб., 1830.

Российское законодательство. М.: Юрид. лит. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. 1987. 528 с.; Т. 7. Документы крестьянской реформы. 1989. 432 с.

Тула. Материалы для истории города XVI—XVIII столетий. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К., 1884. 240 с.

Справочно-энциклопедические издания, путеводители

Архиереи Русской Православной Церкви (1700–1917) // Смолитч И.К. История Русской церкви. 1700–1917. Ч. 1. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского мон-ря, 1996. С. 670-782.

Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII – начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М.: Янус-К; Московские учебники и картография, 2006. 300 с.

Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 2. Центральные государственные учреждения. СПб.: Наука, 2001. 261 с.

Государственность России. Государственные и церковные учреждения, сословные органы, органы местного самоуправления, единицы административно-территориального, церковного и ведомственного деления (конец XV века – февраль 1917 года). Словарь-справочник. В 5 кн. М.: Наука, 1996-2005.

Государственный архив Тульской области. Путеводитель. Ч. 1. Изд-е 2-е. Тула, 2001. 744 с.

Илизаров С.С. Московская интеллигенция XVIII века. М.: Янус-К, 1999. 370 с.

Лозинский Р.Р. Страницы минувшего. 2-е изд. Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2000. 136 с.

Москва. Энциклопедия. М.: Сов. энц-я, 1980. 688 с.

Полный православный богословский энциклопедический словарь. В 2 т. Репр. издание. М.: Возрождение, 1992. 2463 с.

Православная энциклопедия. М.: Прав. энц-я, 2000-... Т. 1-...

Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь. М.: Сов. энц-я; БРЭ, 1989-1999. Т. 1-4.

Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000. Энциклопедический словарь. М.: РОССПЭН, 2001. 1224 с.

Словарь русских писателей XVIII века. Л.: Наука. Вып. 1 (А-И). 1988. 358 с.; Вып. 2 (К-П). 509 с.

Тульский биографический словарь. В 2-х т. Тула: Пересвет, 1996. 335, 352 с.

Тульский биографический словарь. Новые имена. Тула: Пересвет, 2003. 287 с.

Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. В 12 т. М.: Сов. энц-я; Бол. Росс. энц-я; Эконом. газета, 1991-1997. Т. 1-6.

Энциклопедия городов и районов Тульской области. Тула: Пересвет, 2000. 431 с.

Юркин И.Н. Индустриальное наследие тульского края: Памятники, памятные места, маршруты экскурсий. Тула: Филин, 1994. 48 с.

Научные исследования

Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета. 1755–1855. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 240 с.

Афремов И.Ф. Историческое обозрение Тульской губернии. М.: Тип. В. Готье, 1850. Ч. 1. 241+112 с.

Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. 2001. СПб.: Лики России, 2001. 848 с.

Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб.: Лики России, 2003. 640 с.

Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 2004. 616 с.

Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб.: Звезда, 2005. 464 с.

Благотворительность в России. Исторические и социально-экономические исследования. СПб.: Звезда, 2007. 512 с.

Лаголева О.Е. Русская провинциальная старина: Очерки культуры и быта Тульской губернии XVIII – первой половины XIX вв. Тула: Ритм, 1993. 208 с.

Дашкевич Л.А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII – первая половина XIX в.). Екатеринбург: УрО РАН, 2006. 412 с.

Парамонова И.Ю. Летопись тульской судебной системы. 1777–2007. Тула: Дизайн-Коллегия, 2007. 504 с.

Смагина Г.И. Академия наук и российская школа (вторая половина XVIII.). СПб.: Наука, 2002. 165 с.

Ульянова Г.Н. Благотворительность в Российской империи. XIX – начало XX века. М.: Наука, 2005. 403 с.

Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. Репр. издание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. 600 с.

Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула: Рарус, 1998. – 27 с.

Благотворительные заведения города Тулы с 1784 г. по 1800 г.

Впервые, под названием «Благотворительные заведения в г. Туле в конце прошедшего столетия», опубликовано в Прибавлениях к ТЕВ. 1875. № 8 (15 апр.) – С. 237-251; № 9 (1 мая). – С. 273-288; № 10 (15 мая). – С. 309-317 и № 11 (1 июня). – С. 341-350, с указанием авторства (в № 11 после текста) *Прот. Г. Панов*. С использованием газетного набора издано отдельной брошюрой: Благотворительные заведения города Тулы с 1784 г. по 1800 г. Тула: Тип-я Н.И. Соколова, 1875. 48 с. (цензурное разрешение от 7 июля 1875 г.). Подпись та же и там же. Рукописи и корректура не выявлены. Публикуется по отдельному изданию, сверенному (различия не обнаружены) с газетным.

стр.

32. Имеется в виду являющийся основой екатерининской реформы системы местного управления нормативно-правовой акт, в первом официальном издании именованный «*Благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни императрицы Екатерины Вторыя учреждения для управления губерний Всероссийския империи*», в исторической литературе обычно именуемый *Учреждениями для управления губерний, Учреждениями о губерниях*, наконец, просто *Учреждениями*. Он был утвержден

(подписан) императрицей в Москве 7 ноября 1775 г. и через день объявлен Прав. Сенату. Приказы общественного призрения в наместничествах и губерниях учреждались по силе ст. 38 гл. 1, и ст. 378 гл. 25 Учреждений.

стр.

32. *Верхний земский суд* — местное судебное учреждение, созданное на основании Учреждений для управлений губерний 1775 г. и действовавшее до 1796 г. В качестве суда второй инстанции по апелляциям на подчиненные ему судебные учреждения (уездные суды, дворянские опеки и нижние земские суды) рассматривал уголовные и гражданские дела лиц, принадлежавших к дворянскому сословию. Имел двух назначенных председателей и 10 избранных на местах заседателей, распределенных между двумя департаментами — уголовных и гражданских дел.

стр.

32. *Губернский магистрат* — название местных (городских) учреждений разного назначения: до 1775 г. органа управления посадским населением, после этого и до приблизительно 1796 г. — судебного учреждения. В соответствии с Учреждениями для управления губерний 1775 г., создавался в центрах губерний и наместничеств. Ему подчинялись городовые магистраты и ратуши, сиротский суд, с провозглашением Жалованной грамоты городам (1785) — также, частично, общая Городская и Шестигласная думы. Сам подчинялся Губернскому правлению, контролировался палатами гражданского и уголовного судов. Делился на департаменты уголовных и гражданских дел, имевших каждый председателя и 3 заседателей. В зависимости от характера дела мог выступать в качестве суда как первой, так и второй инстанции.

стр.

32. *Верхняя расправа* — местное судебное учреждение, созданное на основании Учреждений для управления губерний 1775 г. и действовавшее до 1796 г. В качестве суда, преимущественно, второй инстанции рассматривала апелляции крестьян (государственных, экономических, дворцовых), ямщиков и однодворцев. Имела структуру, подобную структуре Верхнего земского суда с тем же числом заседателей. Верхние расправы создавались не везде — лишь там, где пребывали крестьяне соответствующих категорий. Но если существовала Нижняя расправа (см. далее), Верхняя создавалась обязательно. В качестве апелляционной инстанции выступала для нижних расправ, а в тех губерниях, где не было верхних земских судов, — и для судов нижних земских. В ряде случаев могла выступать в качестве суда первой инстанции.

стр.

32. *Тульское наместничество* — Указом Екатерины II от 19 сентября 1777 г. была учреждена Тульская губерния, которая тогда же вместе

с Калужской и Рязанской губерниями составила общее наместничество во главе с генерал-губернатором (наместником) М.Н. Кречетниковым. В 1781 г. из этого наместничества была выделена Рязанская губерния. Указом императора Павла I от 12 декабря 1796 г. наместничества ликвидировались, наиболее крупной единицей территориально-административного деления становились губернии.

стр.

32. *Губернское правление* — местное административное учреждение, созданное на основании Учреждений для управления губерний 1775 г. и до 1917 г. действовавшее при губернаторе. Первоначально включало губернатора и двух назначенных советников; в 1824 г. его состав был расширен. Состояло в ведении Министерства внутренних дел. Осуществляло общее административное управление губернией, обеспечивало обнародование нормативно-правовых актов верховной власти, решение дел, не требовавших рассмотрения в суде, наложение ареста на имущество и рассмотрение жалоб на подчиненные правлению учреждения и лица.

стр.

32. *Городской (правильнее городской) магистрат* — местное учреждение, первоначально, как и ратуша, управлявшее посадским населением, позднее реорганизованное на основании Учреждений для управления губерний 1775 г. и действовавшее на новых основаниях до 1885 г., выполняющая функции судебного и, отчасти, административного (подати, рекрутский набор) характера. Под его руководством состоял Совестный суд.

стр.

32. *Управа благочиния* — городское коллегиальное административно-полицейское учреждение, созданное на основании Устава благочиния или полицейского, утвержденного 8 апреля 1782 г. Ликвидированная в 1799 г., была восстановлена в 1802-м и действовала до 1881 г. В губернских городах возглавлялась полицеймейстером, в остальных городничим. В состав присутствия также входили 2 назначавшихся пристава, по уголовным и гражданским делам соответственно, и 2 избравшихся из мещан ратмана (советника). Она осуществляла охрану порядка и безопасности и некоторые другие обязанности, связанные с общим административным управлением, финансовыми и судебными делами.

стр.

32. *Ратуша* — местное учреждение, первоначально, как и городской магистрат, управлявшее посадским населением, реорганизованное на основании Учреждений для управления губерний 1775 г., и с 1775 г. по 1885 г. выполнявшее функции судебного и, отчасти, административного (подати, рекрутский набор) характера. В отличие от магистратов, ратуши со-

здавались, как правило, в слободах и крупных торгово-промышленных селах. Под их руководством состоял Сове́стный суд. По Городовому положению 1785 г. осуществляли, в частности, организацию выборов на должности цехового управления, прием в цехи, запись в купечество и мещанство. Ратуша «для суда и расправы между оружейниками» (*Оружейная ратуша*) была учреждена на основании пункта 187 Положения о Тульском оружейном заводе от 25 июня 1782 г., которым их права были приравнены к мещанским. Оружейная ратуша находилась в казенной слободе на Никольской улице напротив демидовского двора, к западу от двора заводчика Антипы Максимовича Мосолова.

стр.

33. Ликвидация в Российской империи приказов общественного призрения не была единовременным актом — их существование прекращалось по мере введения в губерниях земских учреждений. По Уставу общественного призрения 1892 г. они еще сохранялись в 8-9 губерниях (в том числе, сибирских и прибалтийских) и в Области войска Донского, продолжая там существовать даже в начале XX в. Указанная Г.И. Пановым дата ликвидации Тульского приказа общественного призрения (1 июня 1866 г.) подтверждается сведениями прессы — современным событиям номером газеты «Тульские губернские ведомости». В сохранившемся в архивном фонде приказа присутствуют документы также не позднее 1866 г.

стр.

33. *Губернская земская управа* — исполнительный орган Губернского земского собрания. Созданные на основании Положения о земских учреждениях от 1 января 1864 г., эти управы прекратили существование после октября 1917 г. Состояли из председателя (утверждавшегося министром) и 6 членов. Ведали имущественными делами земства, надзирали за поступлением доходов и правильностью расходов, рассматривали некоторые иски и жалобы на действия уездных земских управ.

стр.

33. Фонд Тульского приказа общественного призрения, хранящийся в настоящее время в Государственном архиве Тульской области, содержит документы не ранее 1797 г.

стр.

35. С Благовещенской церковью связано одно из старейших (1625 г.) упоминаний о богадельне в Туле, причем, как явствует из писцовой книги, построенной на государственный счет: в числе дворов, находящихся на церковной земле близ этого храма, отмечен «двор богоделенской, изба и клети строенье государево, в длину двор 16 саж., поперег 13 саж.». Из относительно ранних тульских богаделен, закрытой прежде 1782 г.

(сведения для которого приведены Г.И. Пановым), отметим существовавшую на погосте Казанской церкви. Среди лиц, в ней проживавших, источник 1721 г. упоминает, между прочим, вдову дьячка из Каширского у. — обращаем на это внимание в связи с вопросом о призрании лиц духовного звания, обсуждаемым Г.И. Пановым в «Заметках» 1863 г.

стр.

35. В Туле в 1780-х гг. существовали два ранее принадлежавших Демидовым дома: один в Кузнецкой слободе близ церкви Рождества Христова, что на Оружейной стороне (Никола-Зарецкой), другой, иногда называвшийся «домом на плотине», — на территории демидовского завода. Первый сильно пострадал в пожар 1779 г. и вплоть до его покупки Баташевым стоял нежилым. Второй вместе с остатками бездействовавшего металлургического завода в марте 1779 г. был куплен для нужд казенного оружейного завода. Некоторое время спустя правитель наместничества генерал-поручик М.Н. Кречетников предложил его за ветхостью разобрать, что и было сделано в период с 18 апреля по 4 октября 1782 г. По-видимому, материалы, заготовленные при разборке богадельни, были перенесены к дому в казенной слободе.

стр.

37. Автор не называет храм, священником которого в 1784 г. был *Симеон Иванов*. Скорее всего, идет о Никола-Зарецкой церкви — по сведениям, приводимым Г.И. Пановым (в статье, посвященной этому храму), в 1784 г. с ним были связаны сразу два священника с таким именем: один, старший Семен Иванов, служил в нем с 1750 г. и умер не позднее 1786-го, другой, его младший тезка, — с 1783-го, умер не позднее 1795 г. Остается неясным, касается ли изложенный эпизод демидовской богадельни при Никола-Зарецкой церкви (упоминаемой в «Заметках» — см.) или о каком-то другом находившемся поблизости учреждении того же профиля.

стр.

37. *Сокольников Козьма Семенович* (1751—1831) — архитектор, строитель, механик. Жил и работал в Туле. 32 года служил при Тульском оружейном заводе, для которого много проектировал. Автор проектов жилых домов и нескольких храмов, в том числе сохранившихся: Рождества Пресвятой Богородицы, прихожанином которой являлся, Флора и Лавра и Всех Святых (своды и купол). Возведен в потомственное дворянство.

стр.

38. *Наместническое правление* — административное учреждение местного уровня, исполнительный орган на территории наместничества (генерал-губернаторства). Создавались на основании Учреждений для управления губерний 1775 г. Присутствие составляли наместник (назначался

императором) и 2 советника (от Прав. Сената). Основными функциями правлений являлись: управление наместничеством, обнародование актов верховной власти, высших и центральных учреждений, контроль за их исполнением, принятие мер к нарушителям.

стр.

38. Указанные Г.И. Пановым статьи Учреждений для управления губерний 1775 г. входят в главу 26 «О совестном суде и его должности», их темы: 396 — «О присутствующих», 397 — «Правила совестного суда». Об обязанностях лиц, заседавших в Приказе общественного признания, в них не упоминается.

стр.

39. *Кречетников Михаил Никитич* (1729—1793), граф, генерал-аншеф. В 1777—1791 гг. генерал-губернатор наместничества, в состав которого входила Тульская губерния. Резиденция наместника находилась в Туле. В 1777—1782 гг. возглавлял комиссию, образованную с целью улучшения работы Тульского оружейного завода, важнейшим результатом деятельности которой явилась выработка нового Положения о заводе, утвержденное в 1782 г.

стр.

39. *Воспитательный дом в Москве* для «приносных» младенцев был учрежден на основании манифеста Екатерины II от 1 сентября 1763 г. Создавался на средства жертвователей, среди которых в числе первых были императрица, наследник престола Павел Петрович, Д. Дидро, Е.Р. Дашкова и П.А. Демидов, совершивший наибольшее по величине пожертвования (всего на 1 млн 107 тыс. серебром). На его средства были созданы использовавшиеся для коммерческого кредитования Ссудная и Страховая казна, ставшие важным источником постоянных доходов дома, а также Коммерческое училище.

стр.

39. В период, к которому относятся описываемые события, говоря о земских судах, подразумевали *нижние земские суды* — административно-полицейские учреждения, созданные на основании Учреждений для управления губерниями 1775 г. После отмены верхних земских судов, с 1798 по 1863 г., название *земский суд* в отношении бывших нижних судов употреблялось уже официально.

стр.

39. *Уездные суды* — местные судебные органы по уголовным и гражданским делам, возникшие на основе Учреждений для управления губерниями 1775 г. Являлись судами первой инстанции, рассматривавшими гражданские и уголовные дела дворян, а также апелляционной инстан-

цией для нижнего земского суда. Подчинялись палатам верхнего земского суда. Состояли из уездного судьи и 2 избираемых заседателей. Упразднены в ходе реформирования судебной системы в 1864 г.

стр.

43. *Духовные консистории* — местные епархиальные церковные административно-судебные учреждения, первое из которых (*Московская консистория* или *дикастерия*) впервые упоминается в 1722 г. Подчинялись епархиальному архиерею, были подведомственны Св. Синоду. Являлись второй апелляционной инстанцией духовного суда (после духовных правлений). Осуществляли управление епархией и лицами духовного звания на ее территории — ведали вопросами назначений, перемещений, пострижения в монашество, принятия православия инославными и иноверцами, строительства и ремонта храмов, метрикации и др. Состояли из присутствия, включавшего несколько (3 или 4) духовных лиц и канцелярии с секретарем. *Коломенский архиерейский духовный приказ* стал именоваться *Коломенской духовной консисторией* в результате унификации именовании подобных учреждений, произведенной указом Св. Синода от 9 июля 1744 г. Юрисдикция Коломенской консистории распространялась на большую часть Тульской провинции, позднее губернии, а с 1788 г. — на всю губернию. С созданием Тульской епархии преобразована в *Тульскую духовную консисторию* (1799).

стр.

43. *Феодосий (Михайловский)*, епископ Коломенский и Каширский (последний с таким именованием — после него епископы этой епархии назывались Коломенскими и Тульскими). Рукоположен 28 декабря 1763 г.; умер 30 января 1787 г.

стр.

43. *Духовные правления* (Тульское и другие) были сформированы на основании указа Св. Синода от 4 сентября 1722 г. В иерархии учреждений духовного ведомства являлись низшей в инстанцией, совмещавшей управленческие и судебные функции; подчинялись консисториям. Члены назначались епархиальным архиереем. Ликвидировались постепенно в основном во второй половине XIX в. Документы в фонде Тульского Духовного правления, хранящиеся в ГАТО, включают документы за 1749–1823 гг., но других правлений — и более поздние (Лихвинского до 1896, Одоевского до 1866, Ефремовского до 1864 и т.д.).

стр.

44. *Афанасий (Иванов)*, епископ Коломенский и Тульский. Рукоположен 12 ноября 1788 г.; с 10 апреля 1799 г. епископ Воронежский и Черкасский.

стр.

45. В Учреждениях для управления губерний 1775 г. (ст. 387) дословно сказано следующее: если Приказ общественного призрения найдет, что «в губернии число обоего пола убогих, увечных или престарелых, кои пропитания не имеют, превосходит число положенных мест по богадельням, тогда Приказу общественного призрения отдается на рассмотрение, или распространить установленныя богадельни, и умножить места в оных, или же завести вновь в удобных к тому местах богадельни...».

стр.

45. Подразумевается Высочайше утвержденное 25 июня 1782 г. Положение о Тульских оружейных заводах, подготовленное работавшей в 1778—1782 гг. Комиссией для рассмотрения состояния Тульских оружейных заводов.

стр.

45. Вольный пересказ части ст. 387 Учреждений для управления губерний 1775 г., предписывающей расширять существующие или открывать новые богадельни, «дабы таковые убогие, увечные и престарелые, кои пропитания не имеют, получали покров, одежду и прокормление в богадельнях».

стр.

46. Императрица *Екатерина II* посетила Тулу 20-22 июня 1787 г., возвращаясь из путешествия в Крым и Новороссию. Впечатления о пребывании ее в Туле сообщает в своих «Записках» А.Т. Болотов (письма 229 и 230).

стр.

47. Как указывалось выше, приказы общественного призрения возглавлялись правителями наместничеств.

стр.

47. *Градской стороной* в Туле называлась левобережная (относительно реки Упы) часть города. Ее территория делилась на две полицейские части, границей которых служила Киевская улица: южной части был присвоен номер 1, западной — 2-й. Одно из городских кладбищ и стоявшая на нем церковь Всех Святых находились в границах части 1-й, которую Г.И. Панов, по-видимому, и называет *Градской частью*.

стр.

48. *Екатерининская больница* в Москве была учреждена указом Екатерины II одновременно с Екатерининским богадельным домом. Для ее размещения был использован бывший карантинный двор на 3-й Мещанской ул., в здании которого она и была открыта в 1776 г. После перевода больницы в 1833 г. в другое помещение у Петровских ворот, в прежнем ее здании в 40-х гг. XIX в. снова стала работать больница, именовавшаяся *Староекатерининской*.

стр.

48. *Казенная палата* — местное финансовое учреждение, созданное на основании Учреждений об управлении губерний 1775 г. и ликвидированное в 1918 г. Присутствие палаты включало вице-губернатора, директора экономики или домоводства, советника, двух ассессоров и губернского казначея. Палаты подразделялись на экспедиции, ведавшими казенными землями, таможнями, казенными и частными заводами, винными откупам и подрядами, рекрутскими наборами, казенными строениями и проч.

стр.

51. В излагаемом здесь п. 2 ст. 394 («Примерное положение для учреждения больницы») Учреждений 1775 г. далее добавлено: «или халат холстинный». *Шлафорок* (чаще писали *шлафрок* или *шлафор*) — просторная домашняя одежда, разновидность халата, носившаяся мужчинами и женщинами; пуговиц не имела — запахивалась и подпоясывалась поясом.

стр.

54. *Устав благочиния или полицейский* — нормативно-правовой акт, посвященный целям, устройству и организации деятельности городской полиции, углубляющий и дополняющий соответствующие положения Учреждений для управления губерний. Подписан Екатериной II 8 апреля 1782 г. Состоит из 14 глав.

стр.

54. Отметим расхождения текста, приведенного Г.И. Пановым, с оригинальным текстом Устава благочиния (1-е изд-е): «Буде кто изобличен в пьянстве...» (Г.И. Панов) — «Буде же кто злообычен в пьянстве...» (Устав); «...нежели трезв...» (Панов) — «...нежели тверез...» (Устав). Смысл не искажается, но при увеличении числа подобных замен цитата превращается в пересказ.

стр.

54. *Уголовная палата* — другое название *Палаты уголовного суда*, местного судебного учреждения, созданного на основании Учреждений для управления губерний 1775 г. и действовавшего вплоть до 1864 г. (за исключением 1791–1801 гг., когда такие палаты функционировали в слитом с палатами гражданского суда виде). Присутствие палат первоначально включало председателя, двух советников и двух ассессоров; с 1801 г. состав изменился. Они являлись апелляционным судом; рассматривали спорные дела нижестоящих судов и особо опасные преступления.

стр.

54. *Палата суда и расправы* — местное судебное учреждение, возникшее в результате слияния палаты гражданского суда с палатой уголовного суда и действовавшее в 1796–1801 гг. В своей деятельности объединила

функции упраздненных с ее созданием структур. Подразделялась на гражданский и уголовный департаменты.

стр.

55. Приведенный текст довольно существенно расходится с Учреждениями для управления губерний 1775 г. «Смирительный дом уставляется (устанавливается) ради таких людей обоего пола, которые имеют невоздержное житие (которые непотребного и невоздержного жития), как-то сыновей и дочерей (яко 1. сыновья или дочери), которые своим родителям (кои родителям своим) непослушны или (пропущено: пребывают) злаго жития, и (или) ни к чему доброму не сильны (не склонны), и людей (2. люди), которые впадут в непотребное житие и начнут расточать имение, накоплять долги (долги накоплять) вдвое против имения, разорять дом (дом разорять) и чинить непотребности против (противныя) чести» (основной текст — по Г.И. Панову, в скобках — он же по 1-му изданию Учреждений). Впрочем, не исключено, что в данном случае Г.И. Панов цитирует Учреждения не напрямую, а воспроизводит выписку из них, приведенную в журнале Приказа общественно-го призерния, или же использует другую, более позднюю редакцию акта.

стр.

57. *Муромцев Матвей Васильевич*, генерал-поручик, первый губернатор Тульской губ. (1777–1784).

стр.

59. В *Киевскую дорогу* переходила главная улица южной части Тулы, также именовавшаяся *Киевской*.

стр.

59. *Комиссия училищ* — высший орган управления народными училищами, созданный для реализации плана организации в России народных школ, подготовки учителей, создания (перевода или написания заново) для них учебников. Учреждена во исполнение указа Екатерины II сенатору гр. П.В. Завадовскому от 7 сентября 1782 г. и «Плана к устроению народных училищ в Российской империи» от 17 сентября 1782 г. Действовала до 1803 г. Персональный состав определялся императрицей. Подчинялась непосредственно монарху, возглавлялась первоприсутствующим П.В. Завадовским, позднее П.С. Свистуновым. Именовалась также: *Комиссия об училищах*, *Комиссия об установлении училищ*, *Главное училищ правительство*.

стр.

59. *Покровский Феофилакт Гаврилович* (1763 — ок. 1848), деятель просвещения (работник системы образования), писатель, ученый. С 1786 г. преподаватель Тульского главного народного училища, с 1804 г. — гимназии. В 1808–1817 гг. директор училищ Тульской губернии. Автор трехтомной «Истории Тульской губернии» (не сохранилась).

стр.

60. Имеется в виду утвержденный императрицей 5 августа 1786 г. *Устав народных училищ Российской империи*, явившийся основой для организации учебных заведений в рамках проводившейся в стране учебной реформы. Опирался на «Всеобщий учебный устав для немецких нормальных, главных и тривиальных школ во всех австрийских наследственных владениях», но точной копией австрийского не был — учитывал особенности российской социокультурной ситуации.

стр.

60. *Гражданская палата* — другое название *Палаты гражданского суда*, местного (существовала в каждом губернском городе) судебного учреждения, созданного на основании Учреждений для управления губерний 1775 г., действовавшего до 1796, после перерыва также в 1799—1868 гг. Присутствие таких палат первоначально включало председателя, двух советников и двух ассессоров; с 1801 г. состав изменился. Они являлись апелляционным судом по гражданским делам: рассматривали апелляции на решения Верхней расправы, городских магистратов и ратуш и ряда других судебных учреждений. Хранили информацию о недвижимости в губернии, проводили экспертизу сделок с ней.

стр.

60. *Нижняя расправа* — местное судебное учреждение, решавшее гражданские, уголовные дела и земельные споры некоторых категорий населения (преимущественного сельского): однодворцев, ямщиков, черносошных, государственных и дворцовых крестьян, позднее казаков, причем, если речь шла об имущественных исках, то на небольшие, до 25 руб., суммы. Образовывались на основании Учреждений для управления губерний 1775 г. по одному на 10-30 тыс. населения. Состояли из расправного судьи (назначался из чиновников Губернским правлением) и восьми заседателей. Были ликвидированы в 1796 г.

стр.

60. По штату в Главном народном училище полагалось иметь четырех учителей из расчета по одному на каждый класс (со штатным жалованьем 200+200+200+150 руб.) и особого учителя иностранного языка (300 руб.). В Тульском главном народном училище их было 6; получали они: 400+400+200+150+150 руб., а работавший по контракту учитель иностранного языка — 400 руб. Как видим, расходы Тульского приказа на Главную школу заметно обгоняли типовое штатное жалованье: 1700 по факту против 1050 по штату. Повышенный оклад был установлен учителям-предметникам двух старших классов и учителю языка. А вот директор училища получал жалованье в строгом соответствии с тарифной ставкой.

стр.

62. *Лопухин Андрей Иванович*, правитель наместничества, после его ликвидации в 1796 г. первый тульский гражданский губернатор (1790–1797). По сведениям И.Ф. Афромова, имел чин тайного советника. В соответствии с занимаемым постом возглавлял Тульский приказ общественного призрения и был попечителем подведомственных ему благотворительных учреждений.

стр.

62. По-видимому, речь идет о созданной по рекомендации наместника М.Н. Кречетникова усилиями А.Т. Болотова общеобразовательной школе для крестьянских детей, которую в литературе обычно именуют *Богородицким волостным училищем*. Судя по «Запискам» А.Т. Болотова, работа по ее организации проходила в 1784 г.

стр.

63. Село *Бобрики* с деревнями в 1763 г. было куплено и вместе с конюшенной дворцовой *Богородицкой волостью* в 1765 г. подарено внебрачному сыну Екатерины II кн. А.Г. Сицкому, который в 1775 г. по названию первого владения получил фамилию Бобринский. В 1770 – первой половине 1780-х гг. в Богородицке был построен дворец и поблизости от него церковь во имя иконы Казанской Божией матери. Статус города, который Богородицк имел до 1763 г., был возвращен ему в 1777 г.

стр.

64. Московская сторона Тулы – правобережная относительно реки Упы половина города – разделялась на две полицейские части, 3-ю и 4-ю, границей между которыми служила впадавшая в Упу речка Тулица. 3-ю (северную) четверть, где издавна находилась казенная Кузнечная слобода, и где жили многие оружейники, подчас называли *Оружейной частью*.

стр.

65. 4-я часть города Тулы по полицейскому его делению соответствовала восточной его четверти. Вплоть до конца XIX в. этот район на городских картах нередко назывался *слободой Чулково*, что отражало историю этого района – в прошлом одноименного пригородного села.

стр.

68. *Жоли Иосиф Иванович* – содержатель благородного пансиона, существовавшего в Туле в конце XVIII в., где кроме него преподавали его жена и учитель Главного народного училища Садыков. Сведения об этом пансионе см. во втором очерке данного цикла в разделе «Домашние школы г. Тулы».

стр.

69. *Тульская классическая гимназия* (четырёхклассная) была создана на основании Устава учебных заведений 1804 г. Основой для нее послужили

ло Главное народное училища, два высших класса которого 7 августа 1804 г. были преобразованы в два низших класса гимназии.

стр.

69. *Духовные училища* — низшие духовно-учебные заведения Русской Православной Церкви. Создание началось в 1801 г. В 1814 был принят устав, установивший для них 4-летний срок обучения, в 1867, 1884 гг. — новые уставы. Ректоры училищ утверждались по представлениям правлений духовных семинарий.

стр.

69. *Московская духовная академия* берет свое начало в проекте, возникшем при царе Федоре Алексеевиче, устроить при московском Заиконоспасском монастыре высшую школу — академию. Приготовленная тогда же грамота об открытии и правах будущей академии из-за смерти царя (1682) была утверждена только в 1685 г. царевной Софьей Алексеевной. Учение в академии началось после приезда в Москву (1685) братьев Иоанникия и Софрония Лихудов в кельях Богоявленского монастыря. В академии преподавались как духовные (в том числе богословие), так и светские науки. В 1814 г. была переведена в Троице-Сергиеву лавру.

стр.

69. *Киевская духовная академия* возникла между 1627 и 1631 гг. благодаря усилиям архимандрита Печерской лавры Петра Могилы, основавшего при лавре училище по образцу латинских коллегий. В 1631 г. он перевел его в Братский монастырь и соединил (1632) с существовавшей там с 1615 г. Богоявленской школой. После заключения «Вечного мира» с Речью Посполитой (1686), закрепившего Киев в составе Российского государства, около 1689 г. коллегия была переименована в академию. По другим данным, название коллегии сохранялось до самого конца столетия, академия же на ее основе была образована указом Петра I в 1701 г. В 1689 г. в круг изучаемых в коллегии дисциплин было введено богословие.

Благотворительные заведения г. Тулы в начале нынешнего столетия

Впервые опубликовано в Прибавлениях к ТЕВ. 1875. № 16 (15 авг.).— С. 97-109; № 17 (1 сент.). — С. 125-137; № 18 (15 сент.).— С. 157-168; № 19 (1 окт.). — С. 221-234; № 20 (15 окт.).— С. 277-286; № 21 (1 нояб.).— С. 313-322; № 22 (15 нояб.).— С. 359-363; № 24 (15 дек.).— С. 427-434; 1876. — № 1 (1 янв.). — С. 8-13; № 4 (15 февр.).— С. 132-

142; № 5 (1 марта). — С. 169-177. Публикация в № 16 за 1875 г. сопровождается примечанием: *Продолжение статьи, напечатанной в №№ 8-11*; публикация в № 5 за 1876 г. примечанием: *Окончание*. Подпись в № 24 за 1875 г. и № 5 за 1876 г.: *Прот. Г. Панов*. Отдельное издание не выявлено.

Рукописи не выявлены. Издается по газетной публикации.

Названия разделов — авторские.

стр.

70. *Тамилин Яков Михайлович* (фамилия — в форме, приводимой в «Тульском биографическом словаре»), действительный статский советник, тульский губернатор в 1799—1801 гг.

стр.

70. *Прозоровский Дмитрий Александрович*, князь, статский советник, тульский губернский предводитель дворянства в 1799—1801 гг.

стр.

70. Учреждения под названием *Палата уголовного и гражданского суда* не существовало. Палаты суда и расправы при их ликвидации в 1801 г. (по именному указу от 9 сентября) была разделены на самостоятельные палаты уголовного суда (см.) и палаты гражданского суда. При этой реорганизации была введена выборность их заседателей, избравшихся (по два человека) от дворянства и купечества.

стр.

70. *Иванов Николай Петрович* (отчество — в варианте, приводимой в «Тульском биографическом словаре»), действительный статский советник. В историко-краеведческой литературе (И.Ф. Афремов, Н.К. Фомин и др.) обычно указывается, что пост тульского губернатора он занимал с 1801 г. Г.И. Панов называет точную дату назначения: 11 января 1802 г.

стр.

71. *Совестный суд* — местная судебная инстанция, созданная на основании Учреждений для управления губерний 1775 г. и рассматривавшая дела особого рода — о колдовстве, суеверии, бродяжничестве, о преступлениях, совершенных малолетними, позднее также дела об оскорблении родителей детьми. Создавались в губерниях и наместничествах, Включали судей и заседателей, избравшихся от основных сословных групп. В большинстве губерний были ликвидированы в 1852, в Московской и Петербургской сохранялись до 1861 г.

стр.

73. Здесь и далее *Главной народной школой* Г.И. Панов называет образовательное учреждение, ранее именовавшееся им *Главным народным училищем*.

стр.

73. Имеется в виду *Грамота на права, вольности и преимуществва благородного российского дворянства*, подписанная императрицей и заверенная государственною печатью 21 апреля 1785 г. Сокращенно именуется *Жалованной грамотой дворянству*. Этот акт подтвердил Манифеса о вольности дворянства 18 февраля 1762 г. и существенно расширил его привилегии.

стр.

74. Этот, от 19 августа, и следующий, от 16 сентября 1801 г., рескрипты (грамоты) Александра I по поводу открытия и именованя создававшегося в Туле училища для неимущих дворян были направлены на имя тульского гражданского губернатора Иванова.

стр.

75. *Экспедиция о государственных доходах* — центральное финансовое учреждение, существовавшее в 1773–1821 гг. первоначально (до 1779 г.) в структуре Первого департамента Прав. Сената, позднее при Прав. Сенате, позднее самостоятельно. Первоначально собирала сведения о государственных доходах, с 1779 г. стала также ведать заготовкой гербовой бумаги. С 1780 г. состояла из 4 экспедиций: о государственных доходах, о расходах, для свидетельства счетов и для взыскания по начетам и недоимкам; в 1801 г. к ним была добавлена временная 5-я экспедиция. С 1782 г. при них создаются многочисленные специализированные экспедиции: по винной, соляной части, для горных и хлебных дел. В 1796 г. была подчинен государственному казначею. При ликвидации была преобразована в Департамент государственного казначейства Министерства финансов.

стр.

75. *Оружейное правление* — структура управления, заменившая Оружейную канцелярию в ходе реформы организации и управления оружейным комплексом Тулы 1782 г., предпринятой с учетом введения Учреждений для управления губерний 1775 г.

стр.

76. Этот факт любопытно сопоставить с приводимыми далее Г.И. Пановым данными за 1800 г. о довольно прохладном отношении населения уездных городов губернии, в частности, купечества, к предложению «войти в пособие» Приказу общественного призрения в подготовке к открытию казенных школ — жители Алексина, Одоева, Ефремова и ряда других городов не жертвовали для этой цели ничего.

стр.

76. *Штык-юнкер* — обер-офицерский чин, действовавший в русской армии с 1712 по 1796 г. Как правило, офицер в этом чине занимал должность командира артиллерийского взвода или ей равную.

стр.

78. *Городской голова* — уполномоченное городским населением доверенное лицо, осуществлявшее связь с правительственной администрацией. Пост был введен манифестом в 1766 г. С 1785 г. стал главой всего городского самоуправления. По Учреждению для управления губерниями 1775 г. — председатель Сиротского суда. Первоначально избирался из посадских, чаще всего, купцов, во второй половине XIX в. также из дворян. Должность ликвидирована в 1917 г.

стр.

79. Имеется в виду *Тульский Баскаковский инвалидный дом*, в одном из цитируемых Г.И. Пановым источников названный также *Баскаковской богадельней*.

стр.

79. *Бобринский Алексей Григорьевич* (1762—1813), граф, генерал-майор. Сын Екатерины II от Г.Г. Орлова. Первоначально именовался кн. Сицким, новую фамилию получил в 1775 г. Выйдя в отставку, жил в Тульской губ.

стр.

80. Жертвователем дома являлся Андрей Родионович Баташев.

стр.

80. Здание находилось на набережной р. Упы, на участке, принадлежавшем А.Р. Баташеву. Высказываемое далее Г.И. Пановым предположение, что это был дом, ранее приобретенный у Демидова, по-видимому, ошибочно: купленное у последнего здание находилось рядом — тоже на набережной, но несколько ближе к Николо-Зарецкой церкви. Оба дома сохранились (демидовский частично).

стр.

80. Пожар в Заречье, сильно повредивший роскошный дом, в начале 1730-х гг. построенный А.Н. Демидовым, а после него принадлежавший наследникам, случился 2 мая 1779 (а не 1774) г. — соответственно должно быть сдвинуто и время его продажи.

стр.

80. Согласно Учреждениям для управления губерний 1775 г. (ст. 382 «О казне императорского величества, порученной приказу общественного призрения»), «на установление» своих учреждений ему однократно жаловалось из казны 15 тысяч рублей. Здесь же отмечено разрешение этим приказам «отдавать сии деньги в узаконенные проценты на верные заклады на основании дворянского банка». Кредитные операции были одним из официально разрешенных приказам общественного призрения источников дохода — в предположении, разумеется, что приобретенные таким способом средства использовались на нужды призрения. Они прекратились только в 1860 г.

стр.

81. *Веницеев Семен Никифорович* (1748–1820), коллежский советник (1794). Из дворян Одоевского у. Тульской губернии. В ноябре 1784 г. в чине надворного советника назначен советником в Оружейную экспедицию Тульской казенной палаты, служил там по 1794 г. В 1787 г. одновременно правитель канцелярии тульского наместника М.Н. Кречетникова. Советник Тульской казенной палаты. В 1785–1794 гг. командир Тульского оружейного завода. Масон.

стр.

82. По-видимому, речь идет о правоведе *Карле Генрихе Лангере*, получившем образование в Геттингенском и Йенском университетах и в 1759 г. прибывшем в Петербург для работы домашним учителем. Пять лет спустя по рекомендации Г.Ф. Миллера был приглашен для занятия профессорской кафедры на юридическом факультете Московского университета. Служил здесь в качестве ординарного профессора в 1764–1774 гг. (читал курсы естественного и народного права и политики), помимо этого в 1765–1771 гг. состоял секретарем университетской Конференции. Покинув университет в мае 1774 г., по одним данным (С.П. Шевырев, А.И. Андреев), уехал за границу, по другим (В.А. Волков, М.В. Куликова и В.С. Логинов) – открыл в Москве пансион для обучения языкам и наукам. По оценке А.И. Андреева, «заметного следа в юридической науке» не оставил. Умер после 1785 г. Учитывая сходство имен, ученой специализации (юриспруденция), связь с Московским университетом, наконец, знакомство обоих Лангеров «с правилами учения» в учебных заведениях разного типа, полагаем, что московского Лангера 1760–1770-х гг. и Лангера тульского начала 1800-х вполне допустимо отождествить.

стр.

83. *П.С. Свистунов* возглавлял Комиссию училищ с 1799 г. по 1803 г.

стр.

86. *Мефодий (Смирнов)* с 10 апреля 1799 г. епископ Коломенский и Тульский (ранее – Воронежский), а с 31 декабря 1799 г. – епископ Тульский и Белевский. С 31 декабря 1803 г. епископ Тверской и Кашинский.

стр.

88. *Гамалея Михаил Михайлович* (1795 или 1796 – 1868), тайный советник (1861). До 1828 г. на военной службе. С 20 января 1835 г. тульский уездный предводитель дворянства, с 1 февраля 1838 – тульский вице-губернатор, при назначении определенный в надворные советники. Оставался в этой должности до 1845 г. В первой половине 1860-х член совета Министерства внутренних дел. Масон.

стр.

92. *Стриттер* Иван Михайлович (Stritter Johann Gotthelf) (1740–1801), историк, управляющий Московским архивом Коллегии иностранных дел, почетный член Петербургской академии наук. По заказу Комиссии об учреждении училищ писал курс истории Российского государства. Довел изложение до конца XVI в. В Петербурге в переводе на русский язык были изданы (1800–1802) три части, включающие характеристики событий до 1462 г. За три года до публикации этого труда вышел из печати подготовленный на основе материалов Стриттера учебник «Краткая российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи», автором которого являлся Ф.И. Янкович де Мириево.

стр.

93. *Трощинский Дмитрий Прокофьевич (Прокопович)* (1754–1829), тайный советник. Докладчик и статс-секретарь у Екатерины II (1793), сенатор при Павле I. При Александре I – главный директор почт, министр уделов, министр юстиции. Член Государственного совета.

стр.

93. *Граве Николай*, действительный статский советник, тульский губернатор в 1797–1799 гг. В историко-краеведческой литературе указываются два варианта отчества: *Данилович* (И.Ф. Афремов и авторы, на него опиравшиеся) и *Давыдович* (Н.К. Фомин). Заметим, что Г.И. Панов упоминает далее об отношении, направленном на имя губернатора Граве 7 февраля 1800 г., что позволяет предполагать, что тот задержался на этом посту несколько дольше, чем принято считать.

стр.

93. *Беляев Иван Иванович* (уп. 1750–1804), действительный статский советник. Тульский городничий (1777–1778), губернский прокурор (с 1784), председатель Тульской палаты уголовного суда (1791–1796), председатель 1-го департамента Тульской палаты суда и расправы (1797–1800). Тульский вице-губернатор (1802–1804).

стр.

93. *Волконский Михаил Николаевич* (до 1773–1822), кн., действительный статский советник (1801 или 1802). С 1801 г. председатель 1-го департамента Тульской палаты суда и расправы, с 1802 – пермский вице-губернатор. Масон.

стр.

93. *Волконский Александр Михайлович* (1726–1802), кн., статский советник. Председатель Тульской палаты уголовного суда (1796–1799, 1801), председатель 2-го департамента Тульской палаты суда и расправы (1800). Владел имениями в Ефремовском и Тульском уездах.

стр.

98. *Завадовский Петр Васильевич* (1739–1812), граф (1794), действ. стат. сов., сенатор (1780), член Гос. совета (с 1801). Учился в иезуитском училище и в Киевской духовной академии. Фаворит имп. Екатерины II. Автор Манифеста об издании Учреждений о губерниях 1775 г. С 1782 г. был первоприсутствующим в Комиссии для устройства народных училищ, разработавшей школьную реформу, проведенную в 1782–1786 гг. Являлся первым руководителем Министерства народного просвещения: возглавлял его со 2 сентября 1802 по 11 апреля 1810 г. При нем созданы учебные округа, открыты университеты в Вильно, Дерпте, Казани, Харькове.

стр.

98. *Муравьев Михаил Никитич* (1757–1807), писатель, государственный деятель. С 1803 г. товарищ министра народного просвещения и попечитель Московского университета. Способствовал улучшению постановки дела в университете, открытию при нем научных обществ.

стр.

98. По Предварительным правилам Министерства народного просвещения, принятым 24 января 1803 г., для контроля и повышения уровня преподавания в губернских, уездных и приходских училищах создавались шесть *учебных округов*, во главе которых были поставлены университеты. Связь между учебным округом и министерством осуществлялась опосредованно — через попечителей университета, включенных в состав Главного правления училищ.

стр.

98. *Главное правление училищ* — первое из структурных подразделений Министерства народного просвещения — совет при министре, представлявший собой преобразованную в ходе реформы Комиссию училищ и состоявший из попечителей университетов и учебных округов и особо назначенных в нее лиц.

стр.

99. *Гейм Иван Андреевич* (1758–1821), историк, статистик, языковед, лексикограф. Учился в Геттингенском университете. В России с 1779 г. Служил в Благородном пансионе и Московском университете.

стр.

100. В современной литературе со ссылкой на архивные источники указывается на более позднее время открытия благородного пансиона И.И. Жоли: О.Е. Глаголева утверждает, что он был создан в 1797 г.; Е.Ю. Ромашина сообщает о подаче прошения о разрешении его открыть в начале ноября 1797 г. Разница в одной цифре позволяет предположить, что в дату, указанную Г.И. Пановым, вкралась опечатка.

стр.

100. *Павшинской* названа 2-я по полицейскому делению часть Тулы — по Павшинской слободе и идущей через нее одноименной улице (совр. Мосина): последняя переходила в дорогу, ведущую в старинное село Павшино.

стр.

102. *Нижние земские суды* — уездные административно-полицейские учреждения, созданные на основании Учреждений для управления губерниями 1775 г. и после отмены в 1796 г. верхних земских судов по 1863 г. именовавшиеся просто *земскими судами*. Состояли из земского исправника и заседателей, комплектовались на выборной основе. Подчинялись губернатору и Губернскому правлению. Власть земских судов распространялась только на территорию уездов, без городов. Упразднены в ходе реформы полицейских учреждений.

стр.

105. Имеется в виду *Грамота на права и выгоды городам Российской империи*, подписанная императрицей и заверенная государственною печатью 21 апреля 1785 г. В литературе часто именуется *Жалованной грамотой городам*. В акте описана система создаваемых ею органов городского управления, подробно регламентирована их организация и деятельность.

стр.

112. *Опекунским советом (Московским)* называлось учреждение, ведавшее Воспитательным домом (в один год с которым он был основан), связанными с ним Сохранной и Ссудной казной и рядом училищ. Занимал здание (архитекторы Д.И. Жилярди, А.Г. Григорьев, 1823—1826 гг., ул. Солянка, 14), входившее в комплекс Воспитательного дома. Упразднен после революции.

стр.

121. По отношению к 1800 г. под *Тульским казначейством* может подразумеваться только губернская *Казенная палата* (см.). Собственно *губернские казначейства*, представлявшие собой местные исполнительные органы Департамента государственного казначейства Министерства финансов, были созданы только в 1865 г.

стр.

123. *Министерство полиции* — центральное административно-политическое государственное учреждение, существовавшее в 1810—1819 гг. Присоединено к Министерству внутренних дел. Состояло из трех департаментов, один из которых — департамент полиции хозяйственной — помимо прочего, ведал приказами общественного призрения.

стр.

124. С.К. *Вязмитинов* возглавлял Министерство полиции с 28 марта 1812 по 15 октября 1819 г.

стр.

124. *Оленин Евгений Иванович*, генерал-майор. Занимал пост тульского губернатора в период с 1816 по 20 ноября 1819 г.

стр.

124. В 1822 и первой половине 1823 г. Министерство внутренних дел (см.) возглавлял граф В.П. Кочубей, которого 28 июня 1823 г. сменил Б.Б. Кампенгаузен.

стр.

126. В Учреждениях для управления губерний 1775 г., в ст. 392 («О особенных установлениях»), сказано, что Приказ общественного призрения «везде оказывать долженствует доброхотство к роду человеческому, и споспешествовать по всем делам основанным на человеколюбии». Статья 431 принадлежит главе акта, отсутствовавшей в редакции 1775 г. и добавленной позднее, в 1780 г. (в Полном собрании законов, т. 20, № 14392 эта и следующие две, также первоначально отсутствовавшие главы выделены в особую — вторую — часть акта). В ст. 431 о Приказе общественного призрения и Совестном суде сказано, что они «суть аки два источника, на веки льющие благодеяния несчастным и бедствующим в роде человеческом, и сопрягающие милость и суд воедино».

стр.

127. Под *градской полицией* подразумевается Управа благочиния или полицейская. Согласно ст. 32 Устава благочиния или полицейского 1782 г., на нее возлагался учет и контроль текущих цен, в частности, она должна была «иметь сведение о торговых ценах в городе всякаго рода хлеба и харча» и вести в особой книге ежемесячную их запись.

стр.

128. *Министерство внутренних дел* — центральное государственное учреждение, существовавшее с 1802 г. В ноябре 1819 г. его возглавлял граф В.П. Кочубей.

стр.

128. *Комитет министров* — высший административный орган Российской империи, существовавший с 1802 по 1906 г.

стр.

129. В 1830 г. Министерство внутренних дел возглавлял А.А. Закревский.

стр.

130. *Архаров Николай Петрович* (1740, по др. данным 1742—1814), генерал от инфантерии (1796). За успехи по службе под началом Г.Г. Орлова был пожалован Екатериной II чином армии полковника и назначен московским обер-полицеймейстером. Участвовал в розыске по делу о Пугачеве. Кавалер всех российских орденов.

стр.

133. *Форстмейстерская (форштмейстерская)* должность была введена в России в 1732, существовала до 1826, в Курляндии до 1841 г. *Форстмейстеры* и *обер-форстмейстеры* осуществляли надзор за казенными лесами, первоначально только корабельными, основные усилия направляя не столько на их охрану (что было главным для вальдмейстеров), сколько на культурное лесопользование: чистку лесов, сбор семян, их хранение, посев и проч. *Обер-форстмейстеры* (назначались по одному на губернию) подчинялись Лесному департаменту. Имели свои канцелярии. В 1798 г. им были переданы все функции по охране казенных лесов и организации пользования ими. Входили в состав общего присутствия казенных палат и местных межевых контор.

стр.

134. *Губернская врачебная управа* — местное административное учреждение, управлявшее врачебно-санитарной сферой. Учреждены в 1797 г. во всех губернских городах кроме столиц для наблюдения за здоровьем населения. В разное время подчинялись Медицинской коллегии, Экспедиции государственной медицинской управы, Медицинскому департаменту Министерства внутренних дел и Министерству полиции. В ведении врачебных управ находились уездные врачи и военно-медицинские чиновники, лазареты, аптеки и некоторые другие заведения. Возглавлялись инспекторами, количество врачей могло доходить до 6 человек. Важнейшей функцией управ являлась организация здравоохранения. Решая эту задачу, они, помимо прочего, должны были производить освидетельствование госпиталей и других гражданских больничных заведений.

стр.

134. *Медицинская коллегия* — центральное государственное учреждение, созданное на основе именного указа 1763 г. и ликвидированное путем преобразования в департамент Министерства внутренних дел в 1804 г. До 1802 г. подчинялось монарху, позднее состояло в ведении министра внутренних дел. Первоначально задуманная как своего рода научное учреждение, на практике занималась актуальными вопросами организации государственного здравоохранения.

стр.

134. *Зарецкая часть* — 3-я полицейская часть Тулы: западный район города, получивший название по своему положению за рекой Упой. Тот же топографический маркер входит в одно из названий стоявшего здесь Христорождественского храма — церковь именовали также Николо-Зарецкой.

стр.

138. *Амвросий (Протасов)*, епископ Тульский и Белевский. Рукоположен 10 января 1804 г., с 7 февраля 1816 г. архиепископ Казанский и Свияжский.

стр.

141. В Учреждениях для управления губерниями, как в редакции 1775 г., так и в дополненной 1780-го, ст. 399 принадлежит главе 26 («О совестном суде и его должности»). В статье перечислено, «какие дела принадлежат до совестнаго суда»; работные дома в ее тексте не упомянуты. Им посвящена другая статья — 390-я («О работных домах») гл. 25 («О Приказе общественного призрения и его должности»). В ней действительно сказано, что «таковые дома заводить предписывается, дабы работою доставить прокормление неимущим».

стр.

148. Основанием для применения петровского *Артикула воинского* от 26 апреля 1715 г. в данном случае являются «дерзости» Лихарева против должностного лица. Указанный пункт Артикула запрещает «бранить и в делах, принадлежащих их чину, противиться» судьям, комиссарам, провиантским служителям и лицам, присланным для производства экзекуции (к ним Тульская палата суда и расправы считает допустимым приравнять и исправника), в качестве санкции назначая заключение, а, по состоянию дела, и лишение «чести и живота».

стр.

149. То есть, в богадельню при вышеупомянутой кладбищенской церкви Всех Святых.

стр.

149. *Буслав Федор Иванович* (1818—1897), языковед, фольклорист, литературовед, историк искусства. Один из самых выдающихся русских филологов XIX в. Работы по истории русского языка занимают одно из основных мест в его научном наследии («О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию» (магистерская диссертация), 1848; «О преподавании отечественного языка», 1844; «Опыт исторической грамматики русского языка», 1858; «Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков», 1861 и др.).

Заметки

Публиковались в Прибавлениях к ТЕВ. 1863. № 4 (15 февр.). — С. 256-276 (заметки: О благотворительных учреждениях нашего времени. О приютах убогих. Богадельни в г. Туле. Двадцатипятилетие комитета нищих в С. Петербурге. Комитет нищих в г. Туле. Приходские благотворительные общества); № 5 (1 марта). — С. 310-334 (По поводу вопроса о приходском призрении бесприютных и нищих. О применении проектов приходских благо-

творительных общества к приходам г. Тулы. Разные попытки соединения тульских приходов близ церквей и распределения приходов по кварталам. Мысль о школах при тульских церквах по связи с приходскою благотворительностью); № 6 (15 марта). — С. 386-397 (О бедных духовного звания. Тульское богоугодное заведение, имеющее быть в доме г-жи Кузовлевой). О единстве цикла свидетельствует примечание при публикации в № 6: «Заметки сии служат продолжением помещенных в 4 и 5 №№ «Епархияльных ведомостей»». Выпуски подписаны: Св. Г. Панов (№ 4) или Свящ. Г. Панов (№№ 5 и 6). Отдельное издание не выявлено.

Рукописи не выявлены. Издается по газетной публикации. Внутренние подзаголовки — авторские.

Продолжением цикла, представленного в этом сборнике, являются «Заметки», опубликованные в ТЕВ в том же году в №№ 12, 16, 18 и 19. Все они посвящены одному вопросу — быту духовенства и его улучшению, в каждом номере помещен цельный, не раздробленный подзаголовками текст, имеющий довольно большой (в сравнении с отдельной заметкой прежней серии), объем — от 12 до 21 стр. Обращает на себя внимание и резкий, трехмесячный перерыв в публикации «Заметок», первоначально печатавшихся подряд из номера в номер. По нашему мнению, благодаря заимствованию названия формально принадлежащие циклу поздние его части представляют собой относительно самостоятельное сочинение (условно назовем их «Заметками II»), хотя и связанное с «Заметками I», но переросшее избранные для них «формулярные» рамки. В связи с этим, в списке работ Г.И. Панова (приложение 1) мы объединяем их под отдельным номером.

стр.

152. *Лев Великий* — имеется в виду, по-видимому, свт. Лев (ум. 461), папа Римский с 440 г. до своей смерти. Известен, в частности, тем, что в 452 г. отговорил предводителя гуннов Атиллу от нападения на Рим. По православному церковному календарю память отмечается 18 февраля (3 марта нов. ст.). Но автор приведенной Г.И. Пановым цитаты не назван святым, в связи с чем не исключено, что имеется в виду другое лицо — Лев I Великий (ок. 410–474), византийский император (457–474), первый из них, в венчании которого принимал участие Константинопольский патриарх.

стр.

152. *Амвросий Аврелий* (ок. 339–397), свт., еп. Медиоланский (с 373 г.), один из великих западных отцов и учителей церкви. Боролся с язычеством, ересями, с вмешательством государства в дела церкви. Автор многочисленных сочинений, в основном проповедей, в которых разработаны

догматические, экзегетические и нравственно-аскетические вопросы. Под влиянием его проповеди крестился бл. Августин. По православному церковному календарю память отмечается 7 (нов. ст. 20) декабря.

стр.

155. *Волостное управление* — крестьянское сословное учреждение, созданное на основании Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, от 19 февраля 1861 г. для осуществления административно-полицейских функций. Им решались вопросы расходования волостных сумм, найма лиц для работы в волостной администрации, продажи имущества за недоимки и др. Включало волостного старшину, сельской старост, сборщиков податей, заседателей и писаря. Надзор за деятельностью осуществляло Губернское по крестьянским делам присутствие (до 1869 г.) и Губернское правление.

стр.

155. Имеются в виду *мировые посредники* — должностные лица, осуществлявшие регулирование поземельных отношений между бывшими владельческими крестьянами и помещиками, разбор их споров, утверждение уставных грамот в период крестьянской реформы. Избирались из потомственных дворян. Были введены Положением от 19 февраля 1861 г., упразднены в 1874 г. с передачей функций уездным по крестьянским делам присутствиям.

стр.

155. *Волостной голова* — глава волостного самоуправления государственных крестьян. Избирался из числа последних, утверждался губернскими правлениями или казенными палатами, в Сибири — губернаторами. Помимо взывания податей и сборов, обеспечения выполнения повинностей, обнародования законов и проч., волостные головы должны были осуществлять опеку над хозяйствами вдов и сирот. Должность, введенная в 1797 г., была упразднена в 1866-м с передачей части функций *волостному старшине*.

стр.

155. *Комитеты для разбора и призрения просящих милостыни*, сокращенно именуемые *Комитетами о нищих*, были созданы в Петербурге (1837), Москве (1838), позднее в некоторых губерниях и уездах. Осуществляли «разбор» нищих, препровожденных полицией (в Москве их ежедневно поступало более 100 человек, в некоторые дни до 1000), предпринимали действия по сокращению нищенства: лицам, случайно впавшим в нужду, оказывалась помощь; нищие-профессионалы принуждались к труду и выслались по этапу на родину. В Москве устройством и руководством комитетом занимался С.Д. Нечаев (в 1817–1823 гг. директор училищ Тульской губернии, позднее обер-прокурор Синода, после переезда в Москве сенатор). Представление о масштабе работы

Московского комитета дают следующие данные из его отчетов (заимствуем их из работы Г.И. Ульяновой). В 1840 г. через него прошло 6321 человек, в 1852 – 2342, в 1861 – 3040. Социальный состав нищих 1840 года: отставные солдаты и их жены 28 %, помещичьи крестьяне и дворовые люди 26 %, мещане 20 %, государственные крестьяне 14,5 %. Детей от года до 10 было 209 чел. (3,5 %). Около 2000 нищих пришли в Москву из других губерний, в том числе 500 – из Тульской, особенно пострадавшей от неурожая 1839 г.

стр.

155. *Положения 19 февраля* – совокупность основных нормативно-правовых актов, раскрывавших содержание крестьянской реформы 1861 г. Важнейшими из них являлись: Манифест 19 февраля 1861 г., Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, Положение об устройстве дворовых людей, вышедших из крепостной зависимости, Положение о выкупе крестьянами, вышедшими из крепостной зависимости, их усадебной оседлости и о содействии правительства к приобретению ими крестьянами в собственность полевых угодий, Положение о губернских по крестьянским делам учреждениях. В Общем положении, в гл. 2 «О сельском общественном управлении», отделении 1 «О сельских сходах», ст. 51, перечисляющей, какие вопросы подлежат ведению сельского схода, в п. 8 указаны «совещания и ходатайства об общественных нуждах, благоустройстве, призрении и обучении грамоте». В той же главе, в отделении 2 «Об обязанностях старосты и других сельских должностных лиц», в ст. 58, п. 8 отмечено, что староста «надзирает за порядком в училищах, больницах, богадельнях и других общественных заведениях, если они учреждены сельским обществом на свой счет».

стр.

156. *Сельский сход* – низший орган местного самоуправления, с конца XVIII в. существовавший у государственных, удельных крестьян, а позднее у крестьян, вышедших из крепостной зависимости. Для последних его деятельность регламентировалась положением о них от 19 февраля 1861 г. До крестьянской реформы проводился с участием выборных, позже к участию приглашались все домохозяева. На сходах проводились сельские выборы, осуществлялся прием в сельское общество и выход из него, раздел земель, распределение оброчных статей и проч. В сфере социального призрения в компетенцию сходов входило решение вопросов о пособии мирянам. Существовали до лета 1918 г., их заменили Советы и собрания крестьян.

стр.

156. *Волостной сход* – следующий после сельского схода (см.) орган местного крестьянского самоуправления, существовавший с середины

XVI в. до 1918 г. Функции его менялись, но основной оставался выбор исполнительных органов земского самоуправления. В ходе земской реформы 1864 г. функции расширились. Включал сельских и волостных должностных лиц, а также выборных от домохозяев. Избирал волостного старшину, Волостное правление и выборщиков на съезд для выбора гласных в Уездное земское собрание.

стр.

156. *Волостной старшина* — глава исполнительной власти на территории волости. Должность учреждена в документах реформы 1861 г. Избирался волостным сходом, утверждался мировым посредником. Приводил в исполнение решения волостных сходов, контролировал сбор податей и исполнение повинностей, деятельность сельских старост, обязан был следить за состоянием больниц, богаделен, училищ. Ему подчинялись сельские старосты, он — мировому посреднику. Упразднены в 1917 г.

стр.

156. *Сельский староста (старшина)* — выборная должность в системе самоуправления государственных крестьян, введенная в 1797 г. Обязанности старост были близки обязанностям волостного головы, но территориально ограничивались конкретным селением. Изменения в управлении государственными имуществами в губерниях круг обязанностей сельских старост несколько расширили. Помимо прочих новых обязанностей, отныне они должны были содействовать призрению сирот, надзирать за богадельнями, «увещевать» детей выполнять обязанности по отношению к родителям. В 1866 г. в ходе осуществления крестьянской реформы положение сельских старост существенно изменилось.

стр.

156. *Главный комитет об устройстве сельского состояния*, образованный указом Александра II 19 февраля 1861 г., действовал при Государственном Совете на правах отделения Государственной канцелярии. Осуществлял наблюдение за проведением крестьянской реформы, был призван разрабатывать необходимые для нее дополнительные законы, а также сельский устав, базирующийся на общих для всех сословий сельского населения началах. Включал председателя (вел. кн. Константина Николаевича), ряд министров и др. высших чиновников, и членов, назначавшихся императором. Упразднен в 1882 г. в связи с завершением реформы.

стр.

157. *Голицын Андрей Михайлович (1792—1863)*, кн., генерал-от-инфантерии. Участник Отечественной войны 1812 г. Тульский военный губернатор в период с 9 сентября 1840 по 12 июня 1845 г. Масон. В литературе указывается и другая дата открытия в Туле богадельни —

1842 г. Эту богадельню не следует путать с другим появившимся в это время и также связанным с фамилией Голицыных благотворительным заведением: Николаевским детским приютом, открытым на средства кн. Софьи Петровны Голицыной (супруги А.М.) 6 декабря 1841 г.

стр.

157. *Александринский банк* — частное местное ипотечное кредитное учреждение, открытое в Туле 1 июля 1846 г. в день тезоименитства государыни императрицы. Учредителями банка выступили тульские детский приют и дом призрения, кроме того в банк поступили капиталы Тульской городской думы и магистрата. Управлялся советом под председательством губернатора. Осуществлял прием вкладов от населения и выдачу ссуд. Первый банк на территории губернии края, проводивший кредитование торговых и производственных операций. На его деятельности отразился крах другого тульского банка — Сушкинского. В 1886 г. был передан под прямое управление Министерства финансов. Предпринятые меры не улучшили его положения и в 1890 г. деятельность Александринского банка была окончательно остановлена.

стр.

158. В соседнем с этим храмом квартале вдоль ул. Павшинской (совр. Мосина) на плане Тулы 1891 г. показаны целых четыре благотворительных учреждения: приюты Николаевский, Мариинский, Красноглазовский и вел. кн. Ксении Александровны.

стр.

159. *Хопер* — район в северной части тульского Заречья.

стр.

160. Императрица *Мария Александровна* в годы царствования императора Александра II возглавляла особое благотворительное придворное ведомство — так называемое, *Ведомство учреждений императрицы Марии*, существовавшее на протяжении 120 лет и сыгравшее значительную роль в развитии благотворительности в России.

стр.

160. Впоследствии эту богадельню поддерживали и другие жертвователи. В 1901–1902 гг. на средства, завещанные купцом Д.Я. Ваныкиным, при ней был сооружен храм во имя вмч. Дмитрия Солунского (ул. Староникитская, 62; здание сохранилось).

стр.

163. Ср. у архиеп. Дмитрия (Муретова): «Если есть какое дело любви христианской, особенно благоугодное Богу, то без сомнения, дело благотворения несчастным; и если где ближе и естественнее всего выражаться этой любви благотворящей, то, конечно, между членами одного при-

ходского общества, принадлежащего одному храму Божию» («Слово в Одесской Троицкой Греческой церкви по случаю открытия при ней приходского братства для попечения о бедных своего прихода»).

стр.

163. В синодальном переводе: «Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного».

стр.

166. Императорское человеколюбивое общество возникло в Петербурге в 1802 г. по инициативе императора Александра I. Первоначально состояло из Медико-филантропического комитета и Попечительного о бедных комитета, в 1816 г. слитых. Подчинялось совету. Правила разработал главный попечитель кн. А.Н. Голицын. В руководстве (попечительный совет) были широко представлены члены масонских организаций. Имело региональные организации в губерниях, которые, собственно и подразумевает Г.И. Панов.

стр.

167. Святитель *Филарет (Дроздов)*. Перед перемещением на московскую кафедру архиепископ Ярославский и Ростовский. Перемещен в Москву 3 июля 1821 г., с 22 августа 1826 митрополит Московский и Коломенский. Умер 19 ноября 1867 г.

стр.

170. *Купеческой стороной* названа здесь Градская сторона Тулы, по полицейскому делению — 1-я и 2-я части. *Оружейной* — Московская, части 3 и 4.

стр.

173. Имеется в виду тульская церковь Рождества Христова, что в Чулковой слободе.

стр.

177. Истории такого рода благотворительного учреждения, существовавшего в Туле, посвящена опубликованная вместе с очередным выпуском «Заметок» статья Г.И. Панова «Попечительство о бедных духовного звания Тульской епархии». В помещенном в этом сборнике отрывке из нее изложены обстоятельства и ход учреждения таких попечительств.

стр.

180. *Дараган Петр Михайлович* (1800–1875), генерал-лейтенант, тульский военный и гражданский губернатор (1850–1864).

стр.

180. На плане Тулы 1891 г. дом, где были устроены Кузовлевская богадельня и церковь, показан в 3-й городской части (Заречье), на улице Горской (совр. Комсомольская) в квартале между улицами Набережной

(совр. набережная Дрейера) и Георгиевской (совр. Луначарского), приблизительно посередине между ними.

стр.

180. *Алексий (Ржаницын)* — с 20 июля 1857 г. епископ Тульский и Белевский (до этого епископ Дмитровский, викарий Московской епархии), с 29 августа 1860 г. епископ Херсонский и Одесский.

стр.

182. По данным, приводимым Р.Р. Лозинским, Владимирская церковь при Кузовлевской богадельне была «обустроена» в 1858 г. Сведения Г.И. Панова, современника событий, несколько смещают дату: работы начались не раньше утверждения плана церкви и ее иконостаса Св. Синодом, а они были согласованы только в начале 1859 г.

стр.

183. В работах Г.И. Панова приведены сведения о богадельнях, в разное время существовавших при тульских храмах. О домовых церквях, созданных при богадельнях и других благотворительных учреждениях (подобно храму при доме Кузовлевой), говорится им значительно меньше, поскольку большинство из них появилось в более позднее время. Приводим сведения о них, возможно, не полные, но все же заметно корректирующие общую картину. В Туле при благотворительных учреждениях существовали церкви:

— во имя свт. Николая Чудотворца при дворянском пансион-приюте (пр. Ленина, 53); освящена в 1906 г.;

— во имя вмч. Димитрия Солунского при богадельне им. купца Петрова (см. прим. 17);

— во имя равноапостольной Марии Магдалины при Мариинском детском приюте (угол пр. Ленина и ул. Жаворонкова); устроена в 1902 г.;

— в честь иконы Божией Матери «Прежде Рождества и по Рождестве Дева» (Богородичная за Киевской заставой) при богадельне С.Т. Красноглазова, сооружена (каменное здание) в 1890—1891 гг. По данным Р.Р. Лозинского, находилась на Киевской ул. (совр. пр. Ленина) выше ул. Первомайской. На плане Тулы 1891 г. Красноглазовская богадельня отсутствует, зато во 2-й городской части на улице Павшинской (совр. Мосина) показан одноименный приют;

— в честь иконы Тихвинской Божией Матери при приюте им. Трухиной (ул. Революции, 4); устроена в 1911 г.;

— во имя преп. Серафима Саровского при приюте-богадельне (совр. ул. Энгельса, 66); построена в 1906 г.;

- в честь иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость» при богадельне нового оружейного завода (территория завода, у Васильковского моста); построена в 1844 г.;
- во имя свт. Николая Чудотворца (Никола-Александрейский) при Николаевском детском приюте (ул. Мосина, 55); освящена в 1901 г.;
- во имя св. мученицы Раисы при богадельне (по другим данным — при церковно-приходской школе Щегловского монастыря) (угол ул. Кирова и Патронная); освящена в 1901 г.;
- во имя Архангела Михаила при Михайловском детском приюте (ул. Октябрьская, 14); построена в 1879 г.

Дополнение

Попечительство о бедных духовного звания Тульской епархии

Опубликовано в Прибавлениях к ТЕВ. 1863. № 6 (15 марта). — С. 360-386 — с указанием авторства (после текста): *Свящ. Г. Панов*. Отдельное издание не выявлено.

Рукописи не выявлены. Публикуется по газетному тексту. Воспроизведенный в сборнике фрагмент соответствует с. 360-367. Названия разделов — авторские.

стр.

184. При устройстве Тульской епархии необходимый для размещения архиерея двор был устроен в Предтечеве монастыре, по этому случаю закрытом с переводом монахов в другие обители. Здесь же позднее был построен и *архиерейский дом* — здание в стиле классицизма, сохранившееся до настоящего времени. Впрочем, Г.И. Панов в данном случае имеет в виду не столько дом, сколько именно двор: хозяйственный комплекс под началом эконома.

стр.

186. *Комиссия духовных училищ* — центральное учреждение при Синоде, в период своего существования (1808—1839) ведавшее духовно-учебными заведениями: духовными академиями, семинариями и училищами. Учреждена в соответствии с утвержденными имп. Александром I предложениями Комитета для изыскания способов к улучшению духовных школ и обеспечению приходского духовенства (он же Комитет об усовершенствовании духовных училищ). Включала духовных иерархов и светских чиновников, в том числе обер-прокурора Синода. Заседания проходили под председательством Петербургского митро-

полита, решения принимались коллегиально. По упразднении комиссии ее функции частично отошли к созданному при Свят. Синоде Духовно-учебному управлению.

стр.

187. *Министерство духовных дел и народного просвещения* — центральное государственное учреждение, существовавшее в 1817—1824 гг., деятельность которого охватывала сферу духовных дел присутствовавших в России вероисповеданий и народное просвещение. На протяжении всего периода существования учреждения его возглавляло одно лицо — кн. А.Н. Голицын.

стр.

188. *Дамаскин (Росов)*, епископ Тульский и Белевский с 6 ноября 1821 г. (ранее — епископ Старорусский, викарий Новгородской епархии). С 19 декабря 1850 г. архиепископ Олонецкий и Петрозаводский.

стр.

188. В опущенной части статьи продолжается характеристика состава попечительства: говорится о втором его члене и т.д. В конце рассмотрен бюджет попечительства, итоговые цифры которого приведены в приложенной к статье таблице, озаглавленной «Краткое извлечение из отчетов Духовного попечительства с 1824 по 1860 г.». Из нее следует, что максимальный за этот период расход сумм попечительства (12356 руб.) имел место в 1836 г., минимальный (2488) — в 1841 г. Сравнительно небольшие суммы (менее 3000 руб.) были израсходованы также в 1825, 1843, 1847 и 1849 гг. Автор отмечает, что «все временные комитеты как бы в один голос и единодушно утверждали верность прихода и расхода». Общее заключение: «...попечительство всегда оправдывало доверие епархиального начальства и всегда заслуживало благодарность всех тех, кому дорого бескорыстное служение на пользу бедствующих наших собратий».

ПРИЛОЖЕНИЯ

* * *

БИБЛИОГРАФИЯ ТРУДОВ Г. И. ПАНОВА

по истории благотворительности и смежным вопросам¹

*1. Заметки / Г.И. Панов // Тул. епархиальные ведомости. 1863. № 4 (15 февр.), прибавл. С. 256-276. Содерж.: О благотворительных учреждениях нашего времени; О приютах убогих; Богдельни в г. Туле; Двадцатипятилетие комитета нищих в С.-Петербурге; Комитет нищих в г. Туле; № 5 (1 марта), прибавл. С. 310-334. Содерж.: По поводу вопроса о приходском призрении бесприютных и нищих; О применении проектов приходских благотворительных обществ к приходам г. Тулы; Разные попытки соединения тульских приходов близ церквей и распределения приходов по кварталам; Мысль о школах при тульских церквях по связи с приходскою благотворительностью; № 6 (15 марта), прибавл. С. 386-397. Содерж.: О бедных духовного звания; Тульское Богоугодное заведение, имеющее быть в доме г-жи Кузовлевой.

*2. Попечительство о бедных духовного звания Тульской епархии / Г.И. Панов // ТЕВ. 1863. № 6 (15 марта), прибавл. С. 360-386.

3. Заметки. / Г.И. Панов // ТЕВ. 1863. № 12 (15 июня), прибавл. С. 735-756; № 13 (1 июля), прибавл. С. 49-68. Содерж.:

¹ Список составлен на основе библиографии работ Г.И. Панова, опубликованной в сб. «Тульский край, Памятные даты» за 2004 г. (Тула, 2003); содержит уточнения. Работы, включенные в настоящий сборник, отмечены звездочкой.

По поводу предложений об улучшении быта православного русского духовенства; № 16 (15 авг.), прибавл. С. 243-263. Содерж.: По поводу толков об улучшении быта духовенства; № 18 (15 сент.), прибавл. С. 347-358. Содерж.: По поводу толков об улучшении материального быта белого духовенства; № 19 (1 окт.), прибавл. С. 433-447. Содерж.: О средствах содержания западного духовенства.

4. К вопросу о духовном попечительстве в Тульской епархии / Г.И. Панов // ТЕВ. 1863. № 13 (1 июля), прибавл. С. 39-48.

5. Соображения о пенсиях для сиротствующих лиц духовенства / Г.И. Панов // ТЕВ. 1863. № 18 (15 сент.), прибавл. С. 359-378.

6. По поводу соображений о пенсиях для сиротствующих лиц духовенства Тульской епархии / Г.И. Панов // ТЕВ. 1863. № 22 (15 нояб.), прибавл. С. 586-596; № 23 (1 дек.), прибавл. С. 648-659.

*7. Благотворительные заведения в г. Туле в конце прошедшего столетия / Г.И. Панов // ТЕВ. 1875. № 8 (15 апр.), прибавл. С. 237-251; № 9 (1 мая), прибавл. С. 273-288; № 10 (15 мая), прибавл. С. 309-317; № 11 (1 июня), прибавл. С. 341-350.

Отдельное издание:

*8. Благотворительные заведения г. Тулы с 1784 г. по 1800 г. / Г. Панов. Тула: Б. и., 1875. 48 с.

*9. Благотворительные заведения г. Тулы в начале нынешнего столетия / Г.И. Панов // ТЕВ. 1875. № 16 (15 авг.), прибавл. С. 97-109; № 17 (1 сент.), прибавл. С. 125-137; № 18 (15 сент.), прибавл. С. 157-168; № 19 (1 окт.), прибавл. С. 221-234; № 20 (15 окт.), прибавл. С. 277-286; № 21 (1 нояб.), прибавл. С. 313-322; № 22 (15 нояб.), прибавл. С. 359-363; № 24 (15 дек.), прибавл. С. 427-434; 1876. № 1 (1 янв.), прибавл. С. 8-13; № 4 (15 февр.), прибавл. С. 132-142; № 5 (1 марта), прибавл. С. 169-177.

10. Отчет о деятельности церковно-приходского попечительства при Староникитской церкви, в Туле, за 1901 г.: [Отчет председ. по-

печительства] / Г.И. Панов // ТЕВ. 1902. № 3/4 (15 февр.), ч. офиц. С. 32-36.

11. Отчет о ходе дела по устройству церковных домов для причтов церквей г. Тулы в благочинии 1-го округа за 1901 г.: [Отчет благочинного протиерея] / Г.И. Панов // ТЕВ. 1902. № 3/4 (15 февр.), ч. офиц. С. 36-50.

12. Епархиальная летопись. Построение и освящение нового школьного здания при Тульской Староникитской церкви / Г.И. Панов // ТЕВ. 1904. № 21 (1 нояб.), ч. неофиц. С. 686-692.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА О Г. И. ПАНОВЕ

Источники

1. ГАТО. Ф. 3. Оп. 4/18. Клировая ведомость г. Туле и уездам. Л. 217-220.
2. Там же. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2962.
3. Там же. Оп. 2. Д. 23. Список преподавателей Тульской Духовной семинарии. 1868.
4. Там же. Д. 104. Журнал заседаний Тульской Духовной семинарии за 1869 г.
5. Там же. Д. 110. Дело по педагогическому собранию Правления Тульской Духовной семинарии с программами по предметам семинарского курса за 1869/69 учеб. год.
6. Там же. Д. 340. Формулярный список преподавателя Тульской Духовной семинарии магистра протоиерея Георгия Панова. 1873.
7. Там же. Оп. 3. Д. 77. Формулярный список о службе профессора семинарии священника Панова Георгия Ивановича. 1865.
8. Пятидесятилетний юбилей протоиерея Тульской Станоникитской церкви Георгия Ивановича Панова // Тульский край. Памятные даты на 2004 год. Тула, 2003. С. 188-190. (*Перепечатано из: ТЕВ. 1899. № 22 (15 нояб.), ч. неофиц. С. 1045-1052*).
9. Силин Д. Слово при погребении о. протоиерея Георгия Панова // Тульский край. Памятные даты на 2004 год. Тула, 2003. С. 190-192. (*Перепечатано из: ТЕВ. 1907. № 40 (22 окт.), ч. неофиц. С. 639-642*).

10. Тихвинский Ф. Слово при погребении протоиерея Георгия Ивановича Панова // ТЕВ. 1907. № 39 (16 окт.), ч. неофиц. С. 619-624¹.

Публикации о Г.И. Панове

11. Гридчина Ю.В. Труды Г.И. Панова // Тульский край. Памятные даты на 2004 год. Тула, 2003. С. 192-195.

12. Юркин И.Н. Георгий Панов — историограф тульского старообрядчества // Старообрядчество: история, культура, современность. Тезисы 1997. М., 1997. С. 108-111.

13. Юркин И.Н. Историография тульского старообрядчества в трудах протоиерея Георгия Панова // Актуальные вопросы отечественной историографии: Материалы 7-ой Всерос. науч. конф-ции. СПб.: Нестор, 1997. С. 113-115.

14. Юркин И.Н. «Нельзя узнать настоящего, не узнавши прошедшего» (Уроки жизни и наследие Георгия Панова) // Тульский край. Памятные даты на 2004 год. Тула, 2003. С. 180-187.

15. Юркин И.Н. Панов Георгий Иванович // Тульский биографический словарь. Новые имена. Тула: Пересвет, 2003. С. 171.

16. Юркин И.Н. Протоиерей Георгий Панов — истстриограф и миссионер // Тульские епархиальные ведомости. 1997. № 2 (22).

¹ Помимо перечисленного сведения о Г.И. Панове сдержатся также в публикациях ТЕВ 1890-1900-х гг., извещающих о полученных им награждениях. Библиографические данные о них приведены в списке, опубликованном в юбилейной подборке материалов о Г.И. Панове в сборнике «Тульский край. Памятные даты на 2004 год» (Тула, 2003.) на с. 187.

И.Н. Юркин

РАЗВИТИЕ ФОРМ ФИЛАНТРОПИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ СРЕДЕ РУССКОГО ГОРОДА XVIII ВЕКА

*(некоторые проблемы истории благотворительности
при взгляде 130 лет спустя)*

Практика благотворительности в России на протяжении XVIII — начала XIX вв. претерпела значительные изменения — во всяком случае, едва ли меньшие, чем другие формы социальных практик, на примере которых принято демонстрировать ускорение темпов исторического развития. Данный период носит в известной степени переходный характер: именно в это время в России появляются и укореняются новые, неизвестные или ранее нехарактерные для отечественной традиции формы благотворительной деятельности, все более теснящие формы прежние, но так и не вытеснившие их окончательно. Изучены эти изменения до сих пор недостаточно — и в силу меньшей обеспеченности источниками, и потому, что основные усилия исследователей, занятых историей благотворительности, сосредоточены на материале иной, более поздней, эпохи.

Российская благотворительность имеет отчетливую сословную окраску, не замечать которую невозможно, а не учитывать при изучении — недопустимо. Для Тулы, города, рост и развитие которого в XVIII—XIX вв. определялись в первую очередь бурным развитием в нем деятельности местных предпринимателей, нельзя ограничиться рассмотрением истории структур, осуществлявших государственное со-

циальное признание. В том виде, какой их система приобрела после реформ Екатерины II, они, как это прекрасно показал Г.И. Панов, заняли заметное место в совокупности параллельно существовавших форм филантропической деятельности. Но едва ли менее интересны и важны негосударственные ее формы, в том числе те, что были связаны с предпринимательской городской средой. Г.И. Панов не обошел их вниманием — в его работах среди благотворителей неоднократно упоминаются имена лиц, занимавшихся торговым предпринимательством. Но Тула принадлежала к числу городов, экономика которых строилась на отношениях не только обмена, но, в не меньшей степени, и производства. Значительную часть населения города составляли казенные ремесленники, занимавшиеся производством оружия — сословная группа, имевшая особые права, обязанности и управление, сохранявшаяся вплоть до 1864 г.¹ Имена выходцев из этой среды — представителей крупнейших промышленных династий Демидовых, Баташевых, Мосоловых — известны Г.И. Панову; множество раз упоминает он и оружейников. И все же эта особенность социальной структуры населения Тулы им не отненена, связанный с ней материал проходит у него только как фоновый. Отчасти это объясняется тем, что к эпохе, которую изучает историк, еще недавно гремевшие в Туле заводчики-металлурги ее покинули, оружейники же казались современнику настолько естественной частью городского организма, что ощущение обусловленного ими его своеобразия было несколько стертым. Кроме того, исторический опыт благотворительности интересовал Г.И. Панова еще и в практическом плане. Поэтому в поисках ответа на вопрос о том, какими должны быть новые благотворительные заведения, в первую очередь он обращался к тому

¹ Своеобразие сословной группы оружейников неоднократно являлось предметом научного исследования. Из числа наиболее цитируемых выделим труды И.Ф. Афремова, С.А. Зыбина, В.Н. Ашуркова (некоторые из них переизданы в сб.: *Ашурков В.Н. Избранное: История тульского края: Статьи и очерки*, Тула: Приок. кн. изд-во, 2003) и Н.Ф. Трутневой. Попытка дать обзор состояния данного вопроса по отношению ко всему периоду существования данной группы — с конца XVI в. по 1864 г. — предпринята нами во вступительной статье к изданию: *Тульские оружейники: Сборник документов / Отв. ред. И.Н. Юркин, отв. сост. Н.К. Фомин*. М.: РОССПЭН, 2003. С. 3-88. Из новых работ укажем на статью: *Соломатина Т.С. Тульские оружейники и сословная история России XVII века // Тульский краеведческий альманах. Вып. 2. Тула, 2004. С. 20-27.*

опыту, который был связан именно с учреждениями. Но изучение феномена благотворительности Тулы, охватывающее объект описания во всей полноте присущих ему социальных проявлений, безусловно требует анализа еще и филантропического поведения предпринимателей, причем во всем разнообразии их типов.

После знакомства с основными посвященными истории благотворительности работами Г.И. Панова мы бы хотели, во-первых, несколько расширить хронологические рамки темы (преимущественно за счет углубления в более раннюю историю), во-вторых, выделить ее черты, специальным рассмотрением которых он не занимался. Данная статья² посвящена некоторым аспектам благотворительности российских предпринимателей XVIII в., прежде всего, ее формам и определявшим их трансформацию факторам. Они рассмотрены на фоне и в связи с эволюцией форм государственной деятельности в сфере социального призрения, общий очерк истории которых на материале Тулы конца XVIII — начала XIX вв. дал в своих работах Г.И. Панов.

Несколько предварительных замечаний относительно терминологии. В настоящее время автор склонен принять дефиницию Э.А. Фомина, определившего благотворительность как «негосударственную добровольную безвозмездную деятельность в социальной сфере, направленную на поддержку отдельных лиц или организаций, у которых по тем или иным причинам не хватает собственных ресурсов для полноценного функционирования»³. Это определение, по словам его создателя, явилось «некоторым эмпирическим обобщением той совокуп-

² Готовившаяся для данного сборника, ранее в сокращенном виде она была опубликована в издании: Благотворительность в России: Исторические и социально-экономические исследования. СПб.: Лики России, 2003. С. 64-77.

³ Фомин Э.А. Благотворительность: дискуссионное поле и исследовательские задачи // Благотворительность в России: Социальные и исторические исследования. СПб.: Лики России, 2001. С. 23). В литературе, однако, нашел отражение и другой подход, в рамках которого некоторые виды деятельности государства в сфере социальной помощи также описываются как одна из форм благотворительности (Лачаева М.Ю., Наумова Г.Р. Благотворительность // Отечественная история (История России с древнейших времен до 1917 года): Энциклопедия. Т. 1: А-Д. М.: БРЭ, 1994. С. 240-242). Сколь бы значительно не различалась природа этих феноменов

ности явлений действительности», которые, по его ощущению («как нам кажется», пишет он осторожно), «чаще всего воспринимаются как благотворительность большинством людей, соприкасающихся с соответствующим видом человеческой практики». В этой фразе все очень точно и честно. Исследователь, пытаясь отрефлексировать и рационализировать массовое представление о феномене, а) вынужден опираться не только на логику и анализ, но и на «кажется», то есть на *ощущение* сути вопроса, в связи с чем б) осознает, что достигнутый результат — не единственный возможный вариант такого обобщения.

Действительно, в принципе допустима и иная методология. Значение термину можно приписать «из головы», после чего проверить, насколько эффективным окажется использование новой абстракции в процессе описания и осмысления эмпирического материала. И на этом пути возможны удачи. Но всегда сохраняется вероятность, что недостаточно «сильное» новое определение (работоспособное, но в познавательном плане не сразу раскрывающее свой потенциал) научным сообществом окажется не замеченным и не будет принято: зачем ломать сложившийся язык, если ломка не сулит очевидного его усовершенствования? Э.А. Фомин пошел по пути, менее радикальному, более надежному: попытался обобщить и формализовать представления о содержании понятия, существующие в среде, с описываемым явлением наиболее тесно связанной. Действительно, вполне логично предположить, что представители именно этой среды лучше других понимают, чем они, собственно, занимаются и с чем имеют дело. Удачное обобщение их опыта имеет максимальные шансы быть и понятым и принятым.

Определение Э.А. Фомина кажется нам достаточно удачным не только в плане вербализации коллективных представлений о данном предмете, но и в отношении формулировки и анализа целого ряда сопутствующих проблем — содержание статьи, из которой извлечена приведенная цитата, богато глубокими мыслями и тонкими наблюдениями. Вместе с тем остаются неразрешенными проблемы «переваривания» с его (данного определения) помощью всей совокупности разнородных частных и государственных социальных практик, ориенти-

и применяемые для их описания аналитические подходы, для темы нашего исследования важно учесть *любую* работу, направленную на поддержку нуждающихся — идущую и от государства, и из негосударственных источников.

рованных на помощь малоимущим — последние нужно «поштучно» интегрировать в благотворительность или от нее отмежевать.

Перемещаясь из сферы онтологии благотворительности в область ее истории, прежде всего еще раз констатируем, что все, к ней относящееся, — мотивация, формы, степень индивидуальной включенности и проч. — тесно связано с культурными традициями сообществ (в словном обществе — сословий и сословных групп), к которым принадлежат индивиды и их группы. Общество эволюционирует, приобретает при этом социально значимый культурный опыт фиксируется, формируя новые традиции, трансформируя существующие. Вместе с обществом непрерывно изменяется содержимое его социокультурной памяти, что имеет многообразные проявления в самых различных сферах социальной жизни. Этот процесс отражается, в частности, на благотворительной деятельности, причем не только на ее масштабе, но и на характере, направляя и во многом определяя смену типовых ее форм.

Попытаемся раскрыть этот тезис на тульском материале. Приглядеться к благотворительности в Туле XVIII века интересно не только потому, что, в силу специфики ее сословной структуры посредством такого анализа, как отмечалось выше, можно надеяться выявить социальную окраску благотворительности. Но подход имперсональный, растворяющий индивида в группе (сословии) — не единственный, который к такому материалу можно эффективно применить. Дело еще и в том, что из Тулы вышли предприниматели, сами по себе известные в качестве крупных благотворителей. В том числе — знаменитые Демидовы, для которых широкая благотворительность на определенной стадии ее (династии) развития переросла в сознательно культивируемую фамильную черту публичного поведения⁴. Во второй половине

⁴ Краткие сведения о благотворительной деятельности нескольких поколений Демидовых второй половины XVIII — первой половины XIX века приведены в составленном в 1841 г. по инициативе Анатолия Демидова перечне пожертвований представителей рода, изданном в приложении к статье: *Черкасова А.С., Мосин А.Г.* «На благо любезного отечества» // Демидовский временник. Кн. 1. Екатеринбург: Демидовский институт, 1994. С. 246-275. Дополнительные к этим сведения см. в нашей книге: *Юркин И.Н.* Демидовы — ученые, инженеры, организаторы науки и производства. Опыт науковедческой просопографии. М.: Наука, 2001. 335 с.

XVIII—XIX веках они демонстрируют достойные считаться хрестоматийными образцы частной филантропической активности. В нашем случае исследование ее связи с культурной традицией означает необходимость выявить ее истоки в общественном быте породившего и сформировавшего их города. При этом для достижения цели важно учесть любую работу, направленную на поддержку нуждающихся, — как вполне очевидно относящуюся к сфере благотворительности, так и только частично удовлетворяющую принятому определению.

В жизни торгово-ремесленного населения Тулы первой половины XVIII века наблюдаем формы благотворительности, в своем большинстве сложившиеся в недрах предшествующих столетий. Определенные системой ценностей и нормами поведения, освященными церковной традицией, они и сами достаточно традиционны.

Из отечественной истории XVI—XVII столетий извлекаем многочисленные примеры такой деятельности, без труда обнаруживая их в жизни всех сословий и сословных групп русского города. Среди предпринимателей — торговцев и промышленников — в том числе. Немало средств на дело милосердия и, в частности, благотворительность было пожертвовано, например, богатейшими для своего времени предпринимателями России Строгановыми. Основатель династии Аника Федорович (1497—1570) финансирует и организует строительство храмов в Сольвычегодске и пермских владениях, помогает им в обзаведении богослужебными книгами, делает крупные денежные вклады в Сольвычегодский Коряжемский монастырь. Его сыновья отмечают память об отце новыми значительными вкладами в монастыри, включавшими деньги, земли, соляные варницы, дворы, иконы, книги⁵. Аналогичные акции с их стороны имеют место и в следующем, XVII веке.

Это столетие — эпоха, духовная и материальная культура которой в силу хорошей сохранности исторических источников может быть реконструирована и в общем плане, и в подробностях, с совершенно необычной для более раннего времени полнотой. Обращаясь к этим источникам, снова и снова убеждаемся, что реальная благотворитель-

⁵ Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Купечество Руси IX—XVII века. Екатеринбург: Демидовский инст-т, 1997. С. 155.

ность, как одна из форма милосердия, осознавалась необходимой частью повседневного поведения практически всеми слоями общества. В том числе — государем царем и великим князем всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцем. Приходо-расходные книги личной канцелярии царя Алексея Михайловича Приказа тайных дел содержат многочисленные записи, регистрирующие денежные раздачи нуждающимся, осуществлявшиеся как опосредованно, посылкой денежных сумм, так и во время личных посещений царем в праздничные дни, до рассвета, колодников в приказах, где они содержались. В отдельных случаях такие раздачи охватывали круг лиц, превышавший тысячу человек⁶.

Не покидали сферы благотворительности и предприниматели, в том числе — предприниматели промышленники. Обратим внимание на интересный для истории благотворительности в России факт, касающийся социальной группы, которая в силу своей в допетровский период малочисленности специального внимания в данном контексте, кажется, не привлекала. Речь идет о промышленниках, только в данном случае — о строителях и владельцах первых российских металлургических мануфактур. Заинтересовавшая нас деталь обнаружилась в документах, связанных с историей затеянных в 1674—1675 гг. переводчиком Посольского приказа московским дворянином Андреем Андреевичем Виниусом (1641—1716) и вологодским посадским человеком Яковом Галактионовичем Галкиным геологоразведочных работ: поиска руд металлов, включая благородные, а также красок, серы, слюды, камня, в том числе, поделочного, и т. д. Компаньоны получили несколько жалованных грамот, разрешавших им такой поиск и последующее строительство заводов по добыче и переработке добытого. В рамках этого проекта они и их посланцы совершили ряд поездок в район Волги и Камы, где, по их словам, обнаружили «признаки» медной руды⁷.

Недостаток средств для развертывания дорогостоящих работ, опасение на изыскательском этапе безвозвратно потерять вложенный

⁶ Викторов А.Е. Описание записных книг и бумаг старинных дворцовых приказов. 1613-1725. Вып. 2. М.: Тип. М.П. Щепкина, 1883. С. 565-566.

⁷ Подробнее об этой экспедиции см. гл. 3 в книге: Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641-1716. М.: Наука, 2007. С. 103-133.

в дело капитал заставили основателей компании пойти, причем дважды, на ее расширение: они приняли в нее торговых иноземцев Кондратия Филипповича Нордермана⁸ и Вахрамея Петровича Меллера. Последний вошел в компанию 9 мая 1675 г., когда прежние «товарищи» составили и юридически оформили с ним соответствующую запись (договор)⁹. Для понимания ситуации отметим, что В.П. Меллер был заводовладельцем, унаследовавшим через брак с вдовой «первозаводчика» Ф.Ф. Акемы несколько его подмосковных заводов¹⁰.

В совместно составленном Винусом, Галкиным, Нордерманом и Меллером соглашении содержится, между прочим, следующая статья, представляющая интерес в плане истории благотворительности.

«А буде за помощию Божию сыщем мы многую прибыточную руду и заводы построим, и мне, Вахрамею, по прежнему их, Андрееву, и Яковлеву, и Кондратьеву, обещанию и своего жеребьку ис прибылей, которые Бог подаст, откладывать с ними ж на стрсение Божиих церквей, и на пропитание¹¹ служебников церковных, и убогим десятую часть безо всякия удержки»¹².

Мимо приведенного фрагмента можно, разумеется, было бы и пройти, не уделив ему внимания — сочтя одним из отражений принципа церковной десятины, известного в русской православной традиции, начиная с самых ранних памятников, отразивших формирование норм, регулировавших отношение мира и церкви¹³. Полагаем, однако, что имеем дело с текстом, выходящим за границы тривиальной цитации фундаментального правового положения. Он представляет интерес одновременно в нескольких отношениях.

⁸ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 159. Оп. 2. Д. 1280. Л. 6; Там же. Д. 1361. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 1-4.

¹⁰ Вернер П. Меллер был вторым мужем Анны Декроо, состоявшей в первом браке за Тилманом (именовавшимся в России Филимоном) Акемой (ум. 1676) (*Велувенкамп Я.В.* Архангельск. Нидерландские предприниматели в России. 1550-1785. М.: РОССПЭН, 2006. С. 277, 280).

¹¹ В ркп.: *пропитание*.

¹² РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1361. Л. 2.

¹³ См. например, в «Повести временных лет», под 996 г., о передаче кн. Владимиром Святославичем десятины построенной им Богородичной церкви: «Помолившюся рек сиде: «Се даю Святей Богородици сей от

Если для XVIII века материал, связанный с благотворительной деятельностью заводчиков, весьма обширен (достаточно упомянуть в этой связи Демидовых), для XVII-го его почти нет. Это связано, в том числе, с узостью круга ранних мануфактуристов: металлургов-заводчиков в допетровский период насчитаем не более двух десятков имен. Состав объединявших их компаний время от времени менялся, но объединений было не очень много. По этой причине у нас почти нет документов, оговаривающих права участников. В цитированном фрагменте упоминается некое прежнее «обещание» Виниуса, Галкина и Нордермана, под которым, судя по контексту, имеется в виду договорная запись, «склеившая» коллектив в предшествующем включению Меллера тройном его составе. Она же подразумевается, когда документ говорит о «прежней записи меж нами, Андреем и Яковом, со мною, Кондратьем»¹⁴. Судя по ссылке на это обещание (запись), интересующая нас статья о десятине присутствовала и в том тексте. Но самой записи у нас нет, и сравнить, насколько точно сохранилась при переносе интересующая нас формула, возможность отсутствует. Неизвестно, и насколько такая статья была типична для подобных договоров.

Острое своеобразие данной ситуации придает тот факт, что участники контракта принадлежат к разным конфессиям: Виниус с Галкин православные, Нордерман и Меллер — протестанты¹⁵. Какой именно церкви и ее «служебникам» намеревалась помочь эта четверка?

именна моего и от град моих десятую часть». Положив, написа клятву в церкви сей, рек: «аще кто посудит сего, да будет проклят». Этот текст рассматривается как свидетельство существования в ранний период устной формы княжеско-церковных договоров (Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории / Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. М.: РГГУ, 1998. С. 264).

¹⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1361. Л. 2.

¹⁵ Виниус — «природный» иноземец, но натурализовавшийся (когда ему было 14 лет, отец с семьей сменили подданство и перешли в православие (Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве: Опыт исследования некоторых вопросов из истории русской культуры во 2-й половине XVII века. Т. 1: Текст исследования. Варшава, 1913. С. 183). Келдерман и Миллер — жившие в России выходцы из Западной Европы. Их — военных, специалистов (мастеров), купцов и проч. — благотворительная деятельность практически не изучена.

Разным? — двое православной, другие протестантским? Но как в таком случае компаньоны предполагали делить средства и почему соответствующая процедура не оговорена? Поток планировалось направить в сторону исключительно православной церкви? Тогда, получается, помогать ей собирались и протестанты? За отсутствием в нашем распоряжении сравнительного материала ограничимся постановкой этих вопросов.

Проверить, как на практике действовала статья, включенная в договор компании «Виниус, Галкин, Нордерман и Меллер», не представляется возможным за отсутствием источников. Почти наизусть, однако, можно утверждать, что статья не действовала, т. к. компания осталась объединением на бумаге. Заключить это позволяет челобитная компаньонов «второй волны» Нордермана и Меллера, относящаяся ко времени не ранее 1678 г. Формальным поводом поднять излагаемый в нем вопрос давала давно сложившаяся практика после восшествия на престол нового государя подтверждать данные его предшественником права и привилегии. Нордерман и Меллер просили подтвердить прежние их льготы одновременно с утверждением иного состава участников компании, которой они предоставлялись. Они просили закрепить за ними все прежние права, для чего дать им грамоту по образцу предыдущей, но «бес прежних товарищей, Андрея Виниуса да Якова Галкина». Челобитчики утверждали, что последние строительством металлозаводов не займутся и впредь: «И в прошлых де годах ево, Андреево, челобитье и скаска записана, что впредь ему, Андрею, таких заводов не заводить. А Яков Галкин после той вышепомянутой их, великих государей, жалованной грамоты и съемных записей откупил их, великих государей, соленые варничные промыслы и ныне ево на Москве нет. И от таких завоцких промыслов *от товарищства отстали*». Ниже в том же документе еще раз упоминаются некие «Андрея Виниуса великим государем челобитье и скаски..., что впредь ему, Андрею, таких же заводов не заводить»¹⁶.

Поскольку в четырехчленном формате компания существовать фактически перестала, отпал и вопрос реализации заинтересовавшего нас пункта, включенного в запись, некогда эту компанию образовавшую.

¹⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1361. Л. 17, 18.

Обратившись теперь к городскому посаду, увидим, что по своему характеру благотворительная деятельность для городской предпринимательской среды была достаточно типичной, различаясь для ее представителей только масштабом. Благотворили многие. Ограничимся примером Босовых, видной торговой династии первой половины XVII века из Великого Устюга. Формы благотворения у нее были теми же, включая крупные вклады в церкви и монастыри. Постригшаяся в монахини под именем старицы Ульяны вдова одного из них раздала до 7700 рублей — сумму весьма значительную, составлявшую немалую долю ее состояния. Помимо вкладов Босовы практиковали отпуск на волю кабальных слугителей, сопровождая его их награждением¹⁷.

Общей для данного периода чертой этой и типологически близких ей видов деятельности является их преимущественная ориентация на церковь: перед нами, в основном, организационно-финансовое участие прихожан в строительстве и ремонтах приходских храмов, монастырских зданий, в их украшении, в дарениях предполагающих функциональное использование артефактов (икон, утвари, облачений и т.д.).

В какой мере все перечисленное допустимо относить к сфере именно благотворительности? Негосударственный характер, добровольность, безвозмездность деятельности — эти определяющие благотворительности черты в данном случае присутствуют. Сфера деятельности — социальная, направленность — поддерживающая. В принятое выше определение феномена хорошо вписывается и это. Трудности возникают, когда обращаем внимание на объект деятельности. Кого или что эта деятельность поддерживает? При наличии «нормального» донора в акте пожертвования в обсуждаемом случае отсутствует индивидуализированный акцептор — конкретный нуждающийся¹⁸. Если считать, что поддержка организаций — такая же благотворительность, как аналогичная деятельность, обращенная к отдельным лицам (так полагает, в частности, Э.А. Фомин¹⁹), то материальная поддержка в адрес церкви — одно из направлений благотворительности. Но кор-

¹⁷ Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Указ. соч. С. 162.

¹⁸ Разве что — но это не всегда — обычный для подобного акта субъект рецепции — персональный благополучатель — оказывается замещенным опосредующим звеном — церковными структурами, принимающими на себя заботу не только о его духовном окормлении, но и о материальном благополучии.

¹⁹ Фомин Э.А. Указ. соч. С. 23.

ректно ли такое допущение по отношению к церкви? Положительный ответ на этот вопрос, во всяком случае, для нас не очевиден. В синодальный период истории церкви она была институтом, тесно связанным с государством и функционально и структурно — в результате известных реформ произошло своего рода огосударствление церковного организма, и как результат — поглощение государством большинства сколько-нибудь важных для него остатков ее самостоятельности.

Обратим внимание и на другое обстоятельство. По Э.А. Фомину, благотворительность поддерживает тех, у кого «по тем или иным причинам не хватает собственных ресурсов для полноценного функционирования». Оценить долю «собственных ресурсов» церкви (в как без этого судить о достаточности?), тем труднее, чем дальше эпоха, о которой идет речь. Можно ли считать церковь «нуждающейся» организацией в конце XVII — начале XVIII вв.? — на этот вопрос также крайне важно решить, квалифицируя обсуждаемую социально ориентированную деятельность: причисляя ее к благотворительности или выведя за ее рамки.

Полагая необходимым специальное рассмотрение обозначенных выше вопросов, откладываем его на будущее, в настоящий момент относя обсуждавшуюся деятельность все-таки к сфере благотворительности. Во-первых, потому, что по формальным признакам под принятое определение она в целом подходит. Во-вторых, в силу того, что данный взгляд разделяется многими отечественными исследователями этого исторического периода, в частности, по отношению к ситуации XVII в. А.А. Преображенским (у которого заимствуем некоторые приведенные примеры), а для следующего столетия — Н.В. Козловой, рассмотревшей вопрос на материале выявленных ею семейно-правовых актов²⁰ и др. Нам он (этот подход) представляется для ре-

²⁰ Преображенский А.А., Перхавко В.Б. Указ. соч. С. 155, 162; Козлова Н.В. «Душу свою грешную строить и поминать...». Забота о душевном спасении и благотворительность по духовным купцов и разночинцев Москвы XVIII века // Города Европейской России конца XV-первой половины XIX века: Материалы международной научно-практической конференции 25-28 апреля 2002 года, Тверь-Кашин-Калязин: Тверь: Тверской гос. ун-т, 2002. Ч. 2. С. 349-359; Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы / Сост., вв. ст-я и коммент. Н.В. Козловой. М.: МГУ, 2002. С. 33.

шения поставленной задачи еще и наиболее продуктивным. В противном случае для раннего периода (XVII — начало XVIII вв.) сцена, на которой ищем проявления благотворительной деятельности, резко пустеет, и возможные корни у благотворительности последующей эпохи еще до их выявления обрубаются.

Заметим, что попытка реально оценить значение поддержки церкви частными лицами в общей структуре их благотворительной деятельности порождает необходимость найти ответ еще на один важный вопрос: не преувеличиваем ли мы роль благотворительности в адрес церкви (в сравнении с другими адресами) вследствие большей информированности о ней, а эта информированность не является ли следствием асимметрии источниковой базы, которой мы располагаем? Персональная благотворительность, раздача милостыни, другие формы нищелюбия по своей природе суть акты приватные, как правило, избегающие документальной фиксации и публичного оповещения. Учесть объем — абсолютный и относительный — этой деятельности неизмеримо труднее, чем пересчитать построенные храмы и вклады в них.

Осознавая серьезность поставленного вопроса, полагаем все же, что благотворительность, направленная на церковь, даже при самом скрупулезном учете всех прочих каналов частного жертвования, останется для рассматриваемого периода одной из ведущих, скорее всего — доминирующей формой благотворительности.

Состояние источниковой базы по благотворительности в Туле первой половины XVIII в., к сожалению, не позволяет проследить за интересующим нас явлением в достаточно представительных выборках. Впрочем, основная группа благотворений (адресованная церкви) составляет, как и везде, известное исключение: соответствующих примеров и для Тулы можно привести немало.

В Туле Петровская эпоха резко отличается от непосредственно предшествующих ей десятилетий заметным всплеском церковного строительства. По нашим подсчетам, в период с 1690 по 1725 гг. имело место не менее восьми фактов такого рода, семь из которых — перестройки (со сменой материала на камень) существующих зданий. Это означает, во-первых, что при Петре I перестройка коснулась минимум каждого третьего из тульских храмов, во-вторых, что в этот

период в Туле (городе, почти сплошь деревянном) строительство каменного храма начиналось в среднем каждое пятилетие.

Кто же их строил? В большинстве случаев прихожане, прежде всего прихожане обеспеченные, костяк которых составляла достигшая известного материального благополучия предпринимательская верхушка из состава основных групп городского населения: посада и приближавшейся к нему по численности слободы казенных кузнецов. Не Демидовы (они включились в такую деятельность позднее), но все же фигуры, нерядовые в истории Тулы. Из оружейников — Володимеровы (инициаторы работ в Вознесенской церкви), из посадских — Постуховы (в церкви Успенской в Павшинской слободе), Ливенцовы (в Крестовоздвиженской)²¹. Некоторые из них уже в эту эпоху обращаются к промышленному предпринимательству (Володимеровы — железного дела промышленники), но основным видом хозяйственной деятельности у большинства остается предпринимательство торговое. Вершина их успеха на этой стезе была еще впереди, но уже тогда они владели средствами, достаточными для того, чтобы отдавать их часть на строительство «своих» (приходских) церквей. Учтем здесь, кстати, подробно рассмотренный Г.И. Пановым (в «Заметках») факт сохранявшейся в Туле на протяжении многих поколений связи родов с одними и теми же приходскими церквями (даже при смене отдельными семьями места жительства). Нам кажется, что ощущение неразрывности связи с приходом должно было усиливать величину и частоту пожертвований со стороны обеспеченных прихожан.

Заметим, что факт довольно высокой строительной активности тулян в Петровскую эпоху косвенно свидетельствует о том, что благосостояния городского населения (во всяком случае его верхушки)

²¹ Лозинский Р.Р. Страницы минувшего: Очерки по истории Тулы... Тула, 1994. С. 38, 48; А.И. Тульская Крестовоздвиженская церковь // Тульские губернские ведомости. Ч. неофиц. 1860. № 22. С. 143; Юркин И.Н. Индустриальное наследие Тульского края: Памятники, памятные места... Тула, 1994. С. 9. Соответствующий материал присутствует в очерках о тульских храмах, публиковавшихся на страницах «Тульских губернских» и «Тульских епархиальных ведомостей» и собранных впоследствии в сборник Святые храмы города Тулы: Историко-статистическое описание / Сост. под ред. Н.И. Троицкого и Ю.В. Арсеньева. Тула: Тип. Губ. правл., 1888.

бури петровской поры не повергли — об этом, кстати, говорит и сохраняющаяся неизменность фамилий, на протяжении двух веков стоявших во главе структур самоуправления Оружейной слободы²².

Сведения о частной помощи персональным нуждающимся (милостыня и другие формы призрения нищих) в использованных нами местных источниках указанного периода довольно редки, что не удивительно, учитывая упомянутое невнимание к подобным фактам. Но отдельные следы такой деятельности в них все же сохранялись. У беглого оружейного мастера Савелия Володимерова (он же Володин), подозреваемого в уклонении в раскол, пришедшая в 1751 г. описывать его двор комиссия обнаруживает семерых (1 мужчина, 6 женщин) в отсутствие хозяина живших здесь нищих²³. Из другого, более раннего (1737 года), также связанного со старообрядцами дела узнаем, что в то время, когда в Тульском Успенском женском монастыре пребывали в заключении пять старообрядческих монахинь, посланцы

²² Наиболее на сегодняшний день полный список старост Тульской кузнецкой (оружейной) слободы опубликован в нашей статье: Юркин И.Н. Тульские оружейники... С. 59-60. Систематических данных о земских старостах в нашем распоряжении нет.

²³ ГАТО. Ф. 187. Оп. 1. Д. 75. Л. 8-9. Отметим беспокойство, выраженное по поводу этих нищих в определении Тульской оружейной канцелярии (от 20 декабря 1751 г.): «...понеже неоднократно посланными ис канцелярии в земскую избу, також и публикованным в народ указом и отданным в команду приказам пришлых бес пашпортов и с неуказными пашпорты в домех оружейного ведомства служителям и мастеровым людям держать накрепко запрещено, однако ж ныне в доме предписанного Володина вышепоказанные нищия с неуказными пашпорты в житье усмотрены, почему канцелярии стало быть сумнительно, не имеетца ль таковых в держании и у других у каго оружейной каманды служителей и мастеровых людей. Того ради в земскую избу послать указ: велеть в Туле по всем оружейнаго ведомства дворам объявить с подпискою, дабы никто бес пашпортов тако ж и с неуказными пашпортами никого у себя в доме не держали. А ежели кто таковых держать станет и в том изобличен будет, с теми учинено будет по указом без всякия пощады. И по взятые о том подписок в канцелярию репортовать немедленно» (Там же. Л. 15-16, Выделение наши). Как видим, оружейные власти беспокоят не столько нищие, живущие по домам, сколько то, что у них не в порядке отпускные документы. Предоставление им крова само по себе предосудительным не считалось.

виднейших оружейных и посадских тульских семей (среди них Мосоловы, Постуховы, Ливенцовы, Лугинины, Черниковы) ходили к ним и посылали милостыню. Любопытно, что спрошенные на следствии, благотворители утверждали, что носили ее не одним старообрядкам, но всей монашеской братии²⁴. Даже если это не соответствует действительности (буквально всех перечисленных благотворителей есть основания подозревать в связях с расколом), учтем, что следователям предлагалась интерпретация фактов, которая должна была выглядеть достаточно правдоподобной.

Одно из хорошо прослеживаемых по источникам направлений помощи нуждающимся — призрение больных и престарелых воинов. Хотя в документах оно представлено, в первую очередь, деятельностью государственной (следовательно, пребывающей за границами, очерченными для благотворительности определением Э.А. Фомина), а также действиями церкви, остановиться на ней для общей характеристики положения вещей необходимо — имея в значительной степени совпадающий объект, преследуя во многом общую цель (в широком плане — осуществление социального воспроизводства), государственный патронаж и благотворительность испытывали взаимовлияние и взаимодействовали.

В Петровскую эпоху государство и церковь в качестве субъектов деятельности в сфере призрения этой группы нуждающихся несколько неожиданно оказались тесно связанными. Известно, что конфессиональная политика Петра I отличалась, помимо прочего, отчетливо антимонастырским характером. Решительно ограничивая права монастырей, Петр одновременно нагружал их функциями, для них факультативными или вообще им чуждыми. В некий момент под вопрос было поставлено и само существование монастырей. Политика в этой сфере (в ее законодательных воплощениях) быстро прошла путь от запрета отдельным категориям населения постригаться в монахи (При-

²⁴ Там же. Ф. 55. Оп. 1. Д. 5087. Л. 1. Подробно этот сюжет рассмотрен нами в статье: Юркин И.Н. «Может быть сами таковые ж расколники» (Новые свидетельства связи со старообрядчеством крупнейших предпринимательских династий Тулы XVIII в.) // Старообрядчество. История, культура, современность. Материалы. Т. 1. М., 2007. С. 181-186.

бавления к Духовному регламенту, 1722) до достигшего предела возможной радикальности синодского указа от 28 января 1723 г. Последним предписывалось в архиерейских епархиях и синодальной области «отныне впредь отнюдь никого не постригать», а на со временем должны возникнуть «убыльи» места «определять отставных солдат»²⁵. Дело, таким образом, вполне определенно шло к уничтожению монастырей, только произойти оно должно было неодномоментно, а более мягко, растянуто во времени. Постепенное замещение монахов отставными солдатами — в этом поразительном решении (обратим внимание: обнародованном из Синода) парадоксально совпадали обе хорошо известные нам ипостаси Петра: любителя граничащей с издевкой и унижением шутки, не знающей ни меры, ни запретных объектов, и человека дела, «трудоголика» и рационалиста, все измерявшего аршином соответствия сжигавшим его разум социально-политическим идеям. И если в факте направления в монастыри именно солдат искать рациональный резон (помимо стратегической задачи, связанной с судьбой монастырей), то мы его немедленно обнаружим, как только учтем, что туда направлялись преимущественно те солдаты, которые не имели жилья и средств к существованию.

В литературе указ 1723 г. обычно вспоминают, обсуждая отношение Петра к монастырям²⁶. Следует, однако, учесть, что царь, взяв курс на постепенную их ликвидацию, их не просто закрывал, но как бы *пресуществлял*, замещая в них «человеческую материю», превращая из общежития иноков в солдатские богадельни и инвалидные дома. И использованный при этом конкретный механизм процесса оказался возможным запустить только потому, что к этому времени

²⁵ Законодательство Петра I. М.: Юрид. лит., 1997. С. 603. Предложению определять «на убыльи места» отставных солдат в этом акте предшествует распоряжение переписать всех монастырских жителей, после чего рапортовать в Синод помесячно, «сколько из обретающегося ныне числа оных монахов и монахинь будет убывать». Зачем нужны данные об освобождающихся местах в женских монастырях? Наверно, не для того, чтобы направлять отставных служилых и туда тоже — скорее всего, просто «для сведения». Но построение текста допускает и иное, едва ли предполагавшееся законодателем несколько комичное прочтение текста.

²⁶ См., например, *Клеандрова В.М., Новицкая Т.Е., Титов Н.Ю.* Законодательство о правовом положении церкви // *Законодательство Петра I*. С. 526.

уже имела место относительно сложившаяся практика принудительного приобщения монастырей к социальному патронированию данной категории населения. Еще в 1715 г. (т.е. до создания Синода, в период функционирования Монастырского приказа), было велено направлять в них на убылые места мирян, в том числе отставных и увечных солдат, а также душевнобольных. Монастырь при этом предполагалось использовать комплексно: наряду с лицами, которых требовалось призреть, туда направляли и тех, кого полагали необходимым изолировать от общества: ссыльных старообрядцев и преступников²⁷.

Остановимся на нескольких иллюстрирующих эти новации примерах.

По именному, состоявшемуся в Военной коллегии, указу от 23 июня 1720 г. было «велено полевых армей и гварнизонных полков афицеров и урядников, и рядовых, которым по свидетельству в Военной коллегии за старостию и дряхлостью, за... увечьи в службе быть невозможно, а имения своего иметь не будут», по желанию их отсылать для пропитания в монастыри. Непосредственным их устройством туда занималась Штатс-кантор-коллегия. Перед нами дело 1721 г. об определении в один из тульских монастырей отставленного от полевой службы Московского полка солдата Савелия Иванова. Последний объявил на смотре сказкой, «что у него дому и родственников никого нет и пропитания никакова не имеет», почему и просил определить его «за старостию» в Ивановский монастырь, что на Туле.

В Штатс-кантор-коллегию о нуждах Иванова было сообщено в памяти, направленной из Военной коллегии в январе 1721 г. Согласно составленной по ее получению в Штатс-кантор-коллегии справке, «в губерниях гварнизонных полков салдатом повелено давать его великого государя жалованья денежного, за вычетом на мундир и ... медикамент, по четыре рубли, муки по три четверти, круп по полтора четверика на год». Приговором Штатс-кантор-коллегии (от 25 января 1721 г.) солдат Иванов был определен в Ивановский монастырь с выдачей ему там жалованья по указанной норме²⁸.

Приговор по рассмотренному делу помимо прочего определял, из какого источника должно поступать необходимое для содержания

²⁷ Никольский Н.М. История русской церкви. М.: Политиздат, 1983. С. 192.

²⁸ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 229. Л. 1-2.

призреваемого жалованье: со ссылкой на указ (именной, состоявшийся в коллегии) от 23 июня 1720 г. было предписано выдавать его «из доходов того монастыря»²⁹. Обратим внимание на выразительную деталь: государство (в лице одного из центральных учреждений) чувствует себя настолько вправе распоряжаться церковными доходами, что в лице этого госучреждения даже не считает необходимым снести по данному вопросу с учреждением церковным: Штатс-контор-коллегия направляет свое решение главе гражданской администрации (тульскому воеводе), предписывая ему «учинить по сему» и «во оной монастырь о том же определении и о даче жалованья от себя (sic! — И.Ю.) отписать»³⁰.

С 1724 г. было велено содержать в монастырях такое количество отставных солдат, какое позволяло их (реципиентов) финансовое положение³¹. Поскольку нет никаких оснований подозревать за всем этим беспокойство о состоянии монастырей, уместно усмотреть в этом заботу о призреваемых, фактическое положение которых, несомненно, зависело от экономического состояния обители.

Установка на развитие сети богаделен при церквях сохраняется и в послепетровское время, что фиксируют многочисленные указы³². Их устройство, помимо прочего — необходимое условие победы в перманентной борьбе с бродяжничеством, то затухающей, то разворачивающейся с новой силой. В качестве примера укажем на сенатский указ от 19 мая 1733 г.³³. Появившимся вскоре (27 июля того же года) другим сенатским указом было определено выдавать помещенным в богадельни нищим кормовые деньги из Камер-конторы³⁴.

Помещение отставных воинов в монастырские богадельни происходило не всегда гладко. Примером могут служить злоключения капрала Максима Моисеева и кирасира Александра Голованова, в августе 1762 г. посланных Коллегией экономии в Тульскую провинциальную канцелярию «для определения к пропитанию в Тульской Пред-

²⁹ ГАТО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 229. Л. 2, 3.

³⁰ Там же. Л. 2.

³¹ Бобровников В.Г. Благотворительность и призрение в России. Волгоград: Политехник, 2000. С. 38.

³² Обзор их см.: Там же. С. 83-84.

³³ Полное собрание законов. СПб., 1830. Т. 9. № 6406. С. 128-131.

³⁴ Там же. № 6462. С. 191.

течев монастырь», с выдачей им там «по рангам» жалования «из личной во означенной канцелярии канцелярских эборов суммы на щет собираемого с крестьян рублевого оброку»³⁵. В январе следующего года после двух неудачных попыток устроиться в назначенном им месте отставные жаловались в провинциальную канцелярию, что «во оной монастырь их не принимают, и жалованья им не производят, и просили, чтоб их в силе указов о определении к реченному монастырю, и о получении жалованья куда надлежит о представлении». Обратим внимание на общее изменение атмосферы по сравнению с Петровской эпохой. Провинциальная канцелярия своей властью решить вопрос не берется: по поводу сопротивляющегося распоряжению светских властей архимандрита Иллариона пишет в Коломенскую консисторию и в Канцелярию экономического правления³⁶.

Много ли бывших воинов находилось в монастырских богадельных? Ответить на этот вопрос можно по отношению к началу царствования Екатерины II, когда такие сведения были собраны по указу Сената. Соответствующее распоряжение (из Военной коллегии) было направлено и в Тулу. Из списков, в ответ на запрос присланных в Тульскую провинциальную канцелярию из епархиальных учреждений, узнаем имена отставных военнослужащих в подведомственных епархии богадельнях по состоянию на декабрь 1762 г. При Духовной консистории в это время числились 4 человека, при Предтечеве монастыре (упомянутый выше Ивановский) 16, при Николаевском Веневе монастыре 16 плюс четверо, записанных за этим же монастырем, но определенных к несению караула при консистории — всего 40 человек. Кроме нижних чинов (их подавляющее большинство) в списках значатся секунд-майор, поручик и подпоручик. В документе приведены сведения, «в которых годех» они «из Духовной его преосвященства кансистерии во оной монастырь на пропитание присланы». Большинство, как нетрудно предположить, пребывают здесь сравнительно недолго — год, два, реже три. Но встречаются лица, поступив-

³⁵ ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 3098. Л. 17. Здесь же имеется ссылка на документ, установивший общую правовую норму: «дачу жалованья производить... по силе указу... и во всем поступать, как с токавыми посланными из Коллегии экономии минувшаго мая 22 дня 1762 году во все губернская канцелярии указами повелено».

³⁶ Там же. Л. 18, 18 об.

шие «на пропитание» еще при прежних государях и живущие более 20 лет. Абсолютный лидер — рядовой, попавший в богоугодное заведение при Предтечеве монастыре еще в 1740 г. в конце царствования Анны Иоанновны³⁷.

Богадельни при монастырях были не единственными существовавшими, а одинокие престарелые воины — разумеется, не единственной категорией населения, которую в них определяли. Сведения о числе богаделен, официально состоявших под ведением Приказа общественно призрения, приводит Г.И. Панов: в 1780 г. их было 16, в 1782-м — 12 и т.д. С эти данными приблизительно совпадают приводимые В.Ф. Зуевым, посетившим Тулу в 1781 г.: тогда в городе имелось 8 каменных богаделен и 9 деревянных³⁸. Эти цифры не выглядят слишком значительными. Еще в 1714 г. в Новгороде действовали 15 нищепитательниц и дом для подкидышей. В 1721 г. в Москве, по некоторым данным, насчитывалось 93 богадельни³⁹. Число богаделен в Туле в 1780-1790-е гг. непрерывно снижалось, и в 1798 г. в ведении приказа осталась единственное заведение такого рода. Г.И. Панов вполне убедительно объясняет природу этой тенденции: призреваемые в богадельнях не обеспечивались ничем кроме бесплатной квартиры, что вынуждало их искать себе пропитание, а это часто не удавалось совместить с проживанием в богадельне.

По данным 1753 г., в богадельне, находившейся в Туле «на государственной земле» (в отличие от монастырских, документ называет ее просто «тульской богадельней»)⁴⁰, нищих («богадельщиков») имелось 9 человек, среди которых были и гражданские лица. Сохранилось любопытное дело, связанное с судьбой претендовавшего на место в ней некоего Афанасия Иванова. Бывший крестьянин, он был куплен тульским купцом Яковом Поповым для работы на принадлежавшем тому ручном железном заводе в Елецком уезде. Но при 2-й ревизии его

³⁷ ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 3098. Л. 1, 5, 7, 8.

³⁸ Путешественные записки *Василья Зуева* от Санкт-Петербурга до Херсона в 1781-1782 г. СПб., 1787. С. 58.

³⁹ *Бобровников В.Г.* Указ. соч. С. 37.

⁴⁰ Не исключаем, что речь идет о богадельне при каком-то храме, вроде каменной при Троицкой церкви, в которой в том же 1753 г. жила «недель з дватцать» героиня другого архивного дела (ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1488. Л. 13 об.)

(Иванова) принадлежность Попову в документах оформлена не была. Прошло десятилетие. Иванов состарился, разболелся (у него открылась «грызная» болезнь, а к ней в ногах болезнь «ломотная») и работать уже не мог. Прежняя его владелица, алексинская помещица Вера Селиверстова, за него отвечать не хотела, Попов записывать за собой тоже отказывался. Афанасьев «завис»: помещика себе никого «приискать» он не смог (жаловался: «ис платежа подушных денег ево, Иванова, никто не принимает»), почему и попросил его «за вышеписанными ево болезнями в силу ... указов определить к Тульской богоделни в богоделщики». Такая ситуация была предусмотрена 16 пунктом «о генеральной вновь ревизии» инструкции: «ежели ... явятца, которая старья и дряхлыя, и увечныя, и ни в какую службу и в работу не годны, тех отдавать в богоделну». На этом основании Тульская провинциальная канцелярия приняла решение: «написать ево при Тульской богоделни на место... умершаго богоделщика Ивана Горбунова и числить в богоделщиках бес платежа подушных денег»⁴¹.

Сказанное о богадельнях касается преимущественно государственного призрения престарелых и больных. Помощь этой группе нуждающихся оказывали и частные лица, причем независимо от того, был ли богадельщику положен денежный и хлебный оклад или нет. И в данном случае неважно, что прямых данных такого рода для Тулы указанного периода в нашем распоряжении почти нет. Недостаточное их количество (именно данных, но не фактов) в известной степени предопределено. Благотворительность, встроенная в повседневность, в обиход, чуралась экстремальности и публичности. Масштабные акции, известные по более позднему времени, например, по вышедшим из Тулы Демидовым, для нее (этой модели) не характерны. Примечательно, что и Демидовы, пока живут в Туле, из общепринятой в их окружении практики не выбиваются: две возведенные здесь в 1730-х гг. на собственные средства церкви, их украшение и последующая поддержка — почти все, что можно по данному поводу сказать о знаменитых заводчиках⁴². Совершенно аналогично ведут себя в это время представители других обеспеченных фамилий из среды

⁴¹ ГАТО. Ф. 55. Оп. 2. Д. 1624. Л. 1-6 об.

⁴² Юркин И.Н. Демидовы в Туле: Из истории становления и развития промышленной династии. М.; Тула: Парус, 1998. С. 73-75.

оружейников и посадских Тулы: Володимеровы, Постуховы, Ливенцовы, Лугинины и другие.

(Обратим внимание не только на заданную традицией форму ранних демидовских благотворений, но и на относительно скромный масштаб. Строго говоря, их тульское церковное строительство можно было бы вообще не считать благотворительностью. Если интерпретировать его как заботу, в первую очередь, о родовом некрополе, то перед нами, конечно, действия и материальные издержки бескорыстные, не связанные с извлечением коммерческой или какой-то другой выгоды, что сближает их с благотворительностью. Но это — деятельность, обусловленная семейными отношениями, подразумевающими определенные личные моральные обязательства. Наличие такой мотивации, по Э.А. Фомину, не позволяет относить ее к благотворительности — для последней она в общем случае не характерна⁴³).

Описанные факты весьма далеки от благотворительности в ее характерной для последующей эпохи направленности и формах, уходящих корнями, с одной стороны, в западно-европейскую протестантскую традицию, с другой — в дух века Просвещения. Где новые ее проявления, достаточно яркие, чтобы своим содержанием и масштабом и сегодня служить примером для подражания? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к эволюции форм благотворительности в филантропической деятельности Демидовых.

Не исчерпывающим, но весьма содержательным источником, отражающим почти столетний по продолжительности начальный период демидовской благотворительности, является «Перечень пожертвований, сделанных родом Демидовых государству и общественным учреждениям», подготовленный около 1841 г. по распоряжению Анатолия Демидова. Его анализ позволяет заключить, что, если не считать поставок основателем династии оружия казне по льготным ценам

⁴³ Фомин Э.А. Указ. соч. С. 23, 24. Но если следовать этой логике, т.е. если милостыня и прочее, ей подобное, фиксации избегали и избежали, если церковное строительство и забота о благолепии храмов, в силу указанных соображений, — не вполне благотворительность, то на сегодняшний день не остается вообще никаких конкретных данных о благотворительной деятельности Демидовых в Туле! Что, разумеется, не исключает возможности выявления таких данных в дальнейшем.

(квалифицировать их как филантропию, согласимся, можно лишь с очень большой натяжкой), собственно благотворительность начинается только с его внука Прокофия Акинфиевича⁴⁴.

Источник, на основании которого делаем данный вывод, не безупречен — в нем есть неточности, есть и пробелы. В список демидовских пожертвований следовало бы внести, например, следующий неучтенный в нем факт, особенно ценный тем, что он является одним из первых известных нам примеров такой их деятельности в заимствованных из Европы формах. Речь идет о пожертвовании Московскому университету сыновьями Акинфия Демидова доставшейся им в составе отцовского наследства обширной (около шести тысяч образцов) минералогической коллекции, основу которой составило приобретенное Акинфием фрайбергское собрание И.-Ф. Генкеля. Начавшийся в 1755 г. (в год основания Университета), когда о готовности отдать ему свою треть этой коллекции заявил младший из братьев Никита Акинфиевич, процесс дарения затянулся на четыре года⁴⁵.

С этого времени благотворительность Демидовых непрерывно расширялась — сначала инициативами преимущественно Прокофия, позднее и его однородцев, их поддерживавших и умножавших. Расширение сопровождалось изменением форм. Что обусловило этот процесс?

Прежде всего (и хронологически и по значимости) — достижение относительной экономической независимости, со временем все более возрастающей. Но ею одной дело не исчерпывалось. Сыграли роль:

а) *Экономический фактор*. Демидовы сумели накопить значительный капитал и вывели дело на уровень, когда оно устойчиво прирастало. Было создано крупное и стабильно функционирующее промышленное хозяйство, явившееся экономической основой затратной, не преследовавшей коммерческие цели их деятельности, благотворительной, в частности.

б) *Психологический фактор*. По-видимому, следует учесть и ослабление ощущения личной причастности к накоплению. У первых поколений рода каждая копейка справедливо ассоциировалась с собственными усилиями по ее приобретению к капиталу. Прокофий так относиться к ней не мог хотя бы по причине малой склонности к про-

⁴⁴ Черкасова А.С., Мосин А.Г. Указ. соч. С. 265, 266.

⁴⁵ Юркин И.Н. Демидовы — ученые, инженеры... С. 28, 29, 106.

мышленному предпринимательству и скромного личного в нем участия (он, как известно, ни одного завода сам не пустил, а доставшиеся ему в наследство продал).

в) *Фактор социальной стратификации*. Изменение сословной принадлежности (раннее аноблирование) автоматически изменяло сферу актуальных культурных влияний — новые социокультурные нормы (включая поведенческие образцы) начинали учитываться независимо от личного к ним отношения.

г) *Социокультурный фактор*. Появились провоцирующие и ориентирующие культурные импульсы, побуждавшие к отличным от прежних форм благотворительности и ее направлявшие. Для москвичей одним из таких импульсов стало упомянутое открытие Университета — не случайно масса благотворений П.А. Демидова (в зрелом и пожилом возрасте жившего преимущественно в Москве) адресована именно ему.

д) *Аксиологический фактор (оценка средой)*. Получили известное распространение формы государственного и общественного поощрения благотворителей: пожалование их чинами, проведение в честь жертвователей торжественных актов, создание с той же целью памятных знаков (медалей, мемориальных досок и проч.).

Заметим, что в обществе публичное выражение государством своего одобрения благотворителям поддерживалось отнюдь не всеми. Консервативно настроенный М.М. Щербатов не только ею не восторгался, но выражал по данному поводу возмущение, приватное, но весьма резко выраженное. Прокофий для него — хам, откупающийся от наказания за нарушения благопристойности неуместно щедрой в нормальном обществе благотворительностью, которая, к тому же, наносит ущерб его наследникам. Осуждая практику «чины за деньги продавать», Щербатов приводит ее пример: «Прокофей Демидов, привоженный на виселицу за пашквили, бывший под следствием за битье в доме своем секретаря Юстиц-коллегии, делавший беспрестанно наглости и проказы, противные всякому благоучрежденному правлению, за то, что, с обидою детей своих, давал деньги в сиропитательный дом, чин генерал-маеорской получил, а за дание пяти тысяч в пользу народных школ учинено ему всенародно объявленное чрез газеты благодарение⁴⁶. Якобы (в смысле, как будто. — И.Ю.) государь не мог полезных учрежденей завести, без принима-

ния денег от развратных людей, и якобы деньгами могли искупиться развратные нравы!»⁴⁷.

Даже в рамках одной ветви рода переход к новым формам и объектам благотворительности не совершался разом — традиционные и новые формы, как правило, некоторое время сосуществовали. В этой связи показательна такая фигура, как наследовавший Нижнетагильские заводы Н.А. Демидов. Он — соучастник (а, вероятно, и инициатор) упомянутого дарения Университету минералогического кабинета. Но анонимный старообрядческий автор (продолжатель «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова) сообщает нам и о «превеличайших милостях» Никиты Акинфиевича старообрядцам — милостях, «через которых толико братство пользовая, яко бы уже падшее воставлено бысть». Он называет конкретные его благодеяния: пожертвование колоколов «с прекрасным звоном» Выголексинскому общежителю, его помощь в восстановлении Лексинского девичьего монастыря после пожара и др.⁴⁸.

Создавая и материально поддерживая предназначенные для оказания социальной помощи специальные весьма дорого им обходящиеся учреждения (Воспитательный дом в Москве, «благотворительное заведение» в Петербурге и др.), Демидовы и впоследствии (в XIX в.) не прекращали адресной помощи нуждающимся, осуществляя ее в том числе в формах, генетически связанных с более ранними традициями благотворительности — упомянутый «Перечень пожертвований» содержит многочисленные примеры таковых. Среди этих пожертвований, между прочим, присутствует и адресованный жителям родного, но давно уже покинутого ими города: в 1834 г. А.Н. Демидовым было пожертвовано 10 тысяч рублей по подписке для погорельцев Тулы⁴⁹.

⁴⁶ Подробнее о большинстве перечисленных здесь эпизодов см., например, в посвященной Прокофию главе книги: Головшиков К.Д. Род дворян Демидовых. Ярославль: Тип-я Губ. правления, 1881.

⁴⁷ «О повреждении нравов в России» князя М. Щербатова и «Путешествие» А. Радищева. Факсимил. изд.-е. М.: Наука, 1983. С. 126.

⁴⁸ Гурьянова Н.С. Дополнение к «Истории Выговской старообрядческой пустыни» И. Филиппова // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск: Наука, 1989. С. 236, 237.

⁴⁹ Черкасова А.С., Мосин А.Г. Указ. соч. С. 269. Заметим, впрочем, что поднесенная в том же году в дар Академии художеств картина К. Брюл-

Немалую роль в выборе объектов и форм филантропической деятельности играла и пространственная среда, в которой находился благотворитель. Жившие в Москве, на нее, преимущественно, и распространяли свои благодеяния. Но по меньшей мере два обстоятельства в конце XVIII — первой трети XIX вв. привлекали внимание Демидовых еще и к нуждам провинции: формировавшиеся патерналистские тенденции в отношениях со «своим» горнозаводским населением⁵⁰ и общее расширение кругозора заводовладельцев, стимулировавшее их просветительскую деятельность, расширявшее ее территориально. И то и другое втягивало в сферу их благотворительности провинцию: Ярославль у Павла Григорьевича Демидова, Нижний Тагил у Николая Никитича и его сыновей и т.д.

Аналогичные процессы захватывали и другие промышленные династии тульского происхождения, с самого начала своей предпринимательской истории испытывавшие сильное и разностороннее влияние Демидовых. Из числа металлзаводчиков укажем, например, на одного из самых известных Баташевых (Андрея Родионовича), с именем которого связан факт, отмечаемый Г.И. Пановым, — пожертвование в начале XIX столетия нового каменного дома в Туле для размещения в нем Александровского училища для воспитания детей малоимущих дворян.

В заключение несколько соображений относительно наиболее, на наш взгляд, перспективных направлений изучения благотворительности XVIII века.

Разумеется, неизменно актуальным остается выявление, введение в научный оборот и осмысление фактического материала по благотворительной деятельности в этот период. Только такая — опирающаяся

лова «Последний день Помпеи» обошлась А.Н. Демидову в сумму, в полтора раза большую, чем уделенная им для помощи жертвам тульского пожара, самого большого за столетие в истории города (Там же).

⁵⁰ Неклюдов Е.Г. Идеи патернализма в социальной политике уральских заводчиков Демидовых в первой половине XIX века // Тульский металл: четыре столетия истории. Тезисы 2-й Всеросс. научн. конф-ции «Тульский металл в истории промышленности и предпринимательства». Ч. 1. М.: Тула: Парус, 1995. С. 16-19; *Ето же*. Уральские заводчики в первой половине XIX в.: владельцы и владения. Ниж. Тагил, 2004.

на строго документированные источниками факты — основа позволит создать корректные обобщения и гипотезы, необходимые для успешного разрешения проблемы.

Вместе с тем представляется важным обозначить аспекты, разработка которых, на наш взгляд, сулит наиболее интересные исследовательские результаты. Каждый из них тесно связан с самосознанием общественных групп и через него влиял на благотворительную их активность и формы, в которых она проявлялась.

Конфессиональный фактор определяет необходимость разработки темы «благотворительность и конфессиональное самосознание». Особенно важно в данном случае выявить реальную роль старообрядчества, выступавшего в качестве носителя консервативного начала и хранителя традиционных форм бытового поведения. Причастность старообрядчества к истории благотворительности несомненна — достаточно вспомнить такие очаги благотворительности, как возникшие в Москве в начале 1770-х гг. Преображенское и Рогожское кладбища, впоследствии крупнейшие центры столичного старообрядчества⁵¹. Но учесть его влияние для XVIII в. — периода, большую часть которого старообрядцев в той или иной степени преследовали, очень непросто. Чтобы учесть влияние, нужно учесть самих старообрядцев. Между тем проживавшая в городах значительная их часть была скрыта, причем «потаенных» старообрядцев могло быть значительно больше, чем явных («записных»).

Вторая тема, разработка которой на российском материале представляется нам весьма продуктивной — благотворительность и гендерное самосознание. Изучение *гендерных аспектов* благотворительности предполагает получение ответов на вопросы, какая модель благотворительности какому социальному полу была ближе, какой пол как в благотворительности реализовался, какую окраску приобрела благотворительность в зависимости от того, представители какого пола ей занимались и т.д. Например, в отношении воспитания детей, лишенных родителей, весьма интересно было бы проследить, кто чаще брался им помогать — вдовы или вдовцы? кого чаще брали на воспитание — девочек или мальчиков?

⁵¹ См., например, *Власов П.В.* Обитель милосердия. М.: Моск. рабочий. 1991. С. 83-85.

Третья группа вопросов связана с *сословными аспектами* благотворительности. Если социальная группа (сословие, в частности) — носитель неких черт сознания, более или менее общих для совокупности образующих его индивидуумов, то вполне корректно обращение к вопросу «благотворительность и сословное самосознание (шире — сословная ментальность)». Насколько интересные результаты может дать его изучение — применительно к московскому купечеству и разночинцам XVIII в. показала Н.В. Козлова в упомянутых выше ее работах⁵².

⁵² См. прим. 20.

УКАЗАТЕЛЬ¹ ИМЕН

- Августин** Блаженный 218
Авдиев Феофилакт, свящ. ц. с. Богоявленского Епифанского у. 138
Авраменкова, надзирательница Тульского воспитательного дома 109
Агапов Игорь, протонерей 30
Акема Филлимон (Тилман) Филлимонович, заводовладелец 240
Александр I Павлович, имп. 22, 23, 73-75, 77, 94, 186, 209, 212, 223, 225
Александр II Николаевич, имп. 221, 222
Александр III Александрович, имп. 10
Алексей Михайлович, царь 239
Алексий (Ржаницын), еп. Тульский и Белевский 180, 182, 224
Амвросий Аврелий, свт., еп. Медноланский 152, 218
Амвросий (Протасов), еп. Тульский и Белевский 138, 173, 216
Андреев А.Ю. 211
Анна Иоанновна, имп. 253
Антонов Иван, свящ. Крестовоздвиженской ц. в Туле 43
Антонов Михаил, свящ. Троицкой ц. в Туле 44
Арсеньев Ю.В. 15, 246
Архаров Николай Петрович, моск. обер-полицеймейстер 130, 215
Аттила, предводитель гуннов 218
Афанасий (Иванов), еп. Коломенский и Тульский 44, 169, 170, 201
Афанасьев Андрей, свящ. Петропавловской ц. в Туле 43
Афанасьев Григорий, свящ. Казанской ц. в Туле 43
Афанасьев Феодор, дьякон ц. вмч. Никиты, содерж. домаш. училища 66
Афремов И.Ф. 206, 208, 212, 234
Ашурков В.П. 234
Бабаева Марфа К., сестра Е.К. Кузовлевой 180
Баскакова Прасковья Петровна, основательница инвалидного дома в Туле 47, 79, 122, 123, 125, 127, 129
Баташев Андрей Родионович, заводовладелец, благотворитель 80, 199, 210, 259
Баташевы, род 158, 234, 259
Безруков Петр, колл. регистр. 140
Белова Н.Н. 30

¹ Указатели охватывают все тексты Е.И. Панова, статьи и комментарий без сопровождающих их библиографических списков. Имена исследователей выделены курсивом. Сведения в дефинициях в основном соответствуют тексту, даже если они не точны или ошибочны, дополнения ограничены раскрытием некоторых инициалов. Названия храмов — преимущественно в формах, присутствующих в тексте. Сокращения обычные.

- Бельский Михаил Артемьевич, благотворитель 37
- Бельский Евдоким Иванович, тул. купец, благотворитель 37
- Беляев Иван Иванович, действ. ст. сов., тул. вице-губернатор 93, 212
- Бенедиктов, переводчик, инспектор (надзиратель) Тульского народ. училища 59
- Бобринский Алексей Григорьевич, гр., землевладелец 79, 143, 206, 210
- Бобровников В.Г.* 251, 253
- Богданович, смотритель Тульской градской больницы 131, 133, 139
- Болотов А.Т., деятель науки и культуры, мемуарист 202, 206
- Большаков М.А.*
- Борисов Петр Яковлевич, белевский дворянин 76
- Босовы, род 243
- Брюллов (Брюлло) Карл Павлович, художник 258
- Быховский, губ. прокурор 93
- Буслаев Ф.И.* 217
- Бэр, каширский штаб-лекарь 114
- Ваныкин Д.Я.**, купец, благотворитель 222
- Васильев Андрей, свящ. п. Преображения Господня в Туле 44
- Васильев Семен, церковник 91
- Васильева Степанида, воспитанница 113
- Велувенкамт Я.В.* 240
- Венищев Семен Никифорович, колл. сов., администратор 81, 211
- Венищева Мария В., вдова С.Н. Венищева 122-125, 127-129
- Викторов А.Е.* 239
- Виннус Андрей Андреевич, администратор, деятель культуры и просвещения 239-242
- Винклер, надзиратель Тульского воспитательного дома 109
- Виноградов Михаил, губ. секр., учитель Александровского училища в Туле 85, 87
- Витовтов, колл. регистр., пом. эконома Александровского училища в Туле 89
- Владимир Святославич, кн. 240
- Власов П.В.* 260
- Волков В.А.* 211
- Волконский Александр Михайлович, кн., ст. сов. 93, 212
- Волконский Михаил Николаевич, кн., ст. сов. 93, 212
- Володимеров (Володин) Савелий Афанасьевич, оруж. мастер, старобрюдец 247
- Володимеровы, род 246, 255
- Воробьев Козьма, колл. регистр., надзиратель при инвалидном доме в Туле 46
- Воскресенский, секр., надзиратель библиотеки Тульского приказа общественного призрения 58
- Воскресенский, доктор, ст. учитель Тульской губ. гимназии 100
- Воскресенский Тимофей М., учитель Тульского глав. народ. училища 96
- Вязмитинов С.К., гр., мин-р полиции 124, 214
- Гаврилов С.Н.**, тул. мещанин 139
- Галкин Яков Галактионович, посадский человек 239-242
- Гамалея Михаил Михайлович, надр. сов., тул. вице-губернатор 88, 211
- Генкель Иоганн-Фридрих, минералог, металлург, химик 256
- Гейм Иван Андреевич, колл. сов., проф. Московского унив-та, член Училищного комитета 99, 213
- Генезий Любим, помощник гофмейстера, учитель Александровского училища в Туле 85
- Глаголева О.Е.* 213
- Голицын Андрей Михайлович, кн., тул. губернатор 157, 168, 221
- Голицын А.Н., кн., мин-р духовных дел и народ. просвещения, попечитель Человеколюбивого общ-ва 223, 226

- Голицына Софья Петровна, кн., благотворитель 222
- Голицыны, кн., род 222
- Голованов Александр, кирасир 251
- Головнин Петр Гаврилович, гр., камергер 77
- Горчакова М.С. 30
- Горбунов Иван, богадельщик 254
- Горчаков, кн., благотворитель 76
- Горчаков В.П., кн., артиллерии подпоручик 126, 128-130
- Граве Николай Д., действ. ст. сов., губернатор 93, 101, 212
- Григорьев Козьма, отец Охотникова А.К. 65
- Гридчина Ю.В.* 232
- Гринева Иван, колл. регистр., учитель Белевского народ. училища 106
- Грохольский Петр, полк., сов. Тульского намест. правления, дир-р Глав. народ. училища 59
- Гуляев Захар, крестьянин Одоевского у. 120
- Гуляев (Беляев) Игнат И., отставной солдат 120, 121
- Гурьянова Н.С.* 258
- Дамаскин** (Росов), еп. Тульский и Белевский 188, 226
- Данилевский И.Н.* 241
- Данилов Матвей Артемович, одноворец, душевнобольной 139
- Дараган Петр Михайлович, тул. губернатор 180, 223
- Дашкова Екатерина Романовна, гос. деятель, президент Российской академии 200
- Декроо Анна, жена заводоладельца Ф. Акемы, позднее В.П. Меллера 240
- Демидов Акинфий Никитич, заводоладелец 256
- Демидов Анатолий Николаевич, заводоладелец, благотворитель 236, 255, 259
- Демидов Никита Акинфиевич, заводоладелец, благотворитель 80, 256, 258
- Демидов Николай Никитич, заводоладелец, благотворитель 259
- Демидов Павел Григорьевич, заводоладелец, благотворитель 259
- Демидов Прокофий Акинфиевич, заводоладелец, благотворитель 200, 256-258
- Демидовы, род 158, 199, 234, 237, 241, 246, 254-256, 258, 259
- Дидро Дени, философ 200
- Димитрий (Муретов), еп. Тульский и Белевский 8, 14, 222
- Донской (Данской) Петр, майор 84
- Доронин Федор, каширский градский голова 104
- Дуров, колл. сов., управляющий Бобринковской вол. 63
- Дюблуде Филипп, учитель Александровского училища в Туле 84-86
- Екатерина II** Алексеевна, имп. 22, 26, 46, 73, 94, 130, 195, 196, 200, 202-204, 206, 210, 212, 213, 215, 234, 252
- Елагин Алексей Андреевич, сын А.А. Елагина 79
- Елагин Андрей Алексеевич, белев. помещик 79
- Елагин Семен Андреевич, сын А.А. Елагина 79
- Емельянов Стефан, свящ. п. Рождества Богородицы в Туле, учитель Александровского училища 69, 86
- Ермолов Александр Петрович, ген. 77
- Жданов** Николай Николаевич, купец, каширский градский голова 78
- Жмыхов Федор Тихонович, оруж-к 45
- Жоли Иосиф Иванович, дир-р народ. училищ, содерж. Благородного пансиона в Туле 68, 97, 100, 206, 213

Завадовский Петр Васильевич,
гр., действ. ст. сов., мин-р народ.
Просвещения 98, 107, 204, 212
Заведеев Иван (Иоани) Петрович,
свящ. Староникитской ц. в Туле 57
Закревский Арсений Андреевич,
гр., мин-р внутренних дел 215
Зубов Иван Г., тул. оруж-к, под-
рядчик 134
Зув В.Ф. 253
Зыбин С.А. 234

Иванов Александр, протоиерей 7
Иванов Андрей, свящ. – см. Лас-
кин А.И.
Иванов Афанасий, крестьянин
253, 254
Иванов Иван, свящ. с. Грецова
Тульского у., душевнобольной 138
Иванов Илья, воспитанник 117
Иванов Николай, свящ. ц. Рожде-
ства Пресв. Богородицы, что на
Ржавце, в Туле 44
Иванов Николай, свящ. ц. Георгия,
что в Казенной слоб. в Туле 110
Иванов Николай, дьякон Покров-
ской ц. в Туле, содерж. домаш.
училища 66
Иванов Николай, пономарь, ду-
шевнобольной 135, 137
Иванов Николай Иванович (Петро-
вич?), действ. ст. сов., тул. гражд.
губернатор 70, 108, 208, 209
Иванов Савелий, солдат 250
Иванов Симеон, тул. свящ. 37, 199
Иванов Семен младший, свящ.
Никола-Зарецкой ц. в Туле 199
Иванов Семен старший, свящ.
Никола-Зарецкой ц. в Туле 199
Иванова Мария, внебрачнорож-
денная 115
Илларион, архимандрит 252
Ильин Никифор, свящ. Покров-
ской ц. в Туле, содерж. домаш.
училища 66
Иогансон Ф.К., типограф 15

Исакиев Стефан, дьякон ц. Рожде-
ства Христова в Туле, содерж.
домаш. школы 101

Кабанов В.В. 241
Калзаков, отставной лейтенант
флота, дир-р Тульского глав. на-
род. училища 97, 107
Каменщиков Г.В. 30
Кампенгаузен Б.Б., мин-р внут-
ренних дел 215
Кандидова Анна, благотворитель
159
Карпов Иван, свящ. ц. Николы на
Ржавце в Тулы 138
Картавцев Павел, ученик 94
Катышев Федор И., учитель рисо-
вания в Тульском глав. народ.
училище, содерж. домаш. учили-
ща 60, 96
Клеандрова В.М. 249
Ковалевский Ефрем, учитель Одо-
евского уездного училища 107
Козлова Н.В. 244, 261
Козловский И.П. 241
Константин Николаевич, вел. кн. 221
Кочубей В.П., гр., мин-р внутрен-
них дел 215
Кравшин Петр, учитель Тульского
глав. народ. училища 60
Красноглазов С.Т., благотворитель
224
Краусов Иосиф, регистратор 81
Кречетников Михаил Никитич,
кн., тул. и калуж. ген.-губерна-
тор 39, 62, 118, 176, 197, 199,
200, 206, 211
Крюков Е.М., уездный предводи-
тель дворянства 70
Крюков Павел Иванович, сов. ка-
зенной палаты 77
Ксения Александровна, вел. кн. 222
Кузовлева Елена К., благотвори-
тель 25, 162, 179-183, 218
Куликова М.В. 211
Лангер Карл Иванович (Карл Ге-
нрих), проф., надв. сов., инспек-

- тор Александровского училища в Туле 81, 84, 86-89, 211
- Ласкин Андрей Иванов, свящ. при Тульском воспитательном доме 110, 113
- Лачаева М.Ю.* 235
- Лев Великий, свт., папа Римский 152, 218
- Лев I Великий, византийский имп. 218
- Леонов Михаил, алексинский городничий 103
- Лесков Н.С., писатель 24
- Ливенцовы, род 246, 248, 255
- Лихарев Федор С., подпоручик 148, 217
- Лихуд Иоанникий, богослов 207
- Лихуд Софроний, богослов 207
- Лицкий Василий, каширский мешанин 141, 142
- Логинов В.С.* 211
- Лозинский Р.Р.* 224, 246
- Лопухин Андрей Иванович, действ. ст. сов., правитель Тульского намест-ва, тул. гражд. губернатор 62, 206
- Лопухин Иван, губернатор, председатель Тульского приказа общественного призрения 47
- Лопухина, помещица 148
- Лугнины, род 248, 255
- Максимов** Корней, крестьянин, душевнобольной 137, 139
- Малинин Димитрий Феодулович, протоиерей, законоучитель Александровского училища в Туле 69, 84
- Мария Александровна, имп. 159, 222
- Мартьянов (Мартинианов) Никита С., крестьянин, душевнобольной 136, 137
- Масолов Николай – см. Мосолов Н.
- Матвеев Иван, крестьянин 148
- Матякин Василий Федотович, надв. сов. 81
- Матюшенков, учитель Александровского училища в Туле 85
- Медушевская О.М.* 241
- Меллер Вахрамей (Вернер) Петрович, торговый иноземец, заводладелец 240-242
- Меркель Иван, гофмейстер, учитель Александровского училища в Туле 84, 86
- Маркова С.М.* 27
- Меркулов Петр П., ген.-майор 93
- Мефодий (Смирнов), еп. Тульский и Белевский 86, 93, 110, 137, 211
- Миллер Г.Ф.* 211
- Михайлов Иван, свящ. с. Симонова Алексинского у. Тульской губ. 138
- Михайлов Иван, дьячок Петропавловской ц. в Туле, содерж. домаш. училища 66
- Михайловский Василий В., учитель Тульского глав. народ. училища 96
- Михалева М.А.* 30
- Моисеев Захар, пономарь Преображенской, что на Старой пл., ц. в Туле, содерж. домаш. училища 66
- Моисеев Максим, капрал 251
- Молчанова, надзирательница Тульского воспитательного дома 112
- Мосин А.Г.* 237, 256, 258
- Мосолов Антипа Максимович, заводладелец 198
- Мосолов (Масолов) Николай, дворянин 54
- Мосоловы, род 234
- Мохначева М.П.* 28
- Муравьев Михаил Никитич, тайн. сов., попечитель Московского унив-та и Московского учебного округа 98, 213
- Муромцев Матвей Васильевич, тул. губернатор 57, 204
- Мяснов Василий Алексеевич, капитан 88
- Мяснов Николай Васильевич, ученик 88
- Мяснов Петр Васильевич, ученик 88

- Пазаров Иван, учитель Александровского училища в Туле 84, 86, 89
- Наумова Г.Р.* 235
- Неглинский Евфимий А., мещанин, староста Николаевской, что за валом, ц. в Туле 157
- Неклюдов Е.Г.* 259
- Нечаев С.Д., дир-р училищ Тульской губ., позже обер-прокурор Синода, сенатор 219
- Никандр (Покровский), еп. Тульский и Белевский 7
- Никифоров Тимофей, пономарь ц. с. Горелки, душевнобольной 138
- Николаева Екатерина К., благотворитель 179, 180
- Николай I Павлович, имп. 10
- Никольский Н.М.* 250
- Новиков Дмитрий, бургомистр Одоевского городского магистрата 103
- Новиков Н.И. 194
- Новицкая Т.Е.* 249
- Новосильцева Екатерина Александровна, благотворитель 76
- Нордерман Кондратий Филиппович, торговый иноземец 240-242
- О**водов Роман Андреевич, тул. купец 77
- Оленин Евгений Иванович, тул. гражд. губернатор 124, 215
- Ордин, эконом Александровского училища в Туле 75, 81
- Орлов Григорий Григорьевич, кн., ген.-адъютант, ген.-аншеф, ген.-фельдцейхмейстер 210, 215
- Осипов М., крестьянин, душевнобольной 136
- Охотников Александр Козьмич, церковник, содерж. домаш. училища в приходе ц. Рождества Христова в Туле 65
- П**авел I Петрович, имп. 200, 212, 216
- Павлов Гавриил Иванович, протоперей, свящ. Староникитской ц. в Туле, основатель публичной библиотеки 57, 58
- Панов Владимир Георгиевич, сын Г.И. Панова 11
- Панова Александра Матвеевна, жена Г.И. Панова 11
- Панова Ольга Георгиевна, дочь Г.И. Панова 11
- Пашинин, надзиратель Тульского воспитательного дома 109
- Перлашко В.Б.* 238, 243, 244
- Петелин В.С., казак 136
- Петр (Могила), архимандрит Киево-Печерской лавры 207
- Петр I Алексеевич, имп. 207, 245, 248, 249
- Петров Иван Игнатъевич, тул. купец, благотворитель 160
- Петров Тимофей, дьячок Успенской ц. в Туле, содерж. домаш. училища 66
- Пиняев Андрей, штаб-лекарь, гл. надзиратель при Тульской градской больнице, смотритель Тульского воспитательного дома 114, 131, 133, 138, 140-142
- Пирожкова Т.Ф.* 4
- Питирим (Окнов), еп. Тульский и Белевский 11
- Покровский Феофилакт Гаврилович, учитель Тульского глав. народ. училища, позднее Тульской губ. гимназии, правящий должность ее дир-ра 59, 96, 100, 107, 204
- Попов Яков, купец, заводовладелец 253, 254
- Постников Д., заседатель Тульского приказа общественного призрения 111
- Постуховы, род 246, 248, 255
- Правшин Петр Т., квартальный надзиратель в Белеве, учитель Тульского глав. народ. училища 99
- Преображенский А.А.* 238, 243, 244
- Присенко Г.И.* 16

- Прозоровский Дмитрий Александрович, губ. предводитель дворянства 70, 208
- Прокопорский, тит. сов., гл. надзиратель при Тульской градской больнице 133
- Пронин А.М. 30
- Проселков Сергей, надзиратель Тульского воспитательного дома 109
- Протасов Василий И., действ. ст. сов. 93
- Прудовский Михаил, протоиерей ц. Воскресения, член Попечительства о бедных духовного звания Тульской епархии 188
- Пугачев Емельян Иванович, предводитель народного восстания 215
- Радищев Александр Николаевич**, писатель 258
- Раиса, мч. 225
- Райков Гавриил, учитель танцев Александровского училища в Туле 85
- Рейсер С.А.* 189, 190
- Роде Христофор, учитель Тульского глав. народ. училища 60
- Родионов Георгий, дьякон Преображенской ц. в Туле, содерж. до- маш. училища 66
- Романов Иоанн, протоиерей ц. Покрова в Туле, секр. Попечительства о бедных духовного звания Тульской епархии 188
- Ромашина Е.Ю.* 27, 213
- Румянцев Михаил Петрович, гр., благотворитель 79
- Румянцев Николай Петрович, гр., благотворитель 79
- Румянцева М.Ф.* 241
- Садыков Илья Н.**, учитель Тульского глав. народ. училища 59, 60, 96, 206
- Сахаров Алексей Иванов, дьякон Никольской ц., что за Упой рекою, в Туле 66
- Свешников Борис, купец, вероятно белевский 117
- Свистунов Петр С., сенатор, действ. тайн. сов., первоприсутствующий (глав. дир-р) в Комиссии об учреждении училищ 83, 97, 102, 204, 211
- Селиверстова Вера, алек. помещица 254
- Семенов Матвей, свящ. Преображенской, то на площади, ц. в Туле 43
- Семилеткин Степан, отец Семилеткина И.С. 139
- Семилеткин Иван Степанович, душевнобольной 139
- Сергеева А.* 27
- Силин Дмитрий, свящ. 11, 232
- Симонова Е.В.* 17
- Сицкий А.Г. – см. Бобринский А.Г.
- Случанский С., владелец фирмы в Париже 7
- Соколов Н.И., владелец типографии 195
- Сокольников Козьма Семенович, тул. архитектор 37, 199
- Сокольников Василий, колл. регистр., губ. секр., учитель Александровского училища в Туле 85
- Соломатина Т.С.* 234
- София Алексеевна, царевна 207
- Спенсер Герберт, философ и социолог 15
- Степанов Василий, коновал, душевнобольной 139
- Степанов Тимофей, дворовый человек 54
- Стриттер Иван Михайлович, историк 92, 212
- Строганов Аника Федорович, предприниматель 238
- Строгановы, род 238
- Ступин, квартальный надзиратель 112
- Сухопаров Иван, бургомистр Ефремовского магистрата 103
- Тамилин Я.М.** – см. Томлов Я.М.

- Татаринов Николай, ученик 94
 Тимофеева Марфа, крестьянка, душевнобольная 139
 Тиньков Сергей Я., ст. сов. 93
Титов Н.Ю. 249
 Тихвинский Ф., свящ. 232
 Томиллов (Тамилин) Яков Михайлович, тул. гражд. губернатор 70, 110, 208
 Травинский Николай, учитель Александровского училища в Туле 85, 88
Троицкий Н.И. 11, 15, 246
 Трощинский Дмитрий Прокофьевич (Прокопович), тайн. сов., сенатор 93, 212
 Трунова Прасковья Ивановна, помещица 55
Трутнева Н.Ф. 234
 Трухина, благотворитель 224
 Туберозов Савелий, священник, лит. персонаж 24
- У**льяна, старица, благотворитель 243
Ульянова Г.Н. 4, 21, 220
 Ушаков Николай, штык-юнкер 77
- Ф**едор Алексеевич, царь 207
 Федоров Андрей, дьякон Староникитской ц. в Туле 101
 Федоров Сергей, казак 136
 Федулов Иван, свящ. Георгиевской (Владимирской), то на Ржавце, ц. в Туле 44, 110
 Феодосий (Михайловский), еп. Коломенский и Каширский 43, 176, 177, 201
 Филарет (Дроздов), митрополит Московский 167, 223
Филиппов И. 258
 Филиппов Никита, дьякон Благовещенской ц. в Туле, содерж. до- маш. училища (школы) 66, 100
- Фомин Н.К.* 208, 212, 234
Фомин Э.А. 235, 236, 243, 244, 248, 255
- Х**арахорин, штаб-лекарь, врач Тульской градской больницы 49, 137
 Хирин Борис П., веневский мещанин 144
 Хитрово, белевский городничий 116, 117
 Хомяков Михаил Васильевич, секунд-майор, дир-р Глав. народ. училища 62
- Ц**ымен Христофор, гимназист и учитель 85
- Черкасова А.С.* 237, 256, 258
 Черниговцев Петр, учитель Глав. народ. училища 59
 Черниковы, род 248
- Ш**апошников Иван А., тул. купец 148
 Шапошников Максим Иванович, сын Шапошникова И.А. 148
 Шапошникова Елена, жена Шапошникова М.И. 148
Шевырев С.П. 211
 Шелехов, надв. сов., служащий при Комиссии об учреждении училищ 92
 Шумахер, аптекарь 49
- Щ**епкин М.П., типограф 239
Щербатов М.М. 257, 258
 Щербатов Павел П., кн., камергер 93
- Ю**ркин И.Н. 16, 29, 30, 233, 234, 237, 239, 246-248, 254, 256
- Я**нкович де Мириево Ф.И. 212

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ И ТОПОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Азия** 63
Алексин, г. 76, 103, 209
Алексинский у. Тульской губ. 138
Америка 63
Африка 63
- Бездонная, д. Новосильского у.**
136
Белев, г. 41, 54, 68, 79, 86, 93, 99,
104-107, 110, 114-116, 137, 170
Белевский у. 17, 76
Бобрики, с. 62, 63, 206
Бобриковская вол. 62, 63
Богородицкая вол. 62, 63, 67, 206
Богородицк, г. 62, 63, 67, 68, 120, 206
– Казанская ц. 206
Богоявленское, с. Епифанского у.
138
- Варшава, г.** 241
Великий Устюг, г. 243
Венев, г. 117, 118, 170
Вильно, г. 213
Волга, р. 239
Волгоград, г. 251
- Горелки, с. Тульской губ.** 138
Грещово, с. Тульского у. 137
- Дерпт, г.** 213
- Европа** 63, 241, 255
– Западная 241
- Екатеринбург, г. 237, 238
Елецкий у. 253
Епифанский у. Тульской губ. 138
Епифань, г. 139
Ефремов, г. 209
Ефремовский у. 212
- Зарайск, г.** 170
Здоровец, с. Ливенского у. 5
- Казань, г.** 213
Калязин, г. 244
Калуга, г. 118, 176
Калужская губ. 98, 197
Кама, р. 239
Кашин, г. 244
Кашира, г. 43, 76, 104, 201
Каширский у. 39, 199
Киев, г. 5, 59, 69, 207
Киевская дорога 59
Коломенская еп. 170
Коломна, г. 43, 169, 170, 201
Крапивна, г. 12, 117, 118, 170
Крым 10, 202
Крюковка, д. Тульского у. 129
Курляндия 216
- Левенское, с. Одоевского (?) у.**
126
Ливенский у. Орловской губ. 5
Лифляндия 25, 177, 178

- Михаиловское, с. Новосильского у.** 136
- монастыри (вкл. лавры и пустыни)**
- Богоявленский в Москве 207
 - Братский в Киеве 207
 - Выговская пуст. 258
 - Выголексинское общежительство 258
 - Заиконоспасский в Москве 207
 - Ивановский в Туле – см. Предтечев
 - Киево-Печерская лавра 207
 - Коряжемский в Сольвычегодске 238
 - Лексинский женский 258
 - Николаевский Венев 252
 - Печерская лавра в Киеве – см. Киево-Печерская
 - Предтечев (Ивановский) в Туле 225, 250, 252, 253
 - Троице-Сергиева лавра 207
 - Успенский в Туле 247
 - Щегловский в Туле 225
- Москва, г.** 8, 12, 15, 21, 24, 29, 41, 48, 70, 111, 112, 130, 157, 163, 167, 179, 196, 200, 202, 211, 219, 220, 223, 237, 239, 241, 242, 244, 248-250, 253, 254, 257-260
- ворота**
- Калужские 163
 - Петровские 202
- карантинный двор** 202
- улицы**
- Донская 163
 - 3-я Мещанская 202
- церкви**
- Казанская, что у Калужских ворот 163
 - Риз Положении на Донской ул. 163
- Московская губ.** 208
- Московская еп.** 178, 179, 224
- Московский учебный округ** 98
- Нижнетагильские заводы** 258
- Нижний Тагил, г.** 259
- Новая Слобода, д. Одоевского у.** 125
- Новгород, г.** 253
- Новороссия** 202
- Новосибирск, г.** 258
- Новосиль, г.** 76, 102
- Новосильский у. Тульской губ.** 135
- Область войска Донского** 198
- Одесса**
- Троицкая греческая ц. 223
- Одоев, г.** 12, 13, 76, 77, 104, 105, 107, 209
- Одоевский у. Тульской губ.** 13, 120, 121, 125, 211
- Орловская губ.** 5
- Павшино, с. Тульской губ.** 214
- Париж, г.** 7, 100
- Помпея, г.** 259
- прибалтийские губ.** 29, 198
- Пшево, с. Новосильского у.** 135
- Радугуши, с. Одоевского у.** 120
- Речь Посполитая** 207
- Рим, г.** 218
- Российская империя (Российское г-во, Россия)** 16, 17, 21, 23, 26-28, 58, 63, 73, 81, 82, 92, 114, 154, 165, 179, 185, 191, 198, 204, 205, 207, 211, 213-216, 222, 226, 233-235, 239, 240, 244, 251, 258
- Русь** 238
- Рязанская губ.** 197
- Санкт-Петербург, г.** 17, 25, 26, 29, 160, 161, 163, 165, 212, 219, 223, 235, 251, 253, 258
- Благовещенская ц. на Васильевском о-ве 163
 - Васильевский о-в 163
- Санкт-Петербургская губ.** 208
- Серпухов, г.** 170
- сибирские губ.** 198
- Сибирь** 219
- Сидорова, с. Чернского у.** 120
- Симоново, с. Алексинского у.** 138
- Скобочево, с. Одоевского у.** 47, 123, 125-127, 130

Скородное, с. Новосильского у.

136

Сольвычегодск, г. 238

Сызрань, г. 45

Тверь, г. 244

Тула, г. 5-9, 11, 12, 14-16, 21, 22,

25-29, 31-33, 35, 37, 39, 46, 48, 53,

58, 59, 63, 66-71, 73, 74, 76-78, 80,

82, 86, 87, 93, 99-102, 108, 110,

112, 113, 118, 122, 127, 130, 137,

145, 149, 156, 157, 159, 161, 166,

167, 169-173, 176, 177, 179, 180,

182, 189, 192, 195, 198-202, 204,

206, 209, 214, 216-218, 221-224,

232-235, 237, 238, 245-248, 250,

252-255, 258, 259

- архиерейский дом 184, 225

- Васильковский мост 225

- Гончары 37

- Заречье 210, 222, 223

- здания *отдельные*

- - А.Р. Баташева (баташевский дом) 123

- - Демидовых в Кузнецкой слоб. 36, 199

- - Демидовых на заводе («дом на плотине») 199

- - Киевская дорога 59, 204

- - Киевская застава 224

- - Киевские ворота 173

- - Оружейный двор 37

- - Оружейный завод 45, 90

- - Оружейный завод новый 225

- *приходы*

- - Петропавловский 100

- - тульские 169, 171, 172, 174

- Ржавец 12, 44, 110

слободы

- - Кузнецкая (оружейная) казенная 110, 198, 199, 206, 247

- - Павшинская 158, 214, 246

- - Чулкова (Чулково) 65, 67, 101, 173, 206, 223

- Старая площадь

- *стороны*

- - Градская (Купеческая) 122, 170, 173, 202, 223

- - Оружейная (Московская) 35, 50, 64, 67, 134, 170, 173, 199, 206, 223

- - Триумфальные ворота на Киевской дороге 59

- *улицы*

- - Георгиевская (сов. Луначарского) 224

- - Горская (совр. Комсомольская) 223

- - Дзержинского - см. Почтовая

- - Дрейера наб. - см. Набережная

- - Жаворонкова 224

- - Киевская (совр. пр. Ленина) 114, 202, 204, 224

- - Кирова 225

- - Комсомольская - см. Горская

- - Ленина пр. - см. Киевская

- - Луначарского - см. Георгиевская

- - Мосина - см. Павшинская

- - Набережная (совр. наб. Дрейера) 223

- - Никитская (совр. Староникитская) 160, 222

- - Никольская 198

- - Октябрьская 225

- - Павшинская (совр. Мосина) 214, 222, 224, 225

- - Патронная 225

- - Первомайская 224

- - Почтовая (совр. Дзержинского) 11

- - Революции 224

- - Староникитская - см. Никитская

- - Энгельса 224

- - Хопер 12, 159, 222

- *церкви*

- - Архангела Михаила при Михайловском детском приюте 225

- - Благовещенская 35, 66, 100, 198

- - Боголюбская 12

- - Богородичная (в честь иконы Пресвятой Богородицы

- «Прежде Рождества и по Рождестве Дева») за Киевской заставой 224
- Владимирская при Кузовлевской богадельне 181, 224
- Владимирская, что на Ржавце 12, 44
- Воздвиженская, что за рекой – см. Крестовоздвиженская
- Вознесенская 8, 9, 12, 13, 35, 37, 159, 246
- Воскресенская 188
- Всех Святых (кладбищенская) 33, 35, 44, 47, 149, 158, 199, 202, 217
- в честь иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих Радость» при богадельне оружейного завода 225
- Георгиевская, что на Хопре (Святодуховская) 12, 35, 159
- Димитрия Солунского при богадельне купца Петрова 222, 224
- Казанская 43, 163, 199
- Крестовоздвиженская 35, 43, 246
- Марии Магдалины при Маринском детском приюте 224
- Николая Чудотворца (Никола-Александрийская) при Николаевском детском приюте (дворянском пансион-приюте) 224, 225
- Николо-Зарецкая – см. Христорождественская за рекою
- Никольская, что за валом 35, 157, 179
- Николоржавская – см. Рождества Богородицы
- Петропавловская 43, 66, 67, 158
- Покрова Пресвятой Богородицы 66
- Преображенская, что на площади (что близ Старой площади) 43, 44, 66
- Раисы св. мученицы при богадельне 225
- Рождества Богородицы (Богородицерождественская) или Пречистенская, что в Гончарах (что за рекой) 12, 35, 37, 159, 199
- Рождества Богородицы, что на Ржавце (Никола на Ржавце) 44, 138
- Рождества Христова – см. Христорождественская
- Серафима Саровского при приюте-богадельне 224
- Староникитская (вмч. Никиты, в 1-й гор. части) 5, 6, 8, 11-13, 15, 16, 27, 33, 36, 56-58, 66, 101
- Тихвинская при приюте Трухиной 224
- Успенская в Павшинской слоб. 35, 66, 158, 246
- Флора и Лавра 199
- Христорождественская в 4-й гор. части (Чулковская) 65, 101, 173, 223
- Христорождественская за рекою или Николо-Зарецкая (Никольская, что за рекой, за Упою рекой, Христорождественская Зарецкая, Демидовская) 12, 16, 35, 66, 158, 199, 210, 216
- части
 - Градская 47, 139, 202
 - Зарецкая 134, 216
 - Оружейная 64, 206
 - Павшинская 100, 214
 - 1-я 202, 214, 223
 - 2-я 67, 202, 223, 224
 - 3-я 206, 216, 223
 - 4-я 65, 206, 223
- Тулица, р. 206
- Тульская губ. 4, 13, 15, 17, 29, 35, 39, 42, 68, 70, 71, 73, 75, 77, 81, 82, 98, 101, 102, 108, 126, 127, 189, 197, 200, 204, 210, 211, 219, 220

Тульская еп. 8, 10, 69, 156, 181,
182, 184, 185, 223, 225
Тульская обл. 5, 7, 18, 19, 20, 27,
30, 198, 201, 247, 250, 252-254
Тульская пров. 201
Тульский у. 129, 212
Тульское намест. 32, 33, 35, 36, 38,
53, 59, 65-67

Угольная, д. Одоевского у. 125
Упа, р. 35, 66, 173, 206, 210, 216

Франция 100

Харьков, г. 213
Херсон, г. 253

Чернский у. Тульской губ. 30, 120

Ярославль, г. 258, 259

УКАЗАТЕЛЬ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

Академии духовные

- Киевская 5, 69, 207, 213
- Московская (Заиконоспасская) 60, 69, 207

архивы

- Государственный Тульской области 5, 7, 18-20, 27, 30, 198, 201, 247, 250, 252-254
- Московский Коллегии иностранных дел 212

аптеки

- при Оружейной больнице (в Туле) 50

Банки

- Александринский, тов-во 157, 159, 222
- Сушкинский 222

библиотеки

- Публичная (Староникитская, при тул. Староникитской ц.) 15, 16, 56
- Тульская губернская публичная 57, 58
- Тульская областная универсальная научная библиотека 16, 30, 34

Благородный пансион И.И. Жоли (в Туле) 68, 97, 100, 206, 213

богадельни (в Туле)

- Красноглазова С.Т. 224

– Кузовлевская 25, 179-181, 218, 223, 224

– купца Петрова 222, 224

– на Оружейной стороне, близ моста через р. Упу 35

– нового оружейного завода 225

при церквях

– – Благовещенской 36, 198

– – Воздвиженской, что за рекой 36

– – Вознесенской 36, 159

– – Всех Святых (кладбищенской) 35, 36, 149, 158, 217

– – Георгиевской (Егорьевской) 36, 159

– – Казанской 199

– – Никольской, что за валом (Николозавальской) 36, 157, 158, 179

– – Никольской (Христорождественской), что за рекой (Заречкой) 36, 158, 199

– – Петропавловской 158

– – Рождества Богородицы, что в Гончарах, за рекою (Пречистенской) 36-38, 159

– – Староникитской 36

– – Успенской в Павшинской слободе 36, 158

больницы

- Баскаковская 79

- Гражданская (в Туле) – см. Тульская Приказа общественного призрения
- Екатерининская (в Москве) – см. Московская Екатерининская
- земская (в Туле) 108
- Московская Екатерининская 48, 130, 202
- Оружейная (в Туле) 49, 50, 134
- Староекатерининская (в Москве) 202
- Тульская Приказа общественно-го призрения (Градская общая) 14, 48-50, 73, 130-140, 161
- Тульская для оружейников – см. Оружейная
- Братство св. Иоанна Предтечи 10
- Ведомство учреждений императрицы Марии** 222
- Гимназии**
 - Тульская женская прогимназия 11
 - Тульская мужская классическая 27, 69, 89, 204, 206, 207
- Государственное казначейство 161
- Губернское земское собрание 198
- Губернское по крестьянским делам присутствие 219
- Губернское правление 52, 214, 219
- Департаменты**
 - Государственного казначейства Министерства финансов 209, 214
 - Лесной 216
 - Медицинский Министерства внутренних дел 216
- дома**
 - *воспитательные*
 - – Белевский (градский) 41, 114, 116, 117
 - – Веневский 117
 - – Крапивенский 118
 - – Московский 39, 41, 42, 109, 111, 112, 116, 200, 214, 258
 - – Тульский 39, 41, 43, 46, 73, 108-115, 118, 119, 132, 192
 - – Екатерининский богадельный (в Москве) 202
 - *инвалидные* (в Туле)
 - – Баскаковский (Баскаковская богадельня) 22, 45, 47, 118, 122, 125, 128, 130, 210
 - – казенный 45, 46, 48, 73, 118-121
 - *призрения*
 - – Михайловский (богадельня и приют оружейного общества, в Туле) 160
 - – нищих (в Петербурге) 161
 - – престарелых, убогих и увечных (богадельня, в Туле) 157, 222
 - – для заштатных священников и диаконов (в Москве) 178
 - рабочий (в Туле) 54, 140, 141, 148
 - смирительный (Дом смирения) (в Туле) 35, 46, 48, 53, 55, 56, 73, 140-145, 147-149, 191
 - трудящихся (в Туле) 159, 160-162
 - думы**
 - Белевская градская 104-106
 - Крапивенская 118
 - Одоевская градская 104-106
 - Тульская городская 222
 - шестиголосные 196
 - Заводы**
 - Тульский Демидовых 199
 - Тульский оружейный 64, 198-200, 202, 211
 - Кабинет Его Величества** 10
 - канцелярии**
 - Государственная 221
 - Обер-форшмейстерская 133
 - Тульская оружейная 209, 247
 - Тульская провинциальная 251, 252, 254
 - Экономического правления 252

коллегии

- Военная 131, 250, 252
- Государственная 48
- Иностраных дел 211
- Медицинская 131, 134, 216
- Штатс-контор 250, 251
- Экономии 251, 252
- Юстиц 257

Коломенский архиерейский духовный приказ – см. Коломенская духовная консистория

комиссии

- духовных училищ 186, 225
- училищ (об училищах, об установлении училищ, для устройства народных училищ, Главное училищ правительство) 59-61, 67, 69, 82-85, 87, 89, 91-97, 101, 102, 106, 176, 204, 211, 213

комитеты

- *высшие и центральные*
- – Главный ком-т об устройстве сельского состояния 156, 221
- – для изыскания способов к улучшению духовных школ и обеспечению приходского духовенства 225, 226
- – медико-филантропический Человеколюбивого общества 223
- – министров 128, 129, 215
- – об усовершенствовании духовных училищ – см. К-т для изыскания способов к улучшению духовных школ
- – попечительный о бедных Человеколюбивого общества 223
- – учебный при Свят. Синоде 6
- *местные*
- – для разбора и призрения нищих (просящих милостыню; Ком-ты о нищих) (в Петербурге и Москве) 25, 155, 160, 161, 165, 217, 219, 220
- – по делу духовного назидания народа (в Туле) 10
- – по отчетности сумм, израсходованных на перестройку зда-

ния Тульской духовной семинарии 8

- – по пристройке нового корпуса Тульской духовной семинарии 7-8
- – по проверке семинарской отчетности (в Туле) 8
- – по содержанию Тульской духовной семинарии 8
- – ревизионный Тульской духовной семинарии и училища 6
- – ревизионный по проверке отчетности сумм попечительства Тульской духовной семинарии и училища 6
- – Тульский ком-т нищих 161, 162, 168

консистории духовные

- Коломенская 43, 44, 177, 201, 252
- Московская (дикастерия) 201
- Тульская 13, 86, 91, 137, 138, 143, 158, 162, 169-174, 184, 201

корпуса

- Тульский Александровский кадетский 69, 80
- Морской шляхетский (шляхетный) 85

Магистраты

- городовые (городские)
- – Белевский 55, 104
- – Богородицкий 60
- – Епифанский 139, 143
- – Ефремовский 103
- – Каширский 103, 143
- – Одоевский 103
- – Тульский 55, 60, 142, 222
- губернский 32, 196

министерства

- внутренних дел 21, 128, 129, 197, 211, 214-216
- духовных дел и народного просвещения 226
- народного просвещения 213
- полиции 123, 124, 127, 214, 216
- финансов 209, 214, 222

Острог (в Туле) 110, 140, 145
Опекунский совет (Императорский Опекунский совет, Московский Опекунский совет) 41, 130, 214

Палаты

– суда и расправы 78
– Тульская гражданская 60
– Тульская казенная (Тульское казначейство) 48, 60, 64, 75, 77, 78, 121, 131, 133, 211, 214
– Тульская суда и расправы 54, 70, 71, 135, 142, 148, 212, 217
– Тульская уголовная (уголовного суда) 54, 149, 208, 212
– гражданского суда 203, 205, 208
– уголовного и гражданского суда 70, 208
– уголовного суда и расправы 203
Петербургская академия наук 212
Петербургская благотворительная община при ц. Благовещения на Васильевском о-ве 163
Попечительство о бедных духовного звания (Духовное попечительство) Тульской епархии 25, 184, 185, 187, 188, 225, 226

правления

– волостное 221
– Главное прав-е училищ 213
– *духовные*
– – Ефремовское 201
– – Лихвинское 201
– – Одоевское 201
– – Тульское 43, 110, 169-173, 201
– Оружейное 75, 90, 134, 160, 209
– Тульское губернское 32, 54, 86, 116, 135, 137, 143, 149, 246
– Тульское наместническое 32, 35, 36, 38, 59, 65, 66, 172, 196

приказы

– Монастырский 250
– Посольский 239
– Тайный дел 239
– Тульский общественного призрения (Тульского наместничества Приказ общественного

призрения) 21, 26, 27, 32, 33, 35, 37-39, 41-50, 52, 55-66, 68-71, 73, 75-80, 82-87, 89-96, 98-104, 106-119, 121-143, 145, 147, 149, 150, 180, 191, 198, 200, 205, 206, 209, 213, 253

приюты (в Туле)

– вел. кн. Ксении Александровны 222
– дворянский пансион-пр-т 224
– Красноглазовский 222, 224
– Маринский детский 222, 224
– Михайловский детский 225
– Николаевский детский 27, 222, 225
– приют-богадельня 224
– Трухиной 224

Расправы

– Верхние 32, 196, 205
– Нижние 70, 71, 196, 205
– – Ефремовская 60

ратуши

– Крапивенская городская 143
– Тульская оружейная 32, 45, 54, 198
– Чернская городская 104

Семинарии духовные

– Воронежская 59
– Коломенская 100, 101
– Орловская 5
– Переяславль-Залесская 59
– Севская 59
– Тульская 6-8, 11, 18, 19, 28, 30
Сенат Правительствующий 44, 82, 87, 93, 95, 97, 110, 131, 196, 200, 209, 252
– 1-й департамент 93, 209
Синод Святейший 6, 84, 110, 181, 182, 186-188, 201, 219, 224-226, 249, 250

Сиропитательное отделение богоугодного заведения (в Туле) 108
собрания

– Тульское депутатское 57
– уездное земское 221

советы

- Государственный 212, 213, 221
- епархиальный училищный 8
- Московского воспитательного дома 111, 112
- Тульский земский училищный 8

суды

- *земские* 39, 102, 138, 200, 214
- – верхний 32, 196, 200, 201, 214
- – нижний 135, 138, 200, 201, 214
- – Епифанский 143
- – Новосильский 135, 136, 139, 143
- Совестьный 71, 197, 198, 200, 208, 214, 217
- Тульский уголовный 53, 142
- уездные 39, 54, 200
- – Одоевский 149
- – Тульский 143

сход

- волостной 220
- сельский 220

Тульская градская полиция 127, 149, 150

Тульское уездное отделение Епархиального училищного совета 8, 10

Университеты

- Геттингенский 21, 213
- Йенский 211
- Московский 60, 81, 84, 93, 98, 99, 211, 213, 256-258
- Тверской 244

управления

- волостное 219
- Духовно-учебное 226

управы

- городская врачебная 96, 134, 135, 216
- губернская земская 33, 35, 198
- Тульская благочиния 32, 37, 54, 56, 60, 172, 215

училища

- Александровское для детей бедных дворян в Туле (Тульское Александровское дворянское,

Александровское военное) 69, 73-89, 123, 124, 209, 259

- Богородицкое (частное в Богородицкой и Бобриковской волости учил.; волостное Богородицкое и Бобриковское учил.) 62, 63, 68, 206

– *главные народные*

- – Тульское 8, 27, 33, 35, 58-66, 68, 69, 73, 83-85, 89-94, 96-102, 107, 110, 176, 204, 205, 207, 208
- – Харьковское 106

– *домашние* (в Туле)

- – Благовещенское 66, 67, 100
- – Моисеева Захара, пономаря ц. Преображения Господня, что близ Старой пл. 66
- – Никитское 66, 67
- – Никольское 66, 67
- – Никольское на Ржавце 67
- – Петропавловское 66, 67
- – Покровское 66, 67
- – Рождественское на Оружейной стороне 63, 67
- – Рождественское в Чулкове 65, 67

– – Спасское 67

- – Успенское 66, 67
- – учителя Федора Катышева 67

– *духовные*

- – Тульское 6
- *уездные (малые, низшие) народные*

- – Белевское 106
- – Одоевское 106, 107
- – Тульское 99, 100

Человеколюбивое (Императорское человеколюбивое) общество 166, 223

Школы

- Благовещенская – см. Благовещенское домашнее училище
- Богоявленская в Братском монастыре (в Киеве) 207
- Оружейная (в Туле) 134

-
- Тульская главная народная
(Главная тульская школа юношества) – см. Тульское главное народное училище
 - Христорождественская (Чулковская) домашняя дьякона Стефана Исакиева (в Туле) 101
 - *церковноприходские* (в Туле)
 - – при Староникитской ц. 8
 - – при Щегловского мон. 225

Экспедиции

- государственной Медицинской управы 216
- о государственных доходах 75, 209

СОДЕРЖАНИЕ

- «Дух зрелый и здоровый» (Георгий Иванович Панов:
жизнь, творчество, научное наследие). *И.Н. Юркин* 5

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ ГОРОДА ТУЛЫ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX ВЕКОВ

Благотворительные заведения
города Тулы с 1784 г. по 1800 г.

<Общие сведения о Тульском приказе общественного призрения в конце XVIII в.>	32
1. <Богадельни>	33
2. <Воспитательный дом>	39
3. <Инвалидные дома: казенный и Баскаковский>	45
4. <Больницы: гражданская и для оружейников>	48
5. <Смирительный дом>	53
6. <Публичная библиотека>	56
7. <Народное училище>	58
8. <Частное и домашние училища>	62

Благотворительные заведения
г. Тулы в начале нынешнего столетия

<Общие сведения о Тульском приказе общественного призрения в начале XIX в.>	70
1. Тульское дворянское Александровское училище	73

2. Тульская главная народная школа	89
Домашние школы г. Тулы	100
Уездные народные училища Тульской губернии	101
3. <Воспитательные дома>	108
Тульский воспитательный дом	108
Воспитательный дом в Белёве	114
Воспитательные дома в Веневе и Крапивне	117
<4.> Инвалидные дома в г. Туле	118
а) Казенный инвалидный дом	118
б) Баскаковский инвалидный дом	122
<5.> Тульская больница	130
<6.> Смирительный дом	140
<7.> Богадельни	149

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИИ И АКТУАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И СОЦИАЛЬНОГО ПРИЗРЕНИЯ

О благотворительных учреждениях нашего времени	152
О приютах убогих	155
Богадельни в г. Туле	156
Двадцатипятилетие комитета нищих в Санкт-Петербурге	160
Комитет нищих в г. Туле	161
Приходские благотворительные общества	163
По поводу вопроса о приходском призрении бесприютных и нищих	164
О применении проектов приходских благотворительных общества к приходам г. Тулы	166
Разные попытки соединения тульских приходов близ церквей и распределения приходов по кварталам	169
Мысль о школах при тульских церквах по связи с приходскою благотворительностию	175
О бедных духовного звания	177
Тульское богоугодное заведение, имеющее быть в доме г-жи Кузовлевой	179

ДОПОЛНЕНИЕ

Попечительство о бедных духовного звания Тульской епархии
(отрывок) 184

КОММЕНТАРИИ 189

ПРИЛОЖЕНИЯ

Библиография работ Г.И. Панова по истории
благотворительности и смежным вопросам 229

Источники и литература о Г.И. Панове 231

И.Н. Юркин. Развитие форм филантропической деятельности
в предпринимательской среде русского города XVIII века
(некоторые проблемы истории благотворительности
при взгляде 130 лет спустя) 233

Указатель имен 262

Указатель географических и топографических названий 270

Указатель учреждений и организаций 275

Научное издание

Г. И. Панов

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ
И СОЦИАЛЬНОЕ
ПРИЗРЕНИЕ**

(конец XVIII – 60-е годы XIX века)

* * *

*Составление, сопр. статьи и комментарий
доктора исторических наук И. Н. Юркина*

Макет
С. С. Ермолаев

Издательство «Древлехранилище»
Лицензия № 00226 от 11.10.99
Тел./факс.: (095) 245 – 30 – 98

Формат 84x108/32. Печ. л. 8,875.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 509.

Отп. в ЗАО «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.

Первое посмертное издание избранных трудов тульского историка второй половины XIX века — работ, посвященных истории, состоянию и актуальным проблемам благотворительности и социального призрения в Тульской губернии и за ее пределами. Исторические очерки об учреждениях, состоявших в ведении Тульского приказа общественного призрения, написаны по архивным материалам. Издание сопровождают статьи, комментарий и указатели.

Подготовлено по инициативе и при участии Тульской Духовной семинарии.

